

Вячеслав Денисов

Бермудский артефакт

www.megabook.do.am

Аннотация:

Прошло около десяти дней с тех пор, как пассажиры морского лайнера "Кассандра" оказались брошенными на произвол судьбы на небольшом необитаемом острове близ Бермуд. Уже на вторые сутки стало очевидным, что на этом клочке суши они не одни... В ожидании возвращения "Кассандры" одна группа остается на берегу, другая отправляется на разведку в глубь джунглей. Внезапно на остров опускаются непроглядные сумерки, в которых хозяйничают неуловимые призрачные твари. Спасаясь от них, люди из второй группы находят наполовину вкопанный в землю огромный авианосец времен "холодной войны", а на его палубе пять американских бомбардировщиков - знаменитое звено "Эвенджеров", пропавшее в небе над "Бермудским треугольником" 5 декабря 1945 года...

Вячеслав Денисов

Бермудский артефакт

Морской пассажирский лайнер «Кассандра» совершает круиз по Карибскому морю. Помощник капитана судна предлагает группе пассажиров совершить небольшое путешествие на легких катерах и посетить один из необитаемых островов Бермудского треугольника. Пятнадцать человек сходят на живописный берег и отправляются на прогулку в джунгли, однако по возвращении не находят ни катеров, на которых приплыли, ни своих проводников. Исчезла и «Кассандра», которая ранее виднелась на горизонте...

Одному из пассажиров, итальянцу по имени Адриано, становится плохо, и он скоропостижно умирает. Англичанин доктор Донован констатирует смерть от отравления сильнодействующим лекарством...

Столь же внезапно ухудшается самочувствие еще у одного пассажира – бывшего морского офицера Макарова, заблудившегося в лесу. У него начинаются галлюцинации, наступает клиническая смерть. Однако во время комы кто-то делает ему спасительную инъекцию прямо среди джунглей. Доктор Донован приходит к выводу, что русского пытались отравить тем же препаратом, что и итальянца. Макаров вспоминает, что на корабле выпил кофе, который официант принес для Адриано. Второй итальянец, Франческо, путешествовавший вместе с покойным, ведет себя крайне подозрительно, впадает в ступор, но ни на секунду не расстается с кейсом, который зачем-то взял с собой на остров. Под пиджаком Франческо оказывается пистолет, который ему приходится отдать Макарову...

Макаров путешествует вместе с малолетним сыном по имени Питер. После гибели матери в автокатастрофе у Питера открылись экстрасенсорные способности – он может частично предсказывать будущее. На острове Питер встречает свою погибшую мать, а его отец, Макаров, находит в джунглях сим-карту без опознавательных знаков. Вставив ее в телефон и набрав неизвестный номер, он слышит в трубке голос покойной жены...

Пассажиры исчезнувшего лайнера решают разделиться. Большая часть остается на побережье, а Макаров, Донован и еще один русский по имени Гоша отправляются в глубь острова на разведку...

В скором времени все, кто сошел на берег, убеждаются в том, что остров обитаем. Здесь живет нечто кошмарное, необъяснимое и жестокое. Следуют первые нападения – существа, населяющие остров, активизируются в ночное время суток. Первым с ними встречается Макаров, и ему чудом удается спастись...

Тем временем Гоша и Донован случайно набредают в джунглях на врытый до половины в землю огромный авианосец. Спасаясь от неведомых агрессивных существ, они взбираются на его борт...

Оставшиеся на берегу разбивают лагерь. Еще один русский турист, называющий себя Левшой, отправляется ловить рыбу и исчезает. Во время рыбной ловли кто-то оглушает его ударом по голове. Придя в себя, Левша понимает, что привязан к дереву, видит вокруг себя усталых изможденных людей – это пассажиры другого прогулочного катера, отправившегося от борта «Кассандры» к острову на полчаса раньше...

Глава первая

Обхватив колени руками, Дженни сидела на берегу, и мгновения прошлого пролетали пред ней, как летучие мыши. Она ждала человека, который должен был вернуться. И казалось ей, что будущее ее и находящихся рядом людей зависит от него, и если он придет, то и прошлое перестанет ее терзать своими сомнениями и страхами.

...Штат Кентукки. Она открывает глаза в теплой постели, а рядом – кукла, Берта. Уже хорошо. Где мама? Папа где?

Идут годы. Девушка помнит, что она – Дженни из рода МакНаман и что мать умерла на руках ее, а отца незадолго до этого заломал гризли. Но болезнь все перемешала в ее голове. И даже муж ее, композитор и певец ее стихов, так глупо погибший в 99-м в автокатастрофе, запомнился ей лишь как очередной, полный сомнений и страхов, смутный эпизод прошлого...

«Твой дед, Стив МакНаман, был офицером, милая. Он пропал без вести в сорок пятом году» – вот и вся родословная...

А ведь она помнит еще десятки своих жизней, выкорчевать их из памяти невозможно...

Дженни ждала человека, который должен был выйти из леса. Она знала, что, если он вернется, все будет по-другому. Для нее, для Берты, для остальных. Для тех, за кем скоро должна вернуться «Кассандра».

Но кто знал, что будет так...

* * *

Лес шевелился, словно живой. Макарову подумалось, что если бы сейчас он смотрел на него с высоты полета вертолета, то могло показаться, что это склоняется под потоками воздуха от его винтов нежный степной ковыль. Деревья, шатаясь, как толпа психопатов на прогулке, стонали и гудели. Такую погоду проклянут врасплох застигнутые рыбаки и охотники, деревенские жители стараются побыстрее загнать скот во двор, а городские мальчишки ловят убегающий от них по хоккейной коробке мяч и, поймав, спешат по домам.

Выбравшись из ямы, в которую скатился после нападения тварей, он наугад прошел несколько сот метров. Пытаясь призвать на помощь логику, он бросал эту затею сразу, как только вспоминал о внезапно наступившей ночи. Ночь, накотившаяся в разгар дня и так же внезапно отступившая, – что может быть более неразрушимой преградой на пути логики? Затмение солнца? Но оно случилось первого августа прошлого года. Затмение не может наступать, когда ему захочется. А сколько он находился без сознания?..

Он уже несколько раз смотрел на свою руку. Едва он разглядел сквозь пелену трупы тварей, он сразу посмотрел туда, где еще горел припухлостью укол от инъекции. Новых следов не было. Значит, он просто потерял сознание от боли.

Рубашку пришлось снять и разорвать на ленты. Другого материала, чтобы перевязать распоротый бок, не было. Стягивая зигзагообразную рваную рану, он морщился от отвращения. Хотелось найти ручей, лужу – любой источник, где можно было умыться и оттереть землей руки. Они касались тварей, твари касались их...

Логика... Ее не было. Ночь, скороспелое утро, теперь ветер, какого не было, как и логики, все дни пребывания Макарова на острове.

– В это время года бризы не бывают так жестоки, – бормотал он, чтобы перегнать страх и отчаяние. Он шагал внутрь острова, не выбирая дороги. Так идут без надежды выйти куда-нибудь упрямые люди. – Откуда этот ураган? Запоздалое остаточное явление странной ночи?

Он говорил, чтобы слышать себя. Ему нужно было подтверждение, что он в сознании.

Возвращаться в лагерь он не мог. Даже в таком состоянии. Вернуться без Гоши и Донована, чтобы рассказать о каких-то тварях, вызвать к себе жалость и снова отправиться в путь? Нет, это невозможно.

Уже несколько раз Макаров подавлял в себе желание громко выкрикнуть имена тех, кто отправился с ним в поход. Но желание это смывала одна только мысль, что на крик этот придут не они. За поясом он нес «вальтер» с запекшейся на нем кровью, без патронов, совершенно бесполезный. Сработала армейская привычка не бросать оружие.

Ветер хлестал его пальмовыми листьями по лицу, когда он забирался в джунгли, и словно омывал свежестью, когда он выходил на свободное от деревьев место.

– Сейчас я попробую вспомнить, что знаю о Бермудском треугольнике, – пообещал он себе, забираясь на взбугрившийся перед ним холм. Тяжесть подъема была тем приятна, что он знал – после подъема непременно будет спуск. Воды не было, жажда мучила его все сильнее, рана жгла распоротый бок. Макаров нашел себе утешение – рука твари прошлась по

касательной, значит, рана не так глубока. Когтями или тем, что было зажато в той руке, тварь просто вспорола кожу, и если бы не поврежденный участок плоти, который горел теперь, как ожог, о ране вообще можно было забыть. За чехардой этих утешительных мыслей Макаров вдруг сообразил, что просто хочет пить и сейчас находит для себя причины не выглядеть жалко. Ему просто хочется окунуть лицо в холодную воду и напиться до отвала...

Его подлодка никогда не бывала в Атлантическом океане вообще и близ Бермудских островов в частности. Но в любой момент могла оказаться там в будущем. Поэтому он знал все то, что должен знать офицер флота.

– В сорок пятом, – бормотал Макаров, переставляя ноги и чуть покачиваясь, – здесь медным тазом накрылись пять торпедоносцев «Эвенджер»... Взлетели во Флориде и здесь пропали. И где они, никто, даже сам господь, не знает... На поиски направили другие самолеты, и один из них тоже исчез...

О чем болтали пилоты? Макаров сейчас вспомнит... Тот разговор уже давно не военная тайна и является учебной страшилкой для моряков и летчиков всех стран... «Мы не можем определить направление, – кричали пилоты, – а океан выглядит не так, как обычно...» «Мы опускаемся в белые воды», – последнее, что успел сказать командир звена...

Он остановился, чтобы посмотреть в сторону океана. Где-то там – Питер... Но океан не был виден. Спустившись с пригорка, Макаров лишил себя возможности любоваться его блеском.

Но он заметил другой блеск. В двух или трех километрах от него, на вершине холма, вспыхнула яркая точка. Но потом померкла. Слово солнечный луч налетел на осколок бутылочного стекла и, порезавшись и истекая светом, поспешил обратиться прочь.

– Потом было судно «Сандра»... – пробормотал Макаров, с неохотой отрывая взгляд от холма и снова начиная движение. – Исчезло, сволочь, в шторм... пропало...

При упоминании о шторме он спровоцировал раздражение. Дело в том, что ему, как никому на берегу, было известно, что Бермудский треугольник – а если верить маршруту тура и словам персонала «Кассандры», именно через него они и следовали, и было бы очень странно, если бы не следовали, ведь из Кубы в Гамильтон, столицу Бермуд, можно пройти только одним способом – войдя в треугольник, – это зона частых циклонов и штормов. Еще на борту «Кассандры» он с удивлением наблюдал за тем, как спокоен и безразличен к августу океан. И это странно, потому что август – это как раз начало штормов в этом полушарии...

Макаров не верил в инопланетян и другие, наваянные марихуаной, гипотезы. С равным успехом можно поверить в чудовище, которое уже несколько тысяч лет топит суда, утаскивая их на дно щупальцами...

Споткнувшись, он упал, чертыхнулся, и лицо его исказилось гримасой боли. «Вальтер» во время падения больно ударил его по пояснице, сбилось дыхание от удара грудью о землю... Решив несколько минут полежать – «Я просто устал...», – Макаров закрыл глаза и отдышался. На самом деле он терял сознание от потери крови и жажды...

– Никакой тайны, черт бы вас всех взял... – шептали его пересохшие губы. – Никаких загадок и мистификаций... Просто на дне этого чертова треугольника распадается гидрат метана... В воде образуются насыщенные метаном пузыри, в которых плотность понижена, и корабли не могут плавать... Подъемная сила падает, а еще метан останавливает двигатели... как ни странно... Корабль тонет, и все умирают... Людей на палубе и в воде метан убивает за считанные секунды...

Перевернувшись на живот, улыбнулся. Его убивают вот уже сутки. Ничего пока не получается...

– А самолеты прессует инфразвук... – Он присмотрелся: на северном холме снова появилась искрящаяся точка, но на этот раз она погасла не сразу, а спустя пять или шесть секунд. – В море при определенных условиях генерируется инфразвук... Облучись им человек, и он впадает в панику, не знает, за что схватиться, видит обычное, но придает ему оттенок мистического, катапультируется в шторм или прыгает за борт...

Бормоча это, он встал на колени, поднялся и пошел вверх по холму...

Вид открывался перед ним, как фото на мониторе компьютера – опускаясь красками сверху. Чем выше он поднимался, тем ниже опускалась картинка. И когда сумасшедший по красоте и сочности красок остров распахнул перед ним свою душу со стороны востока – до дна распахнул, без остатка, – Макаров поторопился упасть в высокую, не успевшую остыть за стремительную ночь траву...

То, что он видел, было настолько необъяснимо, что он наблюдал за происходящим, уже не делая попыток свести увиденное с логикой.

Двое мужчин в полусотне метров от него. Первый – на коленях. Второй – напротив него. В вытянутой руке он держит тяжелую «беретту».

– Ничего мистического, – лихорадочно соображал Макаров. – Левша держит на прицеле человека.

Левша...

– Левша! – хрипло крикнул Макаров, поднимаясь. Изумление его было так велико, что он развел в стороны руки и шел, не опуская их. Лоб его прочертили три глубокие морщины. Погрешил бы сейчас Левша против истины, если бы видел Макарова и сказал, что тот немного растерян.

Погрешил бы, потому как Макаров, неуверенно шагая к ним, находился едва ли не в делирии. Он даже не чувствовал боли, и жажда покинула его. Он припадал на ногу, но не замечал этого.

Он шел и видел Левшу, каким никогда его не видел. Высокий, с чистыми, аккуратно уложенными назад светлыми волосами, идеально выбритый – за десять шагов от него тонко тянуло ароматом дорогой туалетной воды. На мизинце правой, сжимающей рукоятку пистолета руки Левши хищно поблескивал алмаз в оправе.

– Левша!.. – глухо прокричал Макаров, видя, как палец на спусковом крючке пришел в движение и придавил спуск. Замедляя шаг, он остановился в нескольких шагах от невероятной картины.

Неожиданно Левша двинулся вперед и мощным ударом ноги повалил незнакомца в траву. Опустил пистолет, пошарил свободной рукой в кармане и вынул сигарету. Сунул ее в зубы. Макаров увидел зажигалку. Маленькая золотая зажигалка. Макаров сказал бы – женская, когда бы ему была необходимость описать ее.

Наклонившись с сигаретой в зубах, Левша схватил одной рукой незнакомца за шиворот и поволок к большому валуну. Бросив мужчину спиной на него, с размаху ударил дважды: слева – кулаком, справа – рукояткой пистолета. Из носа мужчины брызнула и разлилась по белой рубашке кровь. Правый глаз его мгновенно затек и превратился в маленький резиновый мячик.

– Тебя найдут мои люди, – сплевывая кровь, сказал избитый мужчина. – Ты умрешь страшной смертью, подонок...

Макаров стоял в трех шагах от валуна и во все глаза рассматривал говорящего.

Волнистые, блестящие, ухоженные волосы избитого мужчины опускались на плечи, спадали на лоб. Тяжелая, почти квадратная челюсть двигалась вверх-вниз, и мужчина беспрестанно отплевывался, фыркая, как конь. Каждый раз после такого выдоха с губ его срывались алые брызги. Мужчина был одет в белую рубашку и белые льняные брюки. На солнце сверкнула пряжка ремня, и Макаров мгновенно запечатлел в памяти аббревиатуру: «CD»... Откровенно дорогое качество одежды в некоторой степени могло указать на высокий статус ее хозяина. На пальце его тоже был перстень – из белого золота, с большим, искусно ограненным изумрудом. Всякий раз, когда кровь из носа заливала рот, он подносил эту руку к лицу и небрежно вытирал подбородок. И на красном зеленое смотрелось, словно подчеркивая всю неприглядность обстановки, особенно вызывающе.

– Где она?..

Макаров перевел взгляд на сказавшего это Левшу. Это был вопрос, судя по интонации.

– Левша?.. – позвал его с уже нескрываемым изумлением он.

А тот присел перед своей жертвой и вонзил взгляд в его сломанную переносицу.

– Где она? Куда ты спрятал ее, мерзавец?

– Ты забрал у меня все, забрав ее. И должен был умереть. Но – нелепая случайность виной тому – ты выжил... И ты думал, я вас простил бы? – Размазав кровь по лицу, черноволосый мужчина улыбнулся. – Не сегодня, так завтра ты окажешься в земле. Просто вопрос времени, Филипп.

«Филипп?» – прошептали губы Макарова.

– Не забывай, что она была моей женой, сукин ты сын, а не твоей!

– Где Мари?!

– Что ты собрался делать, козел?! Искать ее?! А если я не скажу, ты убьешь меня?! Мститель-любовник!.. И как ты намереваешься после этого покинуть Париж, идиот?! Тебе известно, кто я?!

Размахнувшись, Левша снова ударил черноволосого по лицу. Брызги крови отлетели в сторону и врезались в брюки Макарова.

Левша поднялся, отступил на шаг и поднял пистолет.

Макаров посмотрел на мужчину. Подтянув ноги и побледнев, хотя всего секунду назад лицо его было почти свекольного от ярости цвета, тот на глазах осунулся и попыток стереть с лица кровь уже не делал.

– Ты же понимаешь, что я тебя бил до полусмерти и вез в Булонский лес не для того, чтобы в последнюю минуту простить? – пробормотал Левша.

– Сколько ты хочешь? – услышал Макаров и посмотрел на того, кто это произнес, – истекающего кровью человека.

– Что? – после затянувшейся, мучительно долгой паузы произнес Левша.

– Я спрашиваю, сколько ты хочешь, чтобы решение простить было для тебя обоснованным. Миллион евро прямо сейчас? – вытянув руку и осторожно, словно засовывал ее в нору, черноволосый мужчина сунул ее в карман и вытащил с трубкой. От крови волосы его на висках и лбу блестели и вились сильнее остальных. – Сейчас я сделаю один звонок. Ты назовешь номер счета. Туда будут перечислены деньги. Один миллион. Послушай, Филипп, она мертва... Ее не вернуть... Мы деловые люди. Я плачу тебе миллион – ни за что... А ты просто уходишь сейчас. Ты разумный человек, я знаю... Подумай хоть минуту... Я-то все равно никуда не тороплюсь...

Минута тянулась долго.

От потрясения и легкого головокружения из-за непонимания, как Левша может его сейчас не замечать, Макаров поднял руку и положил ее на голову. Он словно стоял в проходе кинозала, опоздав к началу фильма.

– Я все жду, когда ты скажешь, что пошутил.

– Я не шучу, Филипп!.. – вскинулся мужчина. Он говорил, а на губах его надувались и тут же с брызгами лопались пузырьки крови. – Миллион евро! Сейчас!..

Левша сжал челюсти. Макаров видел, как побелели костяшки сжимающих пистолет пальцев...

– Я жду признания, что ты пошутил относительно Мари...

Черноволосый не выдержал и замотал головой, как укушенная слепнем лошадь. Замотал и всхлипнул.

– Прости, Филипп...

– Умрешь, тогда прощу... – тихо проговорил Левша. – Тебе нужно было отпустить ее. Сразу, как узнал... В общем, Дебуа, что для тебя сейчас сделать? Ты понял, о чем я.

– Дай сигарету... И принеси из машины виски...

– Что-нибудь одно, – отрезал Левша. – Не в кабаке.

– Виски. Нет, сигарету... – Увидев перед собой быстро тлеющие «Мальборо», дрогнул голосом: – Нет, Филипп, разреши виски... Подожди хоть пять минут, чтоб забрало... Пожалуйста, я прошу, Филипп...

– Наверное, она тоже тебя о чем-то просила за мгновение до того, как твои скоты...

Макаров видел, как перекосило лицо Левши.

– Она ни о чем не просила!..

Ответ заставил Левшу побледнеть.

Макаров, широко раскрыв глаза и затаив дыхание, словно оно могло прорваться сквозь могучий гул пальм, наблюдал за событиями, которые происходили на лесной поляне.

Тот, что был в крови, сидел у валуна. С ним о чем-то разговаривал другой, такой же высокий и статный...

Потом второй встал...

– Бах... – прошептал Макаров, глядя, как из головы черноволосого вылетает пригоршня крови. – Бах... – повторил он, наблюдая за стремительно расплывающимся на белой рубашке блестящим пятном.

Он пришел в себя, когда понял, что стоит перед валуном один. Тот, что распластался на камне и раскинул руки в стороны, – уже не в счет.

Развернувшись, Макаров вбежал на пригорок. В десятке метров ниже, уходя в сторону берега, решительно шагал Левша.

Макаров догнал его, когда тот почти подходил к лесу. Ухватившись за рукав черного как смоль костюма от Бриони, он снова ощутил волшебный аромат туалетной воды.

– Левша!..

Тот обернулся, словно ждал этого. И Макаров почувствовал на своем лбу еще не остывший ствол. Перед глазами его перебирали рукоятку пистолета пальцы, и на одном из них сверкал гранями бриллиант...

Макаров поднял взгляд выше «беретты». Светлые волосы, упав на лицо, прикрыли глаза Левши как шторками.

– Как долго ты здесь находишься?

Знакомый, но такой глухой голос. Безупречная французская речь – Макаров не знал французского, но ему почему-то подумалось, что именно безупречная.

– Левша, – уже ошалев от растерянности, проговорил по-русски Макаров. – Это же я... Что здесь происходит? Кто был тот человек? Почему ты... в костюме?... Где ты его взял?

– Русский, – с разочарованием протянул тот и взял Макарова за плечо.

Хватка была жесткой. Попятившись, Макаров вспомнил о своей больной ноге.

– Какого черта делает русский здесь?

Макаров долго колебался, прежде чем ответить.

– Я хотел спросить вас, не видели ли вы здесь женщину лет тридцати, гуляющую с ребенком?

– Гуляющую с ребенком женщину в половине третьего ночи в Булонском лесу? – с подозрением повторил Левша.

– Это не ваше дело, в котором часу я гуляю с женой и детьми. Просто вы здесь единственный, кому можно задать вопрос.

Левша оставил руку Макарова в покое, внимательно посмотрел на него и коротко бросил:

– Вы хотите, чтобы я помог вам найти вашу жену?

– Нет, благодарю.

– Отчего же нет? Ведь вас это тревожит? Почему русскому не помочь русскому в чужом городе? – И он посмотрел на Макарова еще более внимательно.

Тот ответил так, как подсказывало ему его дикое состояние:

– Пошел ты на!.. – развернулся и крикнул в сторону холма, на котором дважды видел мерцание оптики, – он был уверен, что это оптика, но поговорить с собой об этом он решил потом: – Катрин!

Обернувшись и убедившись, что Левша расслабился, Макаров пробормотал, не особенно надеясь на удачу:

– Но сигарету-то у тебя стрельнуть можно?

– Не вопрос. – И тот протянул ему пачку «Мальборо».

Наблюдая за тем, как Левша спускается с холма и заходит в продолжающийся буйствовать лес, Макаров дрожащей рукой вынул из кармана зажигалку. Совместить огонек с кончиком сигареты ему посчастливилось только с четвертой попытки.

– Я схожу с ума? – произнес он, поглядывая по сторонам. – Или уже сошел и ночи в этих краях для каждого наступают индивидуально? Второе ближе к истине. – Докурив, он бросил окурки и втер его ногой в траву. Ему хотелось еще добавить что-то об увиденном только что, но тогда ответ на вопрос, сошел ли он с ума, можно было опустить. И без того было ясно, что сошел. – Дорого бы дал, чтобы понять, о чем они говорили...

Наугад выбрав направление, он двинулся в путь. Решив не думать пока о Левше и убийстве, но еще чувствуя на плече неприятное ощущение от хватки Левши, он наугад выбрал направление и отправился в путь...

В который уже раз – наугад...

* * *

Ночь наступала так, как ей и положено – не торопясь, но упрямо. Во второй раз за этот день, кажется. Черт знает что происходит, думал Левша, склоняясь к тому, что по голове его ударили крепко. А иначе может ли быть такое, чтобы трезвый человек, без признаков шизофрении, в течение восьми последних часов своими глазами видел, как сгущаются сумерки. Правда, ночь первая длилась не более четверти часа. А потом снова наступило утро. Или день – кто разберет...

Кусая губы, Левша сидел меж двух деревьев и время от времени, уже наплевав на смущение, поднимался во весь рост, когда переставал чувствовать руки. Веревки, которыми они были разведены в разные стороны, удерживали его на виду у всех. Совершенно нагой, испытывая голод, он наблюдал за тем, как несколько мужчин, бродя по колена в воде, пытаются загнать в тупик меж обросших водорослями камней рыбу.

«Интересно, как они будут ее есть, сырой, что ли?»

Это была не самая главная мысль в его голове. Наступала ночь. То есть еще час, и берег будет освещаться только лунным светом. В общем, наступало не самое приятное время.

– Эй, – позвал он девушку с зелеными глазами. Ту, что предложила воды. Дождавшись, когда она приблизится, он процедил: – Милая, я хочу поговорить. Как умерли ваши друзья?

– Тебе ли не знать?

Нет, уверенности и злобы в голосе ее он не чувствовал. Скорее, обреченность и страх.

– Нам нужно поговорить, потому что в противном случае до утра доживут немногие из нас.

– Из нас? – саркастически уточнила она.

– Вот именно. – Левша почувствовал раздражение от этого спокойного голоса. – Вы здесь уже третьи сутки, подруга, так неужели вы еще не сообразили, что население этого острова сокращается только в темное время суток? Напрягите мозги! Я, как и вы, видел тех, кто сгорает от желаний вас сожрать. Но скажите, как сильно я похож на них?

– Те тоже были без одежды и заросшие.

К месту разговора – двум пальмам – стали подтягиваться остальные, среди них был и Артур.

– Не слушай его, – велел он зеленоглазой. – Эти твари хитры и опасны.

– Кретин!

Артур подошел и без особой злобы врезал Левше под дых. Задохнувшись, тот опустился на землю. Не расточая слова понапрасну, остальные – их было около десятка – наблюдали за происходящим без комментариев.

– Я так понимаю, что моя причастность к «Кассандре» есть единственное условие доверия ко мне... – Стиснув зубы и глядя в глаза Артуру, он упрямо поднялся на ноги.

– Ничего похожего, – усмехнулся, потирая руку, Артур. – На той же «Кассандре» были ублюдки, оставившие нас здесь.

– Логично, – согласился Левша. – Но я все-таки попробую доказать, что пассажир...

Ничего, кроме шума накатывающих на песок волн, он не слышал. Да еще ветер изредка врывался в уши. Да за спинами стоящих перед ним кто-то переводил на английский все, что слышал. Голос был мужской.

– Ладно, – прохрипел Левша, – поскольку здесь я один напоминаю человека, то моей голове и работать. В любом случае знайте – над островом встали облака. Луны сегодня не будет. А это значит, что каждый из вас может уже сейчас готовиться к смерти. Но пока солнце еще не скрылось, я предложу вам развлечение. Игра называется «покажи на дурака пальцем»... – Прокашлявшись, Левша пошевелил пальцами рук и сказал: – На «Кассандре» две палубы. Верхняя – для пассажиров первого класса. Нижняя – для пассажиров второго. Есть здесь кто-то с верхней?

Он обвел людей взглядом. Задавленные авторитетом Артура и страхом – двух суток хватило, чтобы они равновелико старательно подчинялись и тому, и другому, – мужчины и женщины хранили молчание.

Левша опустил голову. Он уже давно назвал бы место, где была его сумка, документы и другое содержимое, но этим он мог только усугубить свое положение. Нет зацепки, за которую могло бы доверие этих людей зацепиться. Чтобы развести простака, нужна лазейка, то же необходимо и для доказательства истины. Странно, что одно и то же условие пригодно для достижения столь разных целей...

В этот момент, осознав мысль до конца, он вдруг сообразил, что доказать не сможет. То же, что видели и слышали во время путешествия эти люди, видел и слышал любой член экипажа. То есть, по мнению Артура, враг.

– Вы усложняете мне задачу...

Усмехнувшись, Артур встал перед ним и скрестил на груди руки.

– Если ты не расскажешь, что вы со своими дружками придумали для нас, этой ночью все для тебя будет плохо.

«Мне бы только освободить руку, – подумал Левша. – Одну руку. Любую».

– Ты идиот, – сыграв желваками, процедил он. – И папа твой был идиотом. И мама идиотка.

С лица Артура сошла улыбка. Шагнув, он развел руки и повернулся боком к Левше...

Левша сработал молниеносно. Никто не успел заметить удара. Согнувшись, почти переломившись пополам, Артур застонал и шагнул назад. На помощь ему бросились двое. Левша выбрал того, что был поскромнее в габаритах, и ударил его в колено. И, уже руками завалив его на песок, крепко обхватил его шею ногами.

– Стоять!.. если хотите, чтобы он остался жить...

Ошеломленная публика замерла на месте. И лишь Артур, пытаясь выпрямиться, сначала присел на песок, а потом завалился на бок. Боль была такой, что он ни секунды не находился в покое.

Плененный пассажир «Кассандры» задышался. Скрещенные на его груди ноги Левши не позволяли двигаться, а упершиеся в горло колени мешали дышать.

– Вы из тех, кто не верит людям на слово, – тоже задыхаясь, но от притока адреналина, выкрикнул Левша. – Правильно делаете, но не тот случай! Я, видите ли, гордец!.. И не могу позволить стае извращенцев издеваться над собой вечно! Терять мне нечего, а поэтому, если не отвяжете веревки от пальм, этот чудик сейчас отдаст богу душу! Ну?..

Он обвел взглядом присутствующих.

– Одно не понравившееся мне движение – и ему крышка!..

Побагровевший, с надувшимися на лбу венами, Артур проговорил:

– Отпустите его...

Трое или четверо бросились к пальмам. А Левша, усевшись поудобнее, перехватил ногами голову пленника так, чтобы тот вовсе не имел желания освободиться – черт знает, что может прийти человеку в голову, когда тот на краю могилы...

Отвязанная от пальмы веревка упала на песок, и Левша впервые за долгое время получил возможность прикоснуться к своему телу. Расчесав бок, куда его недавно укусило какое-то насекомое, он вцепился в узлы на запястье зубами. Он не сводил глаз с окруживших его людей. На песок упала вторая веревка, но срывать ее с руки Левша не спешил. Перекинув ее через шею

своей жертвы, он натянул на себя и разжал ноги. Вскочил и прижал полузадушенного мужчину к себе.

– Сейчас я уйду, – предупредил он, наклоняясь и поднимая с песка отшлифованный прибором камень. Размером в два кулака, он удобно лег в его ладонь. – Уходить я буду не спеша, как подобает уважающему себя человеку. Если кто-то из вас пойдет за мной, я разобью ему голову. Я внятно объясняю?

– Внятно, – ответил Артур и ядовито улыбнулся. – Найду ведь...

– Сначала отдохни, – и Левша тоже улыбнулся. – Ты сейчас не годишься для поисков и погонь... Мы уходим...

Он шел по берегу, не углубляясь в лес. Ему хотелось видеть всех. Двести метров, триста... Когда береговая линия острова скрыла от него стоянку людей, он скинул веревку с шеи мужчины.

– Иди к своим, приятель. И скажи им, что если через полчаса они не разведут костер, они умрут. Эти твари боятся огня. Ты понял?

Человек не верил ни в свое освобождение, ни словам голого островитянина. Человек видел, как двое похожих на этого ловкача разорвали в клочья и растащили в стороны его спутников... А потом жрали, хрипя и давясь, и не стесняясь присутствия будущих своих жертв... Они тоже похожи на людей, только не говорили...

– Ты слышишь, что я сказал?

Развернувшись, мужчина сначала зашагал, а потом перешел на трусцу. Когда ему стало ясно, что подвох исключен, он припустил во весь дух.

Левша посмотрел на горизонт. У него оставалось не больше пяти минут. Кожа перестала чувствовать тепло солнца, на огненный диск можно было смотреть без опаски обжечь взгляд. Он почти утонул в океане, оставив над водой лишь маленький оранжевый холм...

Левша был без сознания, когда его волокли к месту стоянки от тех камней. Но еще несколько часов назад он оценил берег и убедился в том, что с восточной части принести его не могли – крутые валуны мешали доступу на восток. Открытой была лишь западная часть берега – именно там и опускалось солнце, унося с собой свет, тепло и надежду...

Левша мчался по песку, чувствуя легкое головокружение. Он не ел больше суток, был бит, и сейчас все это вместе не способствовало легкости передвижения.

Но когда он увидел знакомые камни, сердце его забило от радости.

Смеясь, он вытаскивал из расщелины между ними свою одежду и сумку...

– Сходил в баньку... – бормотал он, надевая трусы и брюки.

Упав перед сумкой на колени, он вжикнул «молнией» и сунул туда рубашку. С досадой посмотрел на лес и, глотая стекающий ему в рот по губе пот, выхватил из сумки автомат и проверил магазины. Четыре штуки, тяжелые. Они заставили его успокоиться.

До заката солнца оставались одна или две минуты.

Он разорвал рубашку так, чтобы разделить ее на две приблизительно равные части. Он работал и почти каждые десять секунд поднимал глаза, упирая взгляд в темнеющий лес. Когда первый факел вспыхнул и в нос ему ударил неприятный запах паленого хлопка, Левша отправился в обратный путь.

Он бежал и думал, насколько быстро он бежит. Ему хотелось бежать *туда* быстрее, чем он бежал *оттуда*. Казалось ему, что это шанс быть хоть частью прощенным за прошлое. Когда догорел первый факел, он перешел на шаг и прижал к нему, догорающему, второй.

Он бежал, окруженный кругом света. На остров опустилась ночь, когда он увидел людей. Сбившись в стадо и прижавшись друг к другу, вооруженные палками, они стояли лицом к лесу и от баранов отличались только тем, что некоторые из них готовы были сопротивляться.

Видимо, было кому...

Кустарник, обрамляющий кромку джунглей, шевелился.

Левшу заметили не сразу. Лишь когда сбитое от рваного бега дыхание его послышалось на пригорке, Артур и несколько мужчин развернулись к нему, играя палками.

– Разожгите костер!.. – крикнул Левша, держа автомат в опущенной руке и протягивая факел в сторону людей. Глаза его смотрели на Артура, на скулах двигались желваки. – Разожгите костер, иначе вам конец...

Поставив предохранитель для стрельбы одиночными выстрелами, он обошел толпу и встал между ними и лесом.

В брюках, с атлетическим торсом и длинными светлыми волосами, он выглядел впечатляюще. Повернув голову, он поймал застывший зеленоглазый взгляд и подмигнул. Взгляд тот ожил...

Факел догорал. Две женщины суеливо бегали по песку, метались под пальмами – на том месте, где весь день провел Левша, и собирали сучья, сухие пальмовые листья – все, что могло гореть.

– Отойдите в сторону, дайте свету разойтись до леса! – приказал он. – Пусть свет тронет их...

Из джунглей появился человек. Человек ли?.. За ним – второй. И потом – третий. Пассажиры «Кассандры» двинулись назад...

Наклоняясь вперед и передвигаясь уже знакомой Левше манерой – иноходью, трое тварей спешили сократить разделяющее их и людей расстояние в пятьдесят метров.

Кто-то из женщин за спиной Левши тихо и быстро заплакал. Второй голос, тоже женский, зашептал молитву на английском языке. Следом – грязные ругательства, тоже на английском, и казалось Левше, что куда приятней слышать эти обреченные женские всхлипы, чем громкое, истеричное мужское ругательство.

Подняв автомат, он от бедра, не целясь, выстрелил. Пять или шесть метров разделяло их. Пуля угодила твари в лоб, голову запрокинуло, и черная, блестящая в свете разгорающегося костра кровь взлетела и растворилась во тьме. Тварь согнула ноги и рухнула на спину. Не успела песчаная пыль после ее падения осесть, как Левша нажал на спуск во второй раз. И тут же выстрелил в третий. Двое, бессвязно крича и рыча, прекратили свой бег. Одна тварь упала и в агонии засучила ногами. Она рыла песок так быстро и мощно, что сползала в создаваемую ею же самой яму. Вторая тварь, хватая здоровой рукой раздробленную кисть второй, скалилась и обнажала коричневые, неровные зубы... Под истеричный крик за своей спиной Левша двинулся на тварь и, когда до этого кисло пахнущего существа оставалось не больше двух метров, поднял автомат на вытянутую руку.

Раздался четвертый выстрел.

И потом – пятый. Что-то внутри Левши соскочило с задвижки, и он испытал непреодолимое желание опустить ствол и разрезать умирающую тварь очередь...

– Нам нужно много веток, – хрипло проговорил он, разворачиваясь к лесу спиной. Он не боялся это сделать. Свет расстилался под его ногами и почти добрался до опушки леса. – Костер должен гореть всю ночь.

Щелкнул предохранитель. Автомат повис на его плече.

Он шел мимо ошеломленных пассажиров третьего катера «Кассандры» к тому месту, где мог отдохнуть. Привалившись спиной к одной из пальм, он закрыл глаза. И не открыл их, когда услышал шаги.

– Ты пришел сказать, что поумнел?

Артур встал перед ним, расставив ноги, и тряхнул головой.

– Откуда у тебя автомат?

– А почему у тебя нет автомата? – Левша приоткрыл глаза и сплюнул в сторону. – А если по делу, то мы переночуем здесь, а утром, как только рассветет, тронемся в путь.

– Я скажу, что нужно будет делать, когда рассветет, – проговорил сквозь зубы Артур.

– Ты можешь делать, когда рассветет, все, что захочется, хоть песни петь, но я заберу людей и поведу к своим. А сейчас отойди, ты мне загромождаешь тепло костра...

* * *

Взойдя на холм, Макаров остановился. Он поднимался так уже четыре раза. И каждый раз ему казалось, что, поднявшись, он увидит что-то, что составит смысл его похода. Но,

поднимаясь, он убеждался в том, что перед ним очередной, блистающий изумрудной травой холм. Из головы у него не выходила случившаяся три часа назад история, он испытывал легкий шок, и это ощущение притупляла усталость. Он шел и не мог не думать ни о чем другом, кроме как о своей проблеме. Она пришла неожиданно, и были тому, верно, причины. Сначала кома, потом несколько суток без сна, постоянные переживания за Питера, голод, жажда, усталость... Когда-то он должен был сломаться. Но Макарову сейчас почему-то казалось, что с ним на фоне всего перечисленного могло случиться что угодно – хоть смерть, – но только не помешательство. Когда человек трогается умом, думалось ему, он видит что-то неясное, не требующее ответа, что-то, что объяснимо как дурь. Как ирреальное восприятие действительности. Например, очень бы удивился сейчас Макаров, когда бы поднялся на холм и увидел с его высоты уютное летнее кафе со скучающим хозяином внутри. Или небоскреб. Вот это было бы форменное сумасшествие. Просто мозги сдвинулись – и видишь то, чего нет. А хочешь потрогать рукой – оно удаляется. И в этом случае Макаров был бы спокоен. Он бы знал, что перегрелся, и предпринял все усилия, чтобы прийти в себя. Почитал бы мысленно «гарики» Губермана, воды попил, искупался. На худой конец просто бы полежал. Но что делать, если ты стоишь рядом с двумя людьми, один из которых убивает другого, а ни тот, ни другой тебя не видят? Не из принципа, а просто не видят. И это тоже можно было списать на переутомление – и не такое бывало. Однажды Макарову на подлodge почудилось, что он дома, на диване, – но лоб до сих пор болит от тычка пистолета – вот в чем дело. Так что лучше уж небоскреб или кафе было увидеть, чем Левшу в костюме, пахнущего дорогим парфюмом...

С этими мыслями Макаров и взошел на холм.

И от того, что увидел в долине, настроение его окончательно испортилось.

Рассмотрев расстилающийся перед ним пейзаж во всех подробностях, он повернулся к нему спиной, сел на траву и, рванув ее обеими руками, бросил зеленые клочки между ног.

– Атомный авианосец класса «Нимиц»... – бормотали его губы. – Водоизмещение – семьдесят пять тысяч тонн, длина – триста тридцать три метра... Шестнадцать тысяч квадратных метров суверенной территории США в любой точке планеты... Десять штук, считая этот и спущенный на воду в прошлом году «Джордж Буш». В общем, лучше бы было кафе.

Он сидел на холме, и ему не хотелось разворачиваться. Он знал, что повернется, и авианосца не будет. Зато это будет уже второй раз за три часа, когда у него срывает крышу.

Но идти все-таки было нужно, и он поднялся.

Авианосец стоял посреди долины как вкопанный. И даже в этом сомнений не было – он действительно выглядел вкопанным. Ибо Макаров не мог найти и одной причины, которая обосновала бы заход атомного авианосца с океана на сушу.

– Стоит, сука...

Сокрушенно прошептав это, он сделал первый шаг с холма.

– Но тогда пусть мне кто-нибудь объяснит, кто и как его поднял и сюда поставил.

С этим он сделал шаг второй...

Сил у него уже не было. Он смотрел на авианосец, рассчитывая расстояние до него. Километр. Не меньше. Половина морской мили... или – пять кабельтовых...

Глава вторая

– Донован! Донован! Проснитесь, черт вас побери!

Гоша стоял над доктором и тряс его за плечо. Ночью, после безуспешных попыток сориентироваться на судне, они решили остаться там, где заблудились. Избавившись от тварей и осмотревшись, доктор с геологом пробрались с «острова» – взлетной палубы до построек управления авианосцем на правом борту. Засыпать под открытым небом над головами существ, о внешнем виде которых они не имели представления, им не хотелось. Хотелось под замок. С этой мыслью они, не сговариваясь, и направились к правому борту. Проникнув внутрь через тяжелую дверь, они около получаса в кромешной темноте поднимались по лестницам, спускались, ходили по каким-то коридорам и каждую минуту рисковали либо разбить себе головы, либо сломать ноги. Донован уже дважды падал, у Гоши болело плечо. В конце концов

они вошли в какое-то помещение и, потыкавшись в стены руками, решили остаться. Тем более что у помещения была всего одна дверь, которую можно было запереть.

Гоша проснулся первым.

«Ночь, видимо, продолжается», – подумал он, понимая, что проснулся от жажды. Он осмотрелся. Было по-прежнему темно, и лишь стон Донована убедил его в том, что он не один.

В помещении было нестерпимо жарко. Словно кто-то раздул под его стальным полом мартен. Поднявшись, он некоторое время ходил, ощупывая стены. Его заинтересовала дверь. Вчера она была. Наткнувшись рукой на задвижку, отпирающую дверь, он выкрутил ее влево, и дверь издала слабый щелчок. И тут же качнулась в сторону Гоши. В щель тотчас проник слабый, растворившийся в темноте других помещений, сизый свет. Он потянул ручку на себя. Луч превратился в широкую полосу, и она разрезала пол помещения на две части, осветив лежащего Донована.

Вид доктора Гоше не понравился. Донован был бледен, и лицо его блестело от пота.

– Донован! Донован! Проснитесь, черт вас побори!

– Я не сплю, Джордж... – пробормотал тот. – У меня горит нога. Если в течение часа мы не найдем здесь хотя бы стрептоцида, мне придется туго, дружище...

Идти он не мог. Ввалив англичанина на спину, Гоша поволок его наверх. Сейчас было проще – дорогу подсказывал свет. Идти нужно туда, где его больше и где он ярче.

– Ума не приложу, как можно было вчера сюда забраться?

– А где мы находимся?

– В трюме, полагаю... Если у авианосцев бывает трюм...

Маленькая, с него ростом, дверь преградила им дорогу. Он был вынужден к ней спуститься, когда стало ясно, что наверх по лестнице не попасть – дверь задраена. Гоша тащил доктора и с немалым удивлением пытался представить маршрут, каким вчера шли. Как бы то ни было, в эту дверь они не заходили.

Доктор встал на ноги и, чтобы не упасть, схватился за плечи геолога. А тот, вцепившись в задвижку, повернул ее в сторону. Странно, но все вращалось и двигалось без особых усилий и скрежета. Между тем вчера он заметил, что авианосец порядком поржавел снаружи.

Дверь, как и первая, отъехала от косяка. Оставалось только сдвинуть ее в сторону. Не глядя внутрь, Гоша почувствовал запах машинного масла. Шагнув через порог, он остушился, и подошва, соскользнув с выступа, ударила по полу. По помещению прокатилось странное долгое эхо.

Подсев под Донована, он снова ввалил его на себя и, сделав шаг, услышал:

– Ущипните меня, Джордж... и поскорее... А лучше врежьте пощечину... Ибо отказываюсь я доверять глазам своим...

Соображая, с чем может быть связана такая просьба, Гоша остановился, выпрямился и осмотрелся...

До вчерашнего дня он сомневался, что выражение «не доверять своим глазам» жизнеспособно. Можно не доверять чему угодно – женщине, суду, пьяному другу, собаке, машущей хвостом. Но за последние шесть или восемь часов он уже дважды отказывался верить своим глазам. Впервые он засомневался в их дееспособности, когда увидел посреди равнины авианосец. И сейчас, когда он как следует рассмотрел ангар площадью не менее трех тысяч квадратных метров, он не поверил глазам во второй раз.

– Что это? – сказал он, осознавая, что вопрос не из каверзных.

– Самолеты, насколько позволяет мне судить медицинское образование.

Стряхнув Донована с плеч, как мешок, Гоша направился к ближайшей из машин.

Взявшись за крыло, качнул. Крыло подалось, но не оторвалось. С оглушительным скрежетом он подтянул к кабине одного из них стоящую у стены лестницу-треугольник и поднялся. Фонарь был закрыт, но он без труда сдвинул его в сторону. Забрался в кабину и осторожно потрогал штурвал. Потом взялся за него и повернул сначала вправо, потом влево.

– Крылья шевелятся, что вы делаете, Джордж? – встревожился доктор.

Из этого следовало, что самолет – настоящий. А это, в свою очередь, указывало на то, что в огромном ангаре перед ним – он хорошо их видел отсюда, с места пилота – четыре самолета. Настоящих. Он – в пятом.

Перебравшись с места пилота в задний отсек самолета, Гоша увидел еще несколько рабочих мест. Рядом с одним из них виднелись рычаги. Взявшись за один из них, он, не раздумывая, потянул на себя.

Когда от днища самолета отделилось что-то цилиндрической формы и стукнуло о металлический пол, в ушах доктора появилась такая резь, что он присел. И боль от рваной раны на ноге тут же пронзила все его тело.

– Что вы там делаете?! Здесь что-то отвалилось!

Гоша показался из кабины. Лицо его светилось от радости, когда он крикнул:

– Это самолеты, док!

– Разве не я вам об этом сказал? Спускайтесь, геймер.

Спрыгнув, он направился к предмету, на который показывал доктор. Им оказался цилиндр серо-зеленого цвета с округлым концом и мощным винтом внутри цилиндрической формы стабилизатора. На головке конуса имела полоска желтого цвета шириной в три дюйма, на корпусе надпись, тоже желтым: BLU – и, далее, еще буквы, и еще цифры...

– Что это? – спросил, тыча пальцем, Донован.

– Это... – Гоша чесал затылок, испытывая непреодолимое желание уйти отсюда как можно дальше. – Это кондиционер.

– Кондиционер?

– Да, иногда пилоту в кабине бывает жарко, и он включает его... для доступа свежего воздуха... Ну, летчик летит, захотелось свежим воздухом подышать, он открывает заслонку и дышит... ветер лицо обдувает... Короче, пойдете, мы здесь уже все посмотрели.

Закинув доктора на плечи, он пошел к двери.

– Какой большой кондиционер, – бормотал тот, поглядывая на самолет через спину Гоши. – А что же он отвалился тогда? Плохо прикрутили?

Тот под ним поморщился.

– Понимаете, там датчик установлен. Когда пилот садится в кабину, компьютер тут же начинает соображать, и, если за бортом прохладно, он отстегивает кондиционер перед полетом. Лишний груз...

– А что это за надпись желтым посередине: TNT?

– Да откуда я знаю, я что, летчик?!

Они вторые сутки ничего не ели. Гоша волок доктора наверх, стараясь не обращать внимания на фиолетовые, расплывающиеся в стороны и снова появляющиеся круги перед глазами. Через десять минут он откинул в сторону дверь и вынес Донована на свежий воздух...

Это была та самая палуба, откуда они начинали свое путешествие по авианосцу. Но вышли они с другой стороны и теперь растерянно осматривались, пытались сообразить, где та гора, курс на которую они держали.

– Послушайте, Джордж, – обратился к Гоше Донован. По лицу его пробежала судорога боли. – Как вы думаете, в самолетах есть аптечки?

– Да. И домкраты с огнетушителями.

– Скорее всего, вы не представляете серьезности ситуации. Дай бог, чтобы у меня было просто воспаление, а не заражение крови... Мне почему-то кажется, что те твари представления не имеют о «Колгейте»...

Гоша засуетился.

– Я посмотрю.

Дорогу обратно он запомнил.

Донован приподнялся и почувствовал легкое головокружение. Посмотрев на палубу, которая уже парила и расплывалась перед глазами, он выставил руку вперед и направился в тень – к западной стороне палубной пристройки на правом борту. Заползшее на четверть высоты неба солнце било жаром в пристройку с востока, и до середины палубы расстилалась

густая тень. Туда-то, напрягшись, и отправился доктор. Но зайдя за угол и едва не натолкнувшись на лестницу, он остановился как вкопанный.

Понимая, что начинается страшное, он закрыл глаза и провел по ним ладонью.

Галлюцинации имеют цикличность, но исчезают, либо меняют формы после прихода в чувство. Галлюцинации – не шизофрения. Поэтому тот, кого он сейчас видел, должен исчезнуть и больше не появиться. Сжав веки и покраснев от напряжения, Донован решил освежить свою память, чтобы отторгнуть криз. Экскурс он решил начать с самого простого – резекции желудка. «Выделяем желудок в непосредственной близости от его стенок из фиксирующих анатомических образований и отсекаем от двенадцатиперстной кишки... – бормотал про себя Донован. – Прошиваем наглухо... Отсекаем две трети, часть образовавшегося отверстия ушиваем, а оставшийся просвет сшиваем с тонкой кишкой...»

Убедившись, что в состоянии мыслить, Донован убрал руку и открыл глаза.

Макаров не исчез. Подложив под голову вытянутую руку, он спал на левом боку лицом к стенке палубной пристройки.

Доктор беспомощно оглянулся. Ну, где же Джордж?..

Глава третья

В этой части острова костер горел впервые. Сидя у пальмы и посматривая на его языки прищуренным взглядом, Левша ждал утра. Странное дело, ему не хотелось спать. Изредка он отводил взгляд в сторону, чтобы посмотреть на девчонку с мелированными волосами. Она сидела на горизонтально расположенном стволе пальмы. Дерево росло не вверх, оно уходило в океан, и только крона торчала вверх – смешно торчала, словно соблюдая правила приличия поведения деревьев. Ладно, ствол... Но крона-то должна торчать вертикально! Час назад девушка забралась на этот ствол и теперь находилась над водой метрах в семи от берега. Чтобы добраться до нее, нужно было либо зайти по грудь в воду, либо пройти то же расстояние по стволу. Изредка Левша чувствовал, что она смотрит на него, и тогда он улыбался. «Странное дело, – пришло ему в голову минуту назад, – чтобы в тебе узнали человека, иногда бывает достаточно кого-нибудь убить».

Любая мысль его появлялась и тут же, встревоженная внешними помехами, растворялась в ночи. В лесу слышались свисты, стук – словно дятел колотил по стволу, но на берег никто не выходил. Свет словно оттеснял все намерения, исходящие от джунглей. Напуганные двумя сутками пребывания на острове, пассажиры третьего катера жались к огню и водили вокруг себя взглядами, очень напоминающими взгляды бродячих, вечно битых собак. Левша знал, чего они ждут – появления тех, кто уже расправился с двумя из них...

Как это часто бывает в минуты изоляции от цивилизации, он испытывал непреодолимое желание увидеть «своих» – Дженни, Питера, чудаковатого Франческо и даже Гламура. Они стали ему «своими» за двое суток. Этим он знает почти сутки, но они отчего-то своими не становятся. Этот тридцатипятилетний поц с полным ревизии взглядом со странным прозвищем Лис – он и впрямь был похож на Лиса. Глазки его бегали понизу, не поднимаясь, но он все видел и, Левше казалось, ими даже все слышал. Хамоватый Артур – без комментариев... Посему, думал Левша, главное в определении своих и посторонних – это первый контакт. Все здесь, на берегу, очень хотят остаться людьми. И не замечают, что ведут себя как животные. Человек из другого прайда при стечении определенных обстоятельств – уже не свой, он – чужак. И в этой логике просматривается что-то, очень похожее на взаимоотношения стай.

Вчера Макаров спросил, не чувствует ли Левша какого греха за собой. Вины, искупить которую невозможно. За которую можно только быть наказанным. Очень странный вопрос. Макаров что-то знает или о чем-то догадывается...

Левша окинул взглядом сидящую на стволе девушку. Она смотрела на него. Боже, как она похожа на Мари... Тот же пристальный взгляд, роскошные волосы – те же, идеально вычерченные рукой господина губы со слегка приподнятыми уголками, придающие ей смешливый вид...

Он с трудом оторвал от девушки взгляд.

Проволока...

Какая проволока? Что имел в виду Макаров? Быть может, это не проволока вовсе, просто в какой-то момент она Макарову привиделась?

«Но тогда нужно признать, что и мне привиделось кое-что, – подумал он. – Блик оптики на скале. Он был, и отмахнуться от этого факта нельзя. А мог ли это быть луч света, отраженный от расколовшегося и отполированного ветром гранита?..»

Левша почувствовал, как нарастает головная боль. Одни вопросы...

Он ощутил жгучее, давно не приходившее к нему желание причинить другому боль. Сейчас это чувство было направлено почему-то в сторону помощника капитана «Кассандры». Фраер просто не представляет, что его ждет, когда корабль за ними вернется. Потом настанет очередь капитана-призрака, потом представителя турфирмы. Негра-бармена, штурмана, боцмана... Приятно вот так сидеть, привалившись спиной к дереву, и мечтать о том, как вся эта свора будет корчиться и просить Левшу остановиться...

Он не был жестоким человеком. Левша не любил кровь. И не было еще случая, чтобы он не тянул во время разговора время до неприличия, желая избежать физического контакта. Но когда все средства были исчерпаны, с решением он не задерживался.

Девушка осторожно, чтобы не соскользнуть, поднялась и выпрямилась. Сейчас она очень была похожа на девочку, стоящую на шаре – та же неуверенная разводка рук, чуть согнутые в коленях ноги... Левша видел эту картину или в музее, или по телевизору. Мари любила смотреть и то, и другое...

Он не хотел, чтобы она направилась к нему, ступив на берег. Но вышло именно так, как он не хотел.

Медленно переступая, словно не имея цели, она прошла тридцать метров, что их разделяли, и опустилась на песок в трех шагах от Левши.

– Я пришла извиниться.

Это было единственное, чем она не напоминала ему Мари – голос. Чуть грубоватый, он хотя и не портил общего впечатления, но голос Мари все-таки был приятнее. Не потому ли, что она говорила на французском, а эта девушка – на русском?

– Как вас зовут? – не дождавшись ответа, спросила она.

– Левша.

– Левша? Это прозвище такое? Чудно. Хорошо, я буду называть вас Левшой.

– Откуда вы?

Девушка обрадовалась. Он ей ответил. И это было первый раз, когда в голосе этого человека не слышалось сарказма.

– Из центра России.

– Что это значит? – Левша открыл глаза и повернул к девушке голову.

– Я живу в Новосибирске. Там, в географическом центре России, установлена часовня. Изредка, когда бывает время, я захожу в нее и чувствую себя центром страны. Это ощущение особенно приятно, когда в часовне я одна. Это означает, что центр страны – это я.

– Видимо, это должно придавать силы.

– Несомненно. Сейчас мне очень хотелось бы их найти. Меня зовут Катей.

Не открывая глаз и не поворачивая головы, Левша освободил руку от автомата и протянул ей ладонь. И дрогнул, когда почувствовал в ней Катинины пальцы. Горячие, они заставили его открыть глаза. Эту волну тепла, накатывающую на него и оглушающую, он не чувствовал уже больше месяца. Ему показалось, что к нему прикоснулась Мари...

Москва, июль 2009-го...

Поднявшись на крышу, он сбросил с плеча моток веревки. Солнце стояло в зените, освещая Левшу, как лампа освещает засохшую крошку хлеба на столе. Поморщившись, он повел плечами. Майка с трудом отлипла от тела. Смотреть с вновь построенного «Дома Мазинга» на Москву – одно удовольствие. Никаких побочных эффектов. Ничего не видно, все вокруг заставлено, как в квартире антиквара. Другое дело – любоваться видами с «Кутузова»: огромная, бесконечная Москва, заставленная, как фишки домино перед началом развала общей

композиции. Здесь же Левша понимал себя прыщом на колене. Наклонившись, он посмотрел вниз. Кажется, никто его семиминутным восхождением не заинтересовался. А если и был он замечен из окон стоящих рядом с гордостью нуворишей строений, вряд ли кто позвонил куда следует. Воры по стенам средь бела дня не лазят.

На голове его по-прежнему была каска, которую он и снял с удовольствием. Волосы средней длины тотчас упали на лоб и прилипли, выдавая в Левше человека, внимательно относящегося к собственной внешности. Слишком роскошная прическа для обычного домушника. Проведя ладонями, он завел волосы назад.

Впервые в жизни он не чувствовал удовлетворения от восхождения. Год назад Левша забрался на «Бурж Аль Араб», после чего тридцать суток отсидел в тюрьме и был интернирован на родину без права возвращения в Эмираты под честное слово консула. Полгода назад взобрался на «Си-Эн Тауэр» в Торонто. Левша отсидел в тюрьмах двадцати двух стран, и самой отвратительной ему показалась крытка в Таиланде. Роящиеся в камерах педерасты почти убедили его в том, что кого бы гонконгские власти ни завели за решетку, он непременно окажется гомосексуалистом. Кто-то предлагал свою задницу, кто-то интересовался его задницей – все разговоры и события в тюрьме сводились именно к этому. И Левша уже не раз подумал о том, что с равным успехом, но с более благоприятными последствиями он мог штурмовать не «Байок Скай Отель» в Бангкоке, а Международный финансовый центр в Гонконге в четыреста метров. Высота та же, даже, пожалуй, чуть выше, да тюрьмы там – что дома отдыха в России.

За пять последних лет Левша взобрался тридцать один раз по вертикальной плоскости общей высотой в девять километров триста метров, и отсидел за это в общем три года. Сейчас он стоял на крыше разваленного правительством и отстроенного олигархами бывшего «Дома Шталмейстера» в Малом Знаменском и на высоте тридцати пяти метров рисковал схлопотать лет десять.

«Пора убираться отсюда, пока действительно не позвонили», – подумал он и присел под круглым окном на крыше. Резко проведя по стеклу стеклорезом, он ударил локтем, и стекло с глухим хрустом ввалилось внутрь чердачного помещения. Забравшись в него, Левша пробрался к люку и вынул баллон с газовой смесью. Через несколько минут люк накалился и сдался. Левша зацепил крючком вырезанный автогеном кусок металла и дернул на себя. Позволив остыть, опустил. Замок вместе с петлями послушно опустился, и он поднял люк.

Его интересовала квартира «пять». Сигнализация отсутствует. На пульте охраны квартиры сдает только голытьба. Люди уважаемые держат на входе консьержей, больше похожих на клонов профессора Валуева. А потому подниматься на семиэтажку Левша решил внаглую, средь бела дня.

Веревка понадобилась дважды. Чтобы бросать кошку на перила третьего и шестого этажей, пришлось дожидаться дня, когда бы хозяева той и другой квартиры одновременно не находились дома. Этот день выпал на сегодня.

Мягко ступая, Левша спустился до пятой квартиры.

Бронированная дверь с итальянским замком «Чиза». Маразм чистой воды. Это как если вешать замок для почтового ящика на дверь лишеной сигнализации «Кайена». Поиграв несколько минут отмычками, Левша открыл дверь и быстро зашел в квартиру.

Через минуту был в спальне, едва найдя ее в чередке лабиринтов.

Снять со стены картину Шилова с хозяйкой анфас – раз. Поставить картину на пол – два.

Набрать код на панели: «fackyou»...

Дзынь...

Ну, пятьдесят тысяч евро купюрами, новенькими, хоть брейся – сам бог велел...

А вот то, что нужно.

Сияющий странным, неметаллическим светом, но очень похожий на металлический тубус. До удивления напоминает он уменьшенный в несколько раз макет футляра для чертежей советского инженера. И тоже – с кодом.

Набрать: «fackme»...

Щелк...

Две половинки слегка разъехались в стороны...

«Я опережаю события», – подумал Левша, видя, что половинки в стороны не разъехались. Напротив, на тубусе загорелось: «Осталось две попытки».

Сев на пол и опершись спиной о стену, он вынул из кармана джинсов телефон.

– Алло? – услышал он через мгновение. Женщина говорила по-французски.

– Где ты? – ответил и он на французском.

– Я в самолете...

– Ничего не бойся. Пока контейнер у меня, тебе ничего не грозит. Звони каждые полчаса, поняла? Как только самолет опустится в Гаване, позвони еще раз.

– Да, конечно, милый... Но я... боюсь...

– Я знаю, Мари, – голос Левши помягчел. – Потерпи, любимая, прошу тебя.

Отключив связь, он вынул из другого кармана вторую трубку. Повторил ранее набранный на ней номер.

– Говорите, – приказал абонент. Тоже – по-французски.

– Я заберусь в этот дом завтра.

На языке Дюма Левша говорил, словно был коренным парижанином.

– Хорошо. Если в сейфе не окажется контейнера, сразу уходите. Но если он там окажется, а вы исчезнете, ей придется туго.

– Вы это уже говорили.

– Человеку, который с достойным лучшим применением упрямством забирается на небоскребы, напоминание не помешает. Я, например, понятия не имею, что может быть в голове такого человека.

– Однако выбрали меня, – напомнил Левша.

– Обстоятельства складывались благоприятно для меня и неблагоприятно для вас. А это лучший способ заручиться постоянством человека. У вас все?

– Нет, не все, – Левша почесал мизинцем руки, которой держал трубку, нос. – Я вам говорил, что вы сука?

– Да.

– Тогда – все. – И Левша сунул трубку в карман.

Пора убираться.

Уложив контейнер в маленький рюкзачок за спиной, в котором при восхождениях держал нужные мелочи, он туда же бросил и банковскую упаковку купюр по пятьсот евро.

Через три минуты он был на крыше, а еще через десять шел по Малому Знаменскому переулку, жуя жвачку и посматривая на солнце. На Волхонке он купил пачку сигарет «Лаки Страйк» и с удовольствием закурил.

Было жарко. Он повел плечами – майка с трудом отлепилась от тела. Левша сел за руль «Мерседеса», отключил кондиционер, чтобы не быть награжденным незаслуженной простудой, и опустил стекло. Ровно настолько, чтобы были видны лишь его черные очки. И поехал в сторону Гоголевского бульвара.

* * *

– Левша, я хочу вас спросить... Думаю, этот вопрос всех мучит... Кто они?

Катя посмотрела удивленно, даже наклонив голову, чтобы было лучше видно его лицо.

– Я не знаю, кто они, – тихо проговорил он. Подождал и добавил: – Среди нас, в нескольких километрах отсюда, есть военный моряк. Он может вычислить свое местонахождение на земном шаре, открыв один глаз и глянув на кончик своего носа. Так вот он понятия не имеет, где мы находимся, а ты меня спрашиваешь, кто «они». У нас тоже умер один человек. Но не от рук этих тварей. – Он повернулся к ней и стал рассматривать губы. – Мне почему-то кажется, что я ответил на все вопросы.

– Нет, не на все. Один остался... Почему ты вернулся?

– Потому что я человек.

– Я попросила у тебя прощения, – напомнила она.

– Это значит, что ты тоже – человек.
– Почему ты улыбаешься, Левша?
– Днем, когда ты протянула мне воду, я хотел сказать: «Ты ангел. Посадить бы тебя на елку».

Некоторое время она смотрела на него, не моргая, а потом рассмеялась.

Левша машинально среагировал на движение и повернул голову в сторону костра. На них исподлобья смотрел Артур.

– Он волочитя за тобой?

– Ты говоришь ерунду, – ответила Катя и слегка покраснела. – Лучше расскажи, чем ты занимаешься в свободное от стрельбы из автомата время?

– Ты посмотри, – Левша едко усмехнулся, – никому не дает покоя мой автомат! Я купил его у кубинца за пятьдесят баксов перед отплытием. Еще пятьдесят заплатил кубинскому пограничнику, чтобы тот его не заметил. Таким образом, цена ваших жизней – сто долларов. Считаешь, я переплатил?

– Думаю, нет. А еще я спросила тебя о твоей профессии, но этого ты, как и кубинский пограничник, почему-то не заметил. Ты притворился слабослышащим.

– Вообще-то я превратился в слабоумного, но разве тебя проведешь, – Левша поправил на коленях автомат и почесал нос. Длинные волосы его упали на лицо. Он окончательно оставил оружие в покое и завел их назад обеими руками.

Скорее машинально, чем следуя логике, девушка сунула руку в карман шортов и вынула резинку. Левша посмотрел на ладонь, на которой резинка лежала, и с признательностью кивнул. Через мгновение на его затылке красовался короткий хвостик.

– Я верхолаз.

– Не поняла.

– Альпинист – так понятнее?

– И это позволяет тебе удовлетворять все твои желания?

– Ты о зарботке? Мне хватает.

Катя потерла лоб:

– Подожди-ка... Год назад я была в Канаде... Там арестовывали какого-то русского, который забрался на самую высокую телевышку в мире...

– Ты была в Торонто? Ну, если дело было двадцать пятого июня, значит, ты слышала обо мне. Тюрьма в Канаде – это трехзвездочный отель в Москве.

– Точно! Двадцать пятого! А тридцатого я развелась.

– Сочувствую, – проскрипел Левша.

– Правда? А меня все, наоборот, поздравляли.

Он задержал взгляд на ней.

– У тебя красивые сережки.

– Обычно мужчины мне говорят, что красивы у меня губы, глаза – глубоки, что в них утонуть хочется, задницу мою они ласково называют попой и горят от желания к ней прикоснуться. Но тебе понравились почему-то сережки. А чем они красивы, Левша? Два тонких больших золотых кольца, чем могут поразить воображение мужчины?

– Катя, если женщину... ударить, можно погнуть сережку?

Она водила языком по своим безупречным зубам, не открывая рта.

– Если бы ты имел способность читать мои мысли, ты увидел бы мое желание отсесть от тебя подальше. Странные вопросы на странном острове. Спасший мне жизнь мужчина сидит напротив меня, полуобнаженной, и размышляет, что станет с моими серьгами, если врезать мне по уху. Ты незаменимый собеседник в ночном клубе.

– Так все-таки?

– Можно, Левша, можно. Если твой палец во время удара приложится к серьге, она погнется. Или сломается застежка. И тогда кольцо перестанет быть кольцом. И мне придется постоянно вертеть его в мочке таким образом, чтобы она не вывалилась из уха.

Она сделала попытку подняться, но он удержал ее за руку.

– Мой вопрос касался другого, не тебя, конечно. Хотя он немного странноват, согласен, – Левша посмотрел в сторону напрягшегося Артура. – Я же говорил – он в тебя влюблен. Встать и набить мне морду ему мешает только мой автомат. Знаешь, когда на твоих глазах расстреливают живых существ, желание побить стрелка немного притупляется... Так, значит, чтобы держать сломанную серьгу под контролем, тебе пришлось бы постоянно вертеть ее?

– Мы или сменим тему, или я пойду к Артуру.

– Разве я тебя держу? – Левша саркастически улыбался. – Кстати, рядом с ним, как Табаки возле Шер-Хана, отирается некто Лис. Он тоже глаз с тебя не сводит. Ты это знаешь?

Ни слова больше не говоря, Катя поднялась и направилась к костру.

Бриз шевелил подвижные части деревьев. Ветки, что потоньше, покачивались и издавали скрип. Где-то глубоко в лесу продолжали свой концерт лягушки. На берегу пахло йодом. Левша встал, отряхнул брюки и направился к лесу. Когда до него оставалось чуть меньше двадцати шагов, запах йода притупился, уступая место чуть горьковатому аромату сочной зелени.

Левша подошел к стене джунглей с опущенным на вытянутой руке автоматом. Тень его – длинная, тонкая, уродливая – тянулась до деревьев по песку, а достигнув стволов, поднималась вертикально, изгибаясь в коленях.

Он поднимал взгляд, чтобы увидеть, как выглядит его голова. Тень шеи – вытянутая, как у гусака, уходила вверх. Увидеть свою голову бывает не так-то просто даже на тени. Левша почти задрал подбородок, чтобы убедиться, что не бесконечен.

И в этот момент увидел ее.

Тонкая, толщиной со спичку проволока сверкнула в верхушках деревьев.

Затаив дыхание, Левша смотрел на нее и слушал биение сердца.

«Макаров... Он видел ее...»

– Эй! – донеслось сзади – испуганно, нервно.

Левша оглянулся всего на мгновение. Кричал тот, кто совсем недавно ходил у него в заложниках. А сейчас жертва переживала за беспечность своего похитителя.

До Левши донесся тонкий свист. Как будто за секунду до грохота пронесся по воздуху кнут.

Он резко повернулся к лесу – туда, где едва заметно – не приглядевшись и не разобрать – среди листвы пролежала проволока.

Ее не было. Лишь качнулось несколько веток на том месте, где она почудилась Левше. Он посмотрел на верхушки деревьев справа от себя. Одна или две ветки, словно соглашаясь с тем, что рассуждает он в принципе правильно, махнули ему и замерли.

– Что за чертовщина... – хрипло пробормотал Левша.

И вдруг опять почувствовал запах. Это был не привкус йода и не травяной аромат. Это был запах прокисшего пота.

В десяти шагах от него, в глубине стоящих черной стеной джунглей, раздался треск. Так бывает, когда грибник наступает на сухую ветку...

Шагнув назад, Левша поднял автомат.

Он пятился, пока не ощутил обнаженной спиной жар костра.

– В туалет мы ночью ходим туда, – и один из мужчин показал Левше рукой, куда.

Некоторое время Левша смотрел на него, как недавно смотрела на него Катя – дрожа ресницами, но не моргая.

Потом на лицо его вернулся румянец.

– Я запомню, – пообещал он.

А ведь всего несколько минут назад, находясь на границе тепла костра и прохлады океана, он едва не принял решение вздремнуть.

– Проволока, – проговорил он, видя, как к нему направляется Катя. – Макаров видел ее. И я видел. Значит, это не фантом.

Она подошла и села на старое место.

– Зачем ты ходил к лесу?

– Мне хотелось размять ноги. – Помедлив, он ухмыльнулся своей ядовитой улыбкой. – Послушай, я тебя спрошу, только ты не нервничай.

– О сережке? Ты сумасшедший.

– Я это знаю. Побудь же чуть-чуть чудачкой, поболтай с психом?

– Пять минут.

– Хватит и двух. Ответь, если бы у тебя была сломана застежка, то есть в сережке был проем, это каким-то образом сказалось бы на твоём поведении?

– Ты на самом деле псих. Но я притворюсь чудачкой. Да, Левша, сказалось бы. Я бы не думала ни о чем другом, кроме как об этой сережке. Я постоянно хваталась бы за нее пальцами, проверяя, на месте ли. Я бы не могла работать, заниматься любовью, трезво рассуждать. Я бы только и подгонялась, как шизофреничка. Потому что, черт возьми, ты единственный известный мне мужчина, который обратил внимание на сережки, которые я люблю и которые если бы потеряла, пришла бы в отчаяние. Теперь не хочешь ли и ты побыть немного чудачком и поговорить со мной как нормальный человек?

– Теперь – о чем угодно, самая красивая женщина этого острова, – согласился Левша, а в глазах его языки костра исполняли танец готовящихся к охоте бесов.

– Так вот... – Катя немного растерялась. Она не знала, как разговаривать с Левшой, когда он нормальный человек. – Как ты думаешь, что стало с теми, кого ты застрелил? Я видела, как эти... их товарищи схватили тела и потащили в джунгли... Они их похоронят?

– Они их сожрут.

– К-кто?

– Их, как ты их назвала, товарищи.

– Левша... – тяжело прошептала девушка. – С тобой просто невозможно разговаривать...

Было видно, что уходить ей тем не менее не хочется. Так и было на самом деле. Причин тому было две. Первая – рядом с Левшой было самое безопасное место на острове. Вторая – он не был навязчив. Он единственный, кому не хотелось обнять ее, чтобы согреть. И она заговорила о себе.

Запах йода, запах зелени... свист проволоки в кронах пальм... запах органических отходов... Все это сплеталось в голове Левши в единую косу рассуждений, когда он слушал рассказ Кати о прожитых ею на острове днях...

– Ой!..

Мгновенно отреагировав на этот ее вскрик, Левша сел.

Морщась, Катя волочила к себе руку. Левша увидел на ладони ее кровь.

– Господи, да что ж это такое! – не выдержала девушка, рассматривая небольшую резаную рану на ребре ладони.

– Как это случилось?! – изумился Левша.

– Откуда я знаю?! Я оперлась на песок и...

Левша подсел к Кате и завалился боком ей за спину. Его локоть коснулся ее груди. Она не отстранилась.

Но через мгновение Левша принял привычную позу и с интересом стал рассматривать предмет, который нашел в песке сразу, едва приступил к поискам.

– Я бы больше удивилась, если бы это был осколок от бутылки, – растерянно пробормотала Катя. – Что это?

– Это – наконечник стрелы, детка...

– Наконечник стрелы?

– Ага. Зеленый, как купорос. И это значит, что он...

– Неужели нефритовый?

– Не все зеленое из нефрита, – усмехаясь, ответил Левша. Он в упор смотрел на девушку. – Взять вот твои глаза, например...

– Не будем брать мои глаза. Возьмем наконечник от стрелы.

– Хорошо, – согласился Левша. – Возьмем его. Он медный. Покрылся зеленью от времени. Как пошехонский сыр. Дай-ка мне свою руку... Кажется, я здесь единственный, кто способен

бесконечно долго, не требуя благодарности, оказывать помощь. Как первую, так и последнюю...

Глава четвертая

Тормоша Макарова за плечо, Донован кричал за спину, словно Гоша мог его слышать:

– Все бинты, какие есть, все аптечки, какие найдете!..

Наконец ему удалось перевалить тяжелого Макарова на спину. Тот застонал и открыл глаза.

– Макаров, это вы, Макаров? – частил Донован, даже не пытаясь скрыть радость. – Боже мой, как же вы сюда забрались?! И когда – самое главное?!

Глаза Макарова распахнулись, и Донован почуял неладное. Несколько мгновений он пытался отвести глаза от совершенно безумного взгляда, а потом захрипел и стал отдирать от своего горла его руки. Ладони Макарова, обхватившие шею доктора стальными клещами, неумолимо приближали конец. Донован хрипел, бился от удушья, он был в панике и не знал, что делать.

В какое-то мгновение ему удалось повернуть голову, освободив кадык, и он проорал не своим голосом:

– Гоша!.. Гоша!..

Макаров уже не лежал под ним. Завалив Донована на спину, он уселся сверху и, хрипя и роняя на грудь доктора хлопья пены изо рта, вдавливал свою жертву в палубу. Для пущей уверенности в том, что она не выскользнет, он сжал бока доктора коленями. И в тот момент, когда рот его расплылся в почти счастливой улыбке, когда доктор увидел красные от крови зубы его, из-за угла палубной надстройки с двумя коробками в руках появился Гоша.

– Послушайте, док, – громко говорил он, рассматривая на ходу прихваченные трофеи, – здесь сам черт ногу сломит...

Первое, что он увидел, были сандалии доктора. Они скребли палубу так, словно Донован поставил себе задачей отшлифовать стальное покрытие до блеска.

– Что здесь... – успел он пробормотать и в следующее мгновение, выпустив аптечки из рук, бросился на Макарова.

Не поворачиваясь, тот резко двинул плечом, и Гоша, получив сокрушительный удар локтем в лицо, на мгновение потерял сознание. Когда очнулся, перед ним было небо, а слева что-то шумно скребло палубу.

Вскочив и едва не упав от головокружения, он увидел ту же картину. Донован умирать не хочет, а Макаров не хочет, чтобы Донован жил. С этим нужно было что-то делать.

Закричав и представив себя джипом, а Макарова старушкой, Гоша разбежался и врезался в него грудью. Старушка оказалась крепче, чем он рассчитывал. Отлетев от сидящего на докторе Макарова, Гоша грохнулся спиной о ребристую поверхность палубы. И тут же снова вскочил. Боль в челюсти была всего лишь фоном происходящего. На первом плане был несокрушимый Макаров, пытающийся задушить доктора. Движения последнего уже были очень похожи на агонию. Доктор сгибал и разгибал ноги, как младенец с повышенным тонусом.

Гоша в отчаянии огляделся. Нужно было найти что-то, что отвлечет Макарова от его важного дела хотя бы на мгновение. Это мгновение Доновану не помешает. Но ничего, кроме двух аптечек – пластиковых ящиков, Гоша перед собой не видел. Схватив их в руки, он подбежал к Макарову и что было сил ударил его ими по голове.

Видимо, какое-то впечатление на Макарова это все-таки произвело. Куда большее, чем джип «Гоша». Оба ящика с грохотом раскололись, из них вылетели упаковки, склянки, таблетки и стремительно размотались, как змеи, два оранжевых жгута.

Выпустив из рук шею врага, Макаров схватился за уши и зарычал.

И в этот момент Гоша ринулся на него, сбивая с Донована.

– Держите его, док!.. – не своим голосом призывал доктора к активности Гоша. Вцепившись в шею Макарова и широко расставив ноги, он придавливал его к полу и не позволял перевернуться.

Хрипя и кашляя, широко раскрыв глаза и высунув бордовый язык, Донован уселся и принялся издавать какие-то странные звуки. Они были очень похожи на слова, и в то же время Гоше сквозь шум борьбы с Макаровым казалось, что это не Донован говорит, это свистят его легкие...

На четвереньках доктор добрался до места борьбы и, прижав свой лоб ко лбу поверженного Макарова, говорил невнятно, почти стонал:

– Макаров, это я, Донован... Макаров. Придите в себя, иначе...

– Иначе что?! – бесновался Гоша. – Выбросим его за борт?! Еще минута, и он выберется из-под меня и свернет нам шеи!..

Донован отвалился на спину и пополз к рассыпавшимся от удара аптечкам. Схватив шприц и зажав его в кулаке левой руки, правой он катал по палубе ампулы, читая надписи на них...

– Очки... – бормотал он губами, в уголках которых запеклась пена. – Я ничего не вижу без очков... Анальгин или ампициллин?.. Да какая разница, если ни то, ни другое не нужно...

– Доктор, я умоляю вас ускорить ваши поиски!.. – кричал Гоша. По всему было видно, что он не испытывал такого страха перед ситуацией, даже когда забрасывал на авианосец лиану, а в нескольких метрах дожидалась его ошибки смерть. – Я долго не продержусь, клянусь богом!..

Макаров изловчился и махнул рукой. Удар пришелся по Гоше вскользь, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы он, мужчина весом в восемьдесят килограммов, слетел со своей жертвы, как плюшевый мишка с груди капризного малыша.

– Донован!.. – в очередной раз – он знал, что в последний – позвал Гоша.

Врезав ему кулаком в грудь и заставив замолчать, Макаров поднялся на ноги и развернулся...

И в полуметре от себя увидел другого врага.

Зажав в зубах колпачок от иглы, Донован всадил ему в шею иглу шприца по самую канюлю.

Взревев, Макаров выдернул шприц и поднес его к лицу. Поршень был вдавлен, а то, что было внутри, уже несло по Макарову, снимая фаску с нереальной действительности...

– Промедол... – просипел Донован. – Это промедол...

– Я как-то не очень в этих названиях... Вы, врачи, даже слово «сопли» в рецептах пишете так, что кажется, будто это не сопли, а деталь космического корабля...

– Дал бы ему больше, но он еще под бензодеазепинами... Его сердце не выдержит...

Немного постояв, Макаров, уже совершенно спокойный и ко всему равнодушный, сел на палубу. Некоторое время он качался, как китайский болванчик, а потом два раза улыбнулся и снова улегся на палубу.

– На свое место лег, – заметил Донован.

Совершенно не представляя, что на это ответить, Гоша вытер кровь со лба и, с трудом передвигая ноги, добрался до лестницы, ведущей на надстройку.

– У вас нет сигареты, Донован?

– Я думал, первым делом вы спросите, как Макаров здесь оказался.

– Зачем спрашивать, если вы мне все равно не ответите?

– А вы думаете, я вам отвечу на ваш первый вопрос?

Не имевшие сил до этого, теперь они, окончательно потеряв возможность двигаться, смотрели друг на друга равнодушно и бессмысленно.

– Слава богу, он жив, – как-то неуверенно сказал наконец доктор.

– Я тоже был рад увидеть его.

Из носа Гоши текла кровь. Он размазывал ее по лицу, задирав подбородок, но кровь все равно текла, как из сломанного крана.

Через десять минут оба сидели рядом со спящим, изредка выкрикивающим угрозы Макаровым.

– И долго ему будет хорошо?

– Я успею вас полечить.

* * *

Он разлепил веки. Во рту был омерзительный привкус технической водки. Или стеклоочистителя. Или чего-то другого, но что бы это ни было, послевкусие от употребленного дыханием выносило из него выхлопы сгоревшей резины..

– Все, мультики закончились, – услышал он над собой. – Может, перевернуть диск?

Застонав, Макаров перевернулся на другой бок.

– Он сам перевернулся. Больше ему нельзя.

– Как думаете, доктор, я не слишком погрешу против истины, если скажу, что несвязанный наш друг представляет для нас смертельную опасность?

– Ему сейчас не до войны...

Перевернувшись на живот, Макаров сначала подтянул под себя одну ногу, затем вторую. Потом наступила очередь рук. Самым трудным оказалось оторвать голову от палубы. Она словно прилипла. Провалив две попытки сесть, он дополз до лестницы, где сидел Гоша, и вцепился в одну из подпирающих перила стальных балясин. Через минуту ему удалось подняться на ноги.

Он спокойно, почти равнодушно огляделся, посмотрел на Гошу, на Донована и только после этого произнес:

– Здравствуйте... У меня крышу сорвало, или я на самом деле на палубе авианосца «Тирпиц»?

– Вы знаете, кто я? – осторожно поинтересовался доктор.

Макаров посмотрел на него с упреком.

– Донован, не задавайте глупых вопросов. Лучше ответьте, почему за бортом джунгли?

За время своей практики Донован отвечал на разные вопросы. Иногда его пытались завести в тупик маститые хирурги Старого Света, перспективные студенты на кафедре морочили голову, спрашивая о том, о чем не знал даже ибн Сина. Но каждый раз Донован имел ответ. Сейчас же, глядя на Макарова и пытаясь напрячь мозг, он вынужден был признать, что нужно либо глупость сказать, либо сообщить новость, которая поставит под вопрос его умственные способности.

– Видите ли, Макаров, за бортом джунгли, потому что мы, – он мгновение подумал, чтобы найти обоснованный ответ, но не нашел, – на острове.

Доковыляв до леера, Макаров подался вперед и посмотрел вниз. Минуту он стоял, не шелохнувшись. Потом выпрямился и стал искать что-то в карманах. Не найдя, вернулся.

Не обращая ни к кому конкретно, он развернулся лицом по направлению к взлетной палубе и ткнул пальцем вниз.

– Я готов поклясться, что стою на палубе авианосца. Рядом со мной двое, которые будят во мне смутные воспоминания. Один из них доктор Донован, второй – геолог из России. Первое и второе никаких вопросов у меня вызвать не могли. Осталось выяснить... я даже не знаю, как это сформулировать... Между тем я все отлично помню.

– И как чуть не придушили доктора – тоже помните?

– Не пытайтесь меня запутать, геолог...

Гоша, покраснев, привстал со ступеньки, но Донован выбросил в его сторону руку.

Прожаживаясь по палубе под палящим солнцем, Макаров тер подбородок и морщился, как при зубной боли. Нагулявшись вволю, он нашел на палубе тень, вошел в нее и сел, прижавшись спиной к перегородке надстройки. Теперь он тер лицо руками.

– Питер... – донеслось наконец до Гоши.

Донован вскочил и, прихрамывая, направился к Макарову.

Тот был уже на ногах. Взгляд его ожил. Расхристанный, втирая замокшую от пота кровь в лицо и вглядываясь куда-то вдаль – Донован заметил, что Макаров безошибочно нашел направление к берегу, где был разбит лагерь, – он вспоминал.

– Питер.

– Прежде всего, позвольте, я перевяжу вас...

Кажется, Макаров действительно вспомнил. И вспомнил все. Потому как если бы из воспоминаний ускользнули детали, он уже пытался бы покинуть судно.

– С ними все в порядке, – заверил Гоша. – Нам нужно привести сюда людей, ведь это единственное известное нам место, где можно ждать «Кассандру», не ожидая нападения со спины.

Сморщившись, Макаров повел корпусом. Он был ужасен и немного смешон в этот момент. Грязное лицо, на котором кровь и грязь были размазаны в одинаковых пропорциях, короткие, тронутые сединой волосы торчали в разные стороны. И даже глаза казались не ему принадлежащими, а взятыми напрокат для демонстрации усталости и боли.

– Только пообещайте не пытаться больше нас убить, дружище, – по-русски попросил Гоша.

– Что за ерунду вы говорите, – возмутился Макаров. – Зачем бы мне понадобилось убивать друзей?

Через двадцать минут, стоя на нижней палубе, где пахло машинным маслом и эхо скользило по потолку, Макаров ошеломленно молчал. Это была его реакция на развернувшуюся перед ним картину. Сделав шаг вперед, он словно поехал на автоматической коробке передач. Скорость его с каждым шагом увеличивалась.

– Этого не может быть...

– Это первое, о чем я подумал, когда побывал здесь, – сообщил Гоша, не желая уступать первенство. – Пять штук. Красавцы. Только какие-то старые.

Макаров вошел в пространство между самолетами и, словно не доверяя глазам, потрогал рукой крылья рядом стоящих. Для этого ему пришлось сделать лишних десять шагов.

– Этого не может быть... никак... – бормотал, словно сомнамбула, Макаров.

– Да бросьте вы! – иронично воскликнул Гоша. – Что вы причитаете, как ребенок, в самом-то деле! Что не может быть? Самолетов? Тогда что вы ходите и ощупываете!

И Гоше, и Доновану казалось, что Макаров не с ними. Он где-то далеко, в другом измерении, он не слышит их и не видит.

– Третий. Двадцать восьмой... Тридцать шестой... Они все здесь...

Обхватив голову руками, он остановился у самолета с бортовым номером: «FT-28». Он стоял и не сводил с этого номера глаз. Донован скользнул взглядом по фюзеляжам других самолетов. «FT» – буквенное обозначение для всех было единым. Различались только номера: 3, 36, 81, 117 и – 28, рядом с которым стоял Макаров.

Донован хотел уже спросить, чем он так удивлен, по крайней мере, есть чему удивляться более, но вдруг Макаров зарычал, и в голосе его слышалось беспросветное отчаяние. Он сжимал на голове кулаки, пытаясь, видимо, вцепиться себе в волосы, чтобы вырвать их с корнем, но они были слишком коротки для этого. Воспаленные глаза его беспредметно блуждали по полу, Макаров сошел с ума – казалось Доновану...

– Макаров... – тихо позвал он.

– Меня заставляют спать!.. – прокричал тот так громко, что по нижней палубе прокатилось оглушительное эхо. – Они хотят отобрать у меня сына!.. – Внезапно он обернулся, сияя какой-то смутной надеждой. – Гоша... – прошептал он по-русски, оставив в покое, наконец, свою голову. Сейчас он выглядел еще более обезличенным, чем когда пытался задушить доктора. – Гоша, дорогой... заберись в кабину...

– Зачем?

– Заберись, я прошу тебя... И посмотри, есть ли там, на приборном щитке, часы...

– Какие часы? – раздраженно встрял Донован. За последние несколько минут он подрастерял врачебное хладнокровие.

– Обыкновенные... со стрелками. Заберись в кабину, Гоша, обыщи эту доску... чертову доску обыщи и найди мне часы!..

Видя, что никто не собирается потакать его капризам, он развернулся и потащил к первому самолету, на борту которого значилось «FT-117», трап. Душераздирающий скрежет сопровождал каждый его шаг.

– Часы... Там должны быть часы!

Он запрыгнул в открытую несколькими часами ранее кабину. Через минуту появился и стал живо спускаться по лестнице.

– Это случайность, – громко говорил он. – Просто случайность. Понимаете? – И с этими словами он потянул трап к самолету с номером «36».

Через минуту выбирался и из его кабины.

– Кто сказал, что случайность не может повториться? – глядя на Донована почти здоровыми глазами, спокойно говорил он, хватая трап, чтобы тащить его к самолету с бортовым номером «FT-81».

– Доктор, у вас еще промедол остался?

– Ни в коем случае, – решительно ответил Гоше Донован. – Я видел, как действуют на него гипнотики... Сегодняшним утром он немного не похож на себя, не находите? Я уже и не знаю, кто выскочит из него в следующую минуту с криком «Хэллоу!».

Через пять минут, держась за голову и бормоча что-то, Макаров вернулся к ним. Донован заметил, что всегда выдержанного мужчину колотит мелкой дрожью. Списав это на побочное действие наркотика, он положил руку на плечо Макарова:

– Послушайте, дружище... Будет лучше, если вы объясните нам, что происходит. С вами что-то неладное?

– Да, кажется... – Растерев лицо, Макаров этим не помог себе. Оно стало еще более растерянным, а взгляд совершенно пустой. Вдруг этот пустой взгляд остановился на предмете, лежащем под ближайшим к выходу самолетом. – Гоша... Когда вы обнаружили эту палубу, это лежало под самолетом?

– Это кондиционер, – успокоил Макарова Донован.

Тот помолчал.

– Я вижу, что кондиционер. Гоша?..

– Понимаете, я забрался в самолет... Потянул ручку... В общем, она упала.

– Сколько времени это здесь лежит?!

Крик Макарова разорвал тишину, и эхо заметалось под разводным потолком.

– Я думаю, часа два, – вмешался Донован. – Вам нужно отдохнуть, пройдемте наверх... –

И он тронул плечо Макарова.

– Сейчас мы все отдохнем, – каким-то странным голосом пробормотал тот и стряхнул руку Донована. Направляясь к огромному цилиндру, он добавил: – И поднимемся куда выше взлетной палубы...

– Я начинаю задумываться над промедолом, – признался доктор Гоше, наблюдая за тем, как присевший рядом с предметом Макаров откручивает что-то из задней его части.

– Двадцать минут, – сказал Макаров, выпрямившись. – У нас есть двадцать минут. Если через тысячу двести секунд мы не разведем авианосец и эту штуку в разные стороны, авианосца здесь не будет. – Несмотря на прохладу, застывшую на нижней палубе, по лбу его катились крупные капли пота. – Нет, он будет... Но его здесь будет мало.

– Да что вы говорите так – и не на русском, и не на английском?! – возмутился, дерзко вскинув голову, Донован. – Сейчас не время для шарад!

Макаров пристально посмотрел на Гошу. Потом ткнул пальцем в лежащий под ним цилиндр.

– Он что, не знает, что это такое?

Тот покачал головой.

– Мистер Донован, это морская торпеда весом девятьсот килограммов. Если бы она стояла на боевом взводе, то два часа назад со всех палм Карибского бассейна упали бы кокосы. А сейчас она просто включила механизм самоликвидации. И счетчик тикает обратный отсчет. И закончит тикать он через тысячу двести... Нет, я погорячился. Через тысячу сто секунд.

– О чем он говорит? – поправив треснутые очки, спросил Донован у Гоши.

– Он говорит, что у нас есть восемьдесят минут, чтобы свалить отсюда.

– Черта с два! – вскричал Макаров. – Черта с два я позволю двоим идиотам уничтожить авианосец!.. На берегу – люди! Когда придет «Кассандра» – я не знаю! А это единственное место, где мой сын может чувствовать себя в безопасности!..

– Я не понял – это взорвется?

Макаров, играя желваками на скулах, потемнел лицом. Подняв руку, он установил на таймере обратного отсчета часов: «500».

– Все наверх, быстрее! – уже на лестнице, окрашенной солнечным светом в золотой цвет, он прошептал так, что услышал его только спешащий за ним Гоша: – Только бы работал механизм...

Какой механизм, Гоша решил не спрашивать. Сегодня утром он и без того сделал немало.

– Подойдите к надстройке палубы! – Макаров, торопясь к лестнице, ведущей на рубку, показывал на что-то рукой. – Видите этот шов? Держитесь от него подальше! Гоша, уведите доктора!

– С ним определенно что-то происходит, Джордж, – сообщил Гоше доктор. – Так, значит, дорогой геолог, это был не кондиционер?

– Я геолог, а не пилот! Я имею право ошибиться!

Задыхаясь, Макаров пинком ноги распахнул дверь в рубку. Где-то здесь... Здесь должен быть пульт управления... Это боевое отделение корабля, центр управления авианосцем. Макаров знал, что управление палубами может находиться только здесь.

– Только бы работал механизм... – бормотал, как заклинание, он.

Чтобы не включать несколько десятков тумблеров по очереди, он положил руку и резко провел ею по пультам. Те два или три, что остались выключенными, он отщелкнул пальцами.

Здесь все было как на обычном авианосце. Три последних года он служил на «Адмирале Кузнецове». Эхо холодной войны. СССР очень выигрывал при сравнении мощи армии, когда говорилось о том, что у США есть 11 авианосцев, а у СССР нет ни одного. А американцы из скромности никогда не упоминали о том, что у СССР есть авианесущие крейсера, которых нет у них, но которые ничем, кроме названия, от их авианосцев не отличаются. На одном из таких «неавианосцев», «Адмирале Кузнецове», и служил два последних года Макаров. После той истории с подлодкой, когда они чудом выжили во льдах, экипаж был расформирован, личный состав награжден. А Макаров повышен. Как же давно это было...

Здесь все как на «Кузнецове». Главное, понять, где это – все...

Донован от изумления схватил Гошу за руку. На его глазах раскаленная верхняя палуба авианосца, разделившись пополам, стала разъезжаться в разные стороны. Стоял оглушительный гул и скрежет. Даже непосвященному в секреты механики должно было быть понятно, что в механизмах не хватает машинного масла. Палуба раздвигалась медленно, из-за недостатка смазки шестерни почти визжали, и то правая плита палубы, то левая отставали от равномерного хода.

Вскоре завывали другие устройства. Еще более ужасный шум заставил Донована поморщиться. А через мгновение он оцепенел – перед ним, из ниоткуда, из преисподней, медленно поднимались пять самолетов...

И вдруг все стихло. Случилось это сразу, как только нижняя палуба авианосца с самолетами сровнялась с краями взлетной палубы. В этот-то момент и обернулся Гоша на грохот за спиной. По сравнению с общим воем это был не грохот, а просто шепоток, но во внезапно оглушившей всех тишине он прозвучал как гром. Быстро переставляя ноги, а иногда и просто съезжая по перилам, сев на них, как на санки, из рубки спускался Макаров.

– Сейчас мы берем торпеду и оттаскиваем ее с поднявшейся палубы. Это все!

Вцепившись в оперение стабилизатора и кряхтя, они отволокли торпеду на безопасное от края платформы расстояние.

– Опускаю нижнюю палубу! Как только верхняя сомкнется, тащите заряд к корме!..

И он, перепрыгивая через несколько ступеней, помчался наверх.

– Вы знаете, что он делает?

– Я – нет, – ответил Гоша. – Но он, по крайней мере, что-то делает. Как всегда...

Вдвоем тащить было тяжело. Упираясь сандалиями в шершавость палубы, они волокли девятисоткилограммовую торпеду медленно. Но все-таки волокли. Им помогала безупречность палубы и решительность Макарова.

Послышался грохот стекла. Не справившись с заржавевшей оконной задвижкой, Макаров просто выбил стекло и теперь кричал сверху, поторапливая...

Он посмотрел на часы. Пятьсот сорок секунд осталось в его распоряжении. Торпеда на взлетной палубе. А что дальше?.. Он знал, он помнил, эти торпеды времен Второй мировой часто не взрывались, но кто скажет наверняка, что это как раз та самая, не способная взорваться?

На непослушных ногах он сбежал вниз. Донован с Гошей, напрягаясь из последних сил, волокли снаряд к корме. Сто метров до них, сто метров... А что дальше? Он посмотрел на часы. Пятьсот десять секунд.

Гоша, упираясь, двигался почти горизонтально палубе. Отпусти он руки – и в мгновение ока улетит в сторону. Подоспевший Макаров налег на конус, и цилиндр поехал чуть быстрее.

– Макаров... – задыхаясь, прохрипел Донован. – Вот дотащим мы ее до кормы... и что потом?

– Что потом... что потом... – повторял как в ступоре тот. Глаза его были налиты кровью, вены на лбу вздулись. Он толкал торпеду с девятьюстами килограммами тротила и не знал, что ему делать потом.

Четыреста восемьдесят секунд...

– Проклятье! – вскричал, тряся головой и сбивая с головы брызги пота, Гоша. – Она зацепилась за что-то!..

Дальше они с доктором тянули вдвоем. Макаров стоял и смотрел на паз, пересекавший палубу поперек.

– Эй! – с досадой окликнул его Гоша.

Но Макаров не слышал его. Его глаза блестели, он смотрел в паз так, словно собирался выковырять из него грязь. Подняв голову, он увидел то, что ожидал. Гоше пришлось согрешить перед небесами еще трижды. Четыре паза шириной в семь сантиметров располагались на расстоянии двенадцати метров друг от друга. Первый рубеж был преодолен, оставалось еще три...

Все как на «Адмирале Кузнецове»!

Он еще не сделал вывода. Он чувствовал, как разрывается от перенапряжения мозг.

«Это невысказано... – думал он, налегая на торпеду. – Это сумасшествие. Это кирдык, если я просчитаюсь... Но разве есть другой выход?»

– А есть ли у меня другой выход?.. – прохрипел он, ощериваясь от напряжения и перетаскивая груз через последний, четвертый, паз.

– О чем вы? – вяло моргая, пробормотал Гоша.

Макаров поднялся на ноги и, петляя от изнеможения, побежал не к лестнице, а к помещению в надстройке судна на первом этаже. Рванул дверь на себя. Заперто. Отошел на шаг, врезал по стеклу локтем. Брызги крови и осколки стекла влетели внутрь.

Перевалившись через стенку в проем, он поднялся с пола и, качнувшись, включил механизм. Включая, посмотрел на часы. Триста шесть секунд... Кровь лилась с распоротого локтя, и было слышно, как капает она на пол, капает, словно отсчитывая последние мгновения жизни – по две капли за секунду: кап-кап... кап-кап...

Механизм чавкнул, раздался сначала щелчок, потом гул...

Донован уже перестал удивляться. Он решил быть всею свидетелем без комментариев. Для объяснений есть Макаров, в конце концов...

– Смотрите, Джордж, – облизав губы, просвистел он. – Канат какой-то появился...

Из первого паза на высоту пятнадцати сантиметров выскочил стальной трос. Он был растянут между двумя механизмами, утопленными в палубу. И вдруг снова – щелчок, и – трос ослаб. Более того, он стал выползать с двух сторон – из распорочной установки на палубе. Он

вился, как живая металлическая змея. Выползал, сворачивался в крупные кольца, падал плашмя и снова бугрился кольцами... И наконец замер.

Грохнула отпертая изнутри дверь, и из нее вывалился Макаров. Придерживая раненый локоть, он засеменил к бомбе.

– Вы же не в первый раз делаете это, дружище? – требуя успокоительного в виде ответа «да», спросил Донован.

Не глядя на него, Макаров стал выбирать из образовавшейся бухты трос.

– Ни один – вы слышите меня? – ни один психически адекватный военный моряк не станет делать то, что делаю сейчас я, слышите? – бормотал он, заходя с тросом за торпеду.

– Матерь Божья... – отходя на три шага, прошептал Гоша. Было очевидно, что образовавшаяся конструкция пробудила в нем какие-то ассоциации.

– Что это за канат? – требовал надежды на будущее доктор. – Что за канат может быть натянут поперек палубы, по которой взлетают самолеты?!

Макаров посмотрел на часы. Двести восемь секунд.

– У вас три с половиной минуты, чтобы попрощаться, – и он направился к надстройке.

– Что все это значит?!

Донован хотел еще что-то прокричать, но, когда поднялся на ноги и отошел, когда рассмотрел подробности случившегося, из уст профессора вырвалось ругательство.

– Он спятил?!

– А у вас есть другое решение?!

– Макаров?! – сдергивая с носа очки и вцепившись пальцами в волосы, в отчаянии прокричал доктор.

Развернувшись, тот пошел к надстройке спиной вперед. Чем дальше он отходил, тем громче кричал...

– Это аэрофинишер, доктор!.. При посадке летчик выпускает из-под хвостовой части самолета посадочный гак, который зацепляется за него. Тросовая система растягивается, плунжер гидротормоза входит внутрь цилиндра и вытесняет из него тормозную жидкость через калиброванное отверстие в воздушный аккумулятор! Этим обеспечивается торможение самолета по заданной программе. После отцепления самолета от троса сжатый воздух, расширяясь, возвращает поршень и связанный с ним тормозной трос в исходное положение... Что вам еще рассказать, док?! Вытяжка троса при посадочной скорости самолета примерно в двести пятьдесят километров в час и перегрузке торможения в четыре «жэ» достигает ста с небольшим метров! Мы растянули его на максимум!..

Макаров посмотрел на часы. Восемьдесят секунд.

Он взялся за скобу двери, чтобы зайти. Последнее, что видел Донован, была улыбка Макарова. Это была улыбка афериста за минуту до разоблачения.

– Если эта сволочь может тормозить пятнадцать тонн веса при скорости в двести пятьдесят километров, то почему он не может подвинуть неподвижный предмет весом в девятьсот килограммов?!

Гоша шумно глотнул. Донован обреченно произнес:

– Мы – трупы.

Зайдя внутрь, Макаров закрыл глаза и склонился над пультом. Лампы горели, кнопка сжатия гидравлики была перед ним. Он посмотрел на часы в последний раз. Шестнадцать секунд.

Сжал веки поплотнее и как тогда, на подлодке, попытался представить лицо Питера. Странное дело. Он не увидел его таким, какой Питер был сейчас. Он видел его малышом. Он и его мать улыбались Макарову...

Открыв глаза, он посмотрел в окно. Торпеда, как заложенная в арбалет стрела, лежала на палубе.

И вдруг Макаров схватился ладонью за лоб. Он снова сходит с ума?..

Наступала ночь. Очередная, внеплановая, ночь. Ночь среди бела дня.

– Макаров! – вскричал Гоша, задирая голову и ища солнце. – Что происходит?! Который сейчас час?!

Тот не слышал его. Он смотрел на лежащий на палубе заряд.

Если он ошибся с выбором центра троса, ее развернет поперек вектора движения. Трос выйдет из оперения стабилизатора, и авиабомба либо останется лежать там, где сейчас стоят Донован с Гошей, либо поедет в сторону. К нему. К открытой двери на первом ярусе палубной надстройки.

Стиснув зубы, Макаров нажал на кнопку.

Чудовищный скрежет работающей гидравлической установки распрямил трос, как нитку...

Палуба от кормы до носа вспыхнула фейерверком золотистых искр. Словно огненный дракон промчался по ней истребителем, дыша тяжело, жарко... Взлетев на высоту человеческого роста, искры осыпались пеплом и погасли в то мгновение, когда на палубе воцарилась такая тишина, что ее можно было резать на ремни...

Пахло каленым железом, когда возник и тут же пропал разрывающий барабанные перепонки скрежет. Только что под ногами Донована и Гоши лежало девятисоткилограммовое металлическое тело. И теперь его нет. Словно кто-то зацепил его контур курсором и отнес в другое место...

Ни слова не говоря, находящийся в ступоре Донован поднял руку. Он показывал Гоше уменьшающуюся в размерах и заходящую за джунгли, по нисходящей, точку. Гоша, вяло моргая, стоял и покачивался с пятки на носок. Он знал, что если не сядет, упадет.

И он сел.

Глава пятая

Левша приказал себе не смыкать глаз. Но за три часа до рассвета пробормотал: «На минуту...» – и закрыл. И этого оказалось достаточным, чтобы в мгновение, когда он их снова открыл, люди с третьего катера были уже на ногах.

Он схватил себя рукой за ноги. Автомата не было.

Растирая лицо и опираясь на пальму, он поднялся. Долго его взгляд не блуждал. Свой «узи» он увидел в руках Артура. Как ни в чем не бывало, тот стоял напротив своих людей и отдавал распоряжения. Рядом с ним, почти прижавшись плечом, расположилась Катя. Из обрывков команд, которые слышались, Левша догадался, что Артур собирает людей в дорогу. Перевернув со спины на живот сумку и убедившись, что все вещи в ней на месте, Левша вынул непечатую пачку «Мальборо», щелкнул зажигалкой и, затянувшись, направился к костру. Он шел и в упор смотрел на Артура. А тот так же в упор его не замечал. Забавно.

– Верни мне автомат.

– Разве он твой? – разговаривая с каким-то мужчиной, на секунду прервался Артур.

Левша переместил сигарету с одного уголка рта в другой. Развивать тему дальше не было смысла. Оружие ему теперь не отобрать так же, как полчаса назад его невозможно было отобрать у него.

– Ты не гнушаешься мелкими кражами?

– Что ты сказал?

– Может ли быть такое, чтобы ты при гробовой тишине не услышал? – Левша улыбнулся. – Но если ты глуховат, я повторю. Тебя не смущает роль крысы?

Люди стали медленно расходиться в стороны.

– На плече зоновское тату – если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, ты из авторитетных. И вдруг пал до кражи у того, с кем вместе сидел у костра.

Закинув автомат за спину, Артур подошел к Левше так близко, что стали слышны запахи.

– Этот автомат не твой. Скорее всего ты сам украл его у того, рядом с кем сидел у костра.

Левша снова улыбнулся.

– Нет, я его купил. Заплатил пятьсот баксов. Отдал за него деньги. Поэтому он мой. Но я уступлю тебе его за пятьсот, если ты заплатишь мне сейчас.

Артур почувствовал реальную угрозу. Собеседник ничем не выдавал в себе понимающего толк в крутых русских разговорах, и предложение, которое он сейчас сделал, адресовано было не для возбуждения русскоязычных туристов, а для конкретной разборки между двумя хорошо понимающими друг друга людьми. Левша только что сказал, что отдал за автомат деньги. А Артур украл его у Левши. Это уже неправильно. Люди, которые пьют воду из одной бутылки, не должны обносить друг друга. Но Левше показалось это недостаточным, и он ситуацию усугубил. Он не возмущается самим фактом кражи. Он только что предложил купить у него предмет за те же деньги, за которые купил сам. И тем хочет инцидент исчерпать, простив Артура за тяжкий грех. При любом раскладе действия Левша – образчик идеального поведения. А еще поведения просто сучьего, потому как Левше хорошо известно, что денег у Артура при себе нет. Таким образом, Артуру, чтобы не выглядеть гадом, нужно немедленно выбрать одно из двух: вернуть автомат или заплатить за него.

– Я верну тебе его, когда все закончится, – подумав, тише, чем хотел, сказал Артур. – Когда придет «Кассандра», ты получишь обратно свой автомат.

– А разве я соглашался на такие условия, приятель? Все выглядело бы чинно, если бы я только что сказал тебе: «Дружок, хорошо, что ты взял мой автомат, потому что я с ним обращаться не умею. Оставь его до прихода «Кассандры». Но я-то, кажется, прошу обратного. Я требую в присутствии девятерых свидетелей вернуть украденную у меня вещь немедленно.

– Ты хочешь пострадать за свои слова?

– Да, – Левша пригнулся, перекинул ремень через плечо и скинул сумку на песок. – Я хочу, чтобы ты немедленно наказал меня. За то, что своровал у меня мою собственность.

И, двинув ногой, Левша взметнул фонтан пыли. Она обрушилась на брюки Артура. Это было оскорбление.

– Сосунок, – пробормотал тот...

– Кому повезет, тот и станет хозяином автомата, о'кей?

Артур одним движением сорвал ремень «узи» с плеча и протянул одному из пассажиров. Левша еще в первый день знакомства убедился в том, что тот готов оказать услугу в любой момент. Но не всем. Только Артуру.

Толпа разошлась. Не прозвучало ни единого слова. Шокированные последними событиями люди были похожи на стадо овец. Левша, который на ночь надел рубашку – скорее из-за того, чтобы не прижиматься к шершавой пальме голой спиной, чем из-за прохлады, – скинул ее одним движением. Артур его примеру следовать не стал. Просто расстегнул пуговицу, и рубашка разъехалась на мощном торсе.

Если бы потребовали того обстоятельства, Левша снова бы разделся догола. Нужно было бы – залез бы в таком виде на пальму. Он сделал бы все, что угодно, лишь бы эти люди не пошли сейчас за Артуром в ночь. Нужно было что-то делать, и Левша выбрал скандал. Три часа драться они, конечно, не будут, но, может быть, вид крови заставит людей быть благоразумными?..

Рука Артура просвистела над головой пригнувшегося Левши. Сразу после этого он откачнулся назад и обежал костер. Артур, как носорог, двинулся за ним. Чуть приседая и держа руки на уровне груди, он убеждал всех в том, что каждое движение его – привычка. Боксер, он двигался умело и быстро.

Отступать постоянно было нельзя. Расположившиеся кольцом люди очертили собой ринг. Он был чуть больше боксерского, и обстановка на пляже очень напоминала выездной чемпионат по панкратиону на глазах зевак, которым некуда девать деньги.

Левша пропустил удар в грудь, и тут же дыхание его сбилось. Он дважды ударил в ответ и единожды попал – кулак пришелся в защиту у лица Артура, скользнул, и Левша почувствовал, как болезненно отреагировал его противник на такой рикошет. Костяшки пальцев прочесали череп Артура, и тот шагнул назад, поморщившись от резкой, неприятной боли.

И следующим же ударом, сблизившись, он повалил Левшу на песок. Мощнейший апперкот заставил последнего согнуться, и, чтобы уберечь голову от уже летящего в нее слева кулака, Левша упал на бок и перекатился. Когда он вскочил, Артур был уже рядом. Дышать

было трудно. Печень была не задета, но всколыхнувшиеся внутренности теперь отзывались протяжной болью.

Артур надвигался как танк. Играя руками, любое движение врага он контролировал и был готов тут же поразить цель.

Опустив руки, Левша зашагал назад. Артур качнулся вперед, и Левша, сработав на противоходе, сильно пробил ему кулаком в скулу. Он видел квадратный, с ямочкой и тонким шрамом поперек нее подбородок, но удар пришелся в скулу. Голова Артура качнулась назад, в какой-то момент он потерял контроль за происходящим, но когда Левша двинулся к нему, он снова превратился в танк.

Левше было наплевать, что чувствует толпа. Главное, не позволить ей зайти сейчас, ночью, в лес. Но сам факт того, что люди молчат при очевидной, исчерпывающей его правоте...

«Да что с ними происходит... – думал он, увертываясь от рук Артура. – На их же глазах... Несколько человек... И не далее как несколько часов назад они видели...»

Он спас им жизни, и сейчас ему за это били морду. Они стояли и, опустив руки, ждали, чем все закончится.

Поднырнув, Левша всадил кулак ему в живот.

Артур крикнул, отошел, прикрываясь руками, и взгляд его почерствел окончательно.

Первый удар Левша принял спокойно, выставив руку. Под второй присел. Но он не ожидал третьего. Тупая, тошнотворная боль, сопровождаемая кругами перед глазами, заставила его раскрыться и попятиться на людей.

Артур в два прыжка настиг его и в тот момент, когда казалось ему, что Левша смят и обескровлен, получил удар по носу.

Левша бил из последних сил, чувствуя, что теряет сознание. Просто выбросил руку вперед, туда, где расплывалось, расходясь в стороны, лицо Артура. И угодил точно в нос.

Сломать нос, который до этого был сломан раз десять или двадцать, было невозможно. Но выбить из него кровь получилось очень даже хорошо. Артур взмахнул головой, и лента красного цвета, блеснув при свете костра, ударила кому-то в грудь, кому-то забрызгала руки...

Левша поблагодарил себя за этот машинальный удар. Он хотел ударить если не сильно, то так, чтобы на какое-то время Артур утратил желание атаковать. Этих нескольких секунд должно было хватить для возвращения в чувство. И их хватило...

Растирая кровь по лицу и щурясь, Артур снова пошел вперед. Но теперь он был лишен главного – беззащитности противника.

Проскользнув вдоль редкого строя людей, Левша подпустил Артура поближе и, когда тот под прямым углом двинулся на него – Левша видел, как напряглись трицепсы на его правой руке, – он несколькими шагами ушел в сторону.

Он начал делать еще один шаг, собираясь сыграть так же, как мгновением раньше, но вдруг почувствовал, как кто-то делает ему подсечку. Сначала он не поверил в то, что его сбили с ног специально. Решил в тот момент, когда Артур уже наваливался на него всем телом, что произошел случайный зацеп. Но, увертываясь от чужих рук и крутя головой, чтобы не нарваться на тычок в лицо, он вдруг увидел того самого, преданного... Держа на плече автомат, Лис с полным безразличием на лице наблюдал за результатом своего поступка.

Артур бил не щадя. Левша был уверен, что ему известно о подсечке, но молчал и защищался локтями, придавленный весом противника, как мог.

Один из ударов рассек ему губу. Второй – бровь...

– Хватит!.. – раздался над головой его, затянутой туманом, истошный крик. Он узнал этот голос.

– Хватит, идиоты!..

Глядя вверх глазом, который не был залит кровью, Левша видел, как Катя, вцепившись в правую руку Артура, пытается оттащить непосильный груз в сторону.

Когда Левша вставал, кровь струилась по его лицу.

– Ну, что, вопрос с автоматом решен? – тяжело дыша и сплевывая розовую слюну, прохрипел Артур. Он стоял в трех метрах и наслаждался тем, что Катя держит его за руку. Еще бы. Все войны прекращаются, когда меж врагами выходит женщина с платком...

Левша, стирая рукой кровь со щек, посмотрел на сбившего его с ног человека – Лиса. Тот уже возвращал оружие Артуру и выглядел серьезным и очень рассудительным.

– Да, конечно, – Левша никак не мог унять струящийся из раны на брови ручеек. – Все по-честному.

– Гейм овер, приятель, я выиграл. – И губы Артура тронула усмешка.

– Твоя победа отдает запашком, – прошептала Катя и вышла из круга света.

Подняв с песка рубашку, Левша прижал ее к груди.

– Не ходите за ним, – громко произнес он через нее. – Не ходите, если хотите жить! Нужно дожидаться рассвета...

Клацанье антапки на автоматном ремне подсказало ему, что Артур на это отреагировал.

– Ты можешь оставаться здесь хоть до вечера, но я поведу людей в глубь острова! И не на рассвете, а сейчас.

Левша, рассмеявшись, отнял от лица рубашку. От нее пахло мясом и сыростью.

– Глупец, в лесу вы – трупы!

– В том-то и дело, мистер Мужество, что мы не пойдём лесом... Мы пойдём свободной от деревьев местностью. – Отвернувшись, Артур сказал: – Пусть каждый возьмет в руки по два факела. Здесь опасно, и мы должны уйти с берега. Каждый день мы лишаемся кого-то из спутников.

– А если ты войдешь в лес, не выйдет никто! – в отчаянии выдавил сквозь зубы Левша.

– Видимо, этих тварей кто-то прикормил к этому месту, – не слыша его, продолжал Артур. – К рассвету мы зайдем в глубь острова. По крайней мере, нам нужно быть ближе к питьевой воде. Лучше один раз уйти к водопаду и там остаться, чем ходить к нему каждый день, рискуя жизнью. И там есть фрукты. Вода и еда – вот что нам нужно и чего нет здесь, на берегу. Поэтому мы уходим. «Кассандра» не уйдет без нас, когда вернется. Забудьте свои страхи...

Катя, пропустив всех, стояла и смотрела на Левшу. Он качал головой и сатанински улыбался.

– Эй! – крикнул он вдруг, и Артур, почти достигнувший опушки леса, обернулся. – Известно ли тебе, что как только вы войдете в лес, выход закроется?

Уходящая в джунгли процессия напоминала шествие тамплиеров во время ритуального действия. Факелы мелькали меж деревьев, а потом и вовсе исчезали. Левше казалось, что сейчас он прощается с ними.

– Что ты имеешь в виду, дружок, проигравший пари?

– Он его выиграл, – проходя мимо Артура, сказала Катя и посмотрела мужчине в глаза.

– Тебя зацепил этот тип? – пробормотал он ей вслед.

И, не поднимая головы, внимательно посмотрел на Левшу.

– Так о чем ты говоришь?

– Я говорю о том, что сейчас вход в джунгли открыт. Когда в них зайдет последний, они закроются...

– Ты псих?

– И тогда вы перестанете быть хозяевами своих желаний. Вы не сможете идти только безлесьем. Рано или поздно вам все равно придется зайти в эти чертовы джунгли! И тогда клетка захлопнется!

Артур решил добиться своего, чтобы вернуть часть утраченного авторитета. Людям все равно, как он этого добьется. Они не в состоянии мыслить нравственно, ими движет практицизм. Так думал Левша, глядя на Артура, который и разговор не собирался поддерживать, словно ждал инициатив со стороны, и уходив за ожидающими его людьми не торопился.

– Проклятье! – Наклонившись, Левша выхватил из костра горящую палку. Еще мгновение назад он не собирался этого делать, но вдруг вспомнил Катю.

Улыбнувшись, Артур пропустил его вперед себя и замкнул колонну. И услышал:

– Следи за автоматом... Мистер Любой Ценой...

* * *

И он наступил, рассвет. И минуло еще три часа. Девять пассажиров третьего катера и Левша зашли в глубь острова, и вряд ли кто-то из них мог сказать, сколько километров осталось за спиной. Остров словно не был островом. Левше казалось, что по мере их продвижения вперед он вытягивается, превращаясь в дорогу. И чем дальше они шли, тем длиннее становилась эта дорога. Когда рассвело, они наполнили пустые бутылки водой и двинулись дальше.

– Куда мы идем, дружок? – окликнул Артура Левша. Отмытый в озере под водопадом от крови, он выглядел свежо. Тот же, к кому он обращался, не мог позволить себе войти в воду, чтобы не оставить автомат на берегу. И теперь это портило его настроение.

– Не твое дело.

«Далековато же они разбили лагерь от места нашей стоянки, – подумал Левша. – Несколько часов понадобилось, чтобы добраться до водопада. От берега, где оставались Дженни и остальные, для этого хватало часа».

– Ты в курсе, что ведешь людей вдоль берега?

Тихий свист не позволил Артуру ответить. Он резко вскинул голову. Не заметив ничего и отнеся звук на счет птицы, он приказал не растягиваться.

Теперь, когда солнечные лучи пронзили лес, можно было не мотать круги вокруг и идти сквозь него.

Если бы Артур обернулся, он бы увидел, как побледнел Левша.

«Макаров был прав... Но он недомыслил... Поврежденная сережка – это кольцо вокруг леса. Именно леса, потому что нельзя ограничить другое пространство. И сейчас круг замкнулся...»

– Не могут джунгли тянуться вечно, – не выдержал Артур, треща ветками под ногами позади Левши.

– Что, заволновался?

– Заткнись.

– Ты из тех твердолобых ребят, которым, чтобы понять, что они не правы, нужно добиться своего.

Артур остановился и резко развернулся.

– Я сказал – заткнись!

– Здесь нет помощников, дружок, – напомнил Левша и вцепился взглядом в знакомый, с ямочкой, подбородок.

– Джунгли скоро закончатся, и мы выйдем из них. Остров не может быть бесконечным.

– Мы не выйдем из них, – помолчав, сказал Левша. – Сейчас. По крайней мере...

И посмотрел на небо. Артур невольно поднял голову.

Невероятно – на остров опускался вечер.

– Они здесь...

– Что за чушь ты несешь?

Ответом ему был странный звук метрах в пятистах левее. Он был похож на тот, какой издала бы рота солдат, одновременно сделав шаг и наступив на валежник.

– Что это?..

Левша, стиснув зубы, смотрел куда-то в другую сторону.

Сумерки падали на джунгли стремительно, словно вползал в лес, просачиваясь сквозь ветви, графитовый туман.

– Бежать! Туда!.. – И Левша выбросил в сторону руку, указывая на просветы между деревьями.

Люди мчались, не замечая ничего под ногами и перед собой. Деревьев словно не было на их пути. Парализовавший мозг животный страх лишил их привычности быть увальнями. Обретя способность не терять скорости бега в густом лесу, они бежали, и ничего не было слышно вокруг, кроме треска веток и тяжелого, со свистом, дыхания...

Резко остановившись, Левша принялся неистово балансировать руками. Сумка хлопнула его по спине, и он с трудом удержался от скольжения вниз... Остров был словно изрыт котлованами. И перед ним был один из тех, в каких ему уже удалось побывать. Приятных воспоминаний из них он не вынес и сейчас думал о том, что в этой гигантской, поросшей по краям и на дне кустарником и деревьями яме лучше не будет. Главное, чтобы не было хуже.

– От кого мы бежим?! – взревел Артур, держа «узи» перед собой, словно только что его украл. – Кто преследует нас, отвечай!..

– Возможно, те, в кого я вчера стрелял из этого автомата.

– Боже мой! – раздался неподалеку женский крик. Ответ Левши достиг слуха не только Артура...

– Посмотрите туда... – Это был голос другой женщины. – Посмотрите же скорее!..

Джунгли – это миллионы оттенков зеленого. От почти черного до бледно-салатного. Вся энергия зеленого цвета, охлаждаемая мраком, сосредоточилась в лесу, и разобрать что-то было невозможно. Какие-то тени и блики, словно нервные мазки кистью сумасшедшего художника, заставляли деревья двигаться, кусты шевелиться, и люди, оглядываясь и убеждаясь, что кольцо сжимается, теряли самообладание.

Рычание и стрекотанье забили все звуки острова, и даже лягушки, смутить которых ночью не могло ничто, притихли и решили дождаться наступления так необходимой для пения тишины.

Левша видел, как один из безликих преследователей вцепился в бок убегающего пассажира «Кассандры» – того самого, кто спас Левшу, сыграв роль заложника, – и сорвал с его тела кусок плоти. Взревев мало похожим на человеческий голосом, человек еще некоторое время бежал, а потом его повалил болевой шок. А преследователь его, заталкивая одной рукой кусок в рот и отбиваясь от другой твари второй рукой, чтобы та не мешала ему насладиться едой, рухнул на него, подминая и вереща от удовольствия. Левша видел, как на месте борьбы завязалась свалка. Человек отбивался, но это было ничто под неудержимой мощью пожирающих его тварей...

В борьбу за мясо вступили не меньше десятка тех, кому еще не повезло с едой. Падение человека притормозило погоню, позволяя обессилевшим пассажирам увеличить расстояние от смерти и сократить до опушки леса.

Левша не заметил, как на пути его оказался поваленный ствол пальмы. В темноте он слился с травой. Нога его ударилась в ствол, выбивая облако слежавшейся трухи. Он уже не контролировал себя. Левша падал. Больно ударившись локтем о землю, он сбил дыхание и кубарем покатился по склону. Картинка перед глазами менялась стремительно: лес – сияющая голубым светом опушка – снова лес, затянутый в плащаницу ночи...

Еще пара кувырков, и он, ударившись спиной о дерево, остановил свое падение. В голове шумел шторм, он не сразу сумел сконцентрировать взгляд...

Подняв его, он увидел одного из Них. Он развернулся к Левше боком, он был и здесь, с Левшой, и там, в клубке смерти. И Левша чувствовал, как внутри твари борются две идеи – вступить в драку там или выйти победителем здесь... И у него похолодело сердце, когда он понял, что тварь, дергая веком и отчего-то шурясь, медленно поворачивает к нему голову...

Встать было уже невозможно. Не желая испытывать судьбу, Левша оттолкнулся руками от земли и, выбросив вперед ногу, всадил ее в пах тому, на кого сейчас смотрел и в существование которого по-прежнему не верил. И удивлению его не было предела, когда вместо того, чтобы согнуться пополам, тот лишь отступил вниз и, не меняя выражения на лице, двинулся на него, скалясь и едва слышно рыча.

Он кинулся на Левшу, когда тот выставил перед собой локоть. Этот локоть и был ему нужен...

Три метра – длину жизни Левша теперь измерял метрами.

Левша стиснул зубы, заставив себя прийти в себя...

«Хотя бы нож, – подумал он, – хотя бы сук...»

Он решил не закрывать глаза. Драться он будет до последнего. Исход ясен, но сволочь эта должна очень постараться, чтобы оторвать от него кусок вот так, без труда...

И в это мгновение увидел, как с другой стороны, поглядывая на соперника – первого, к нему приближается вторая тварь. «Они сейчас схватятся, чтобы выяснить, кому достанется кусок мяса – я», – подумал Левша и посмотрел на первую тварь....

И та бросилась на него, чтобы успеть первой....

Краем глаза Левша заметил, как слева от него что-то сверкнуло, и снова потянуло холодком. Как будто там, на палубе, по волосам его, играясь, прошелся ветер...

Горячая волна ударила его в лицо, он не успел закрыть глаза, и боль в них была ничуть не менее мерзкой, чем привкус меди на губах. Смахнув с лица кровь, он машинально пополз назад, поднимаясь. Меньше секунды прошло с тех пор, как его тронул ветер... Левша открыл глаза со слипшимися ресницами.

Что-то огромное, похожее на очищенный от сучьев ствол дерева мгновение назад пронеслось мимо него, накрыв тенью. Ломая кустарник, это что-то снесло с ног стоящую перед ним тварь и унесло куда-то в джунгли. На том месте, где они встретились, словно взорвался наполненный красной краской воздушный шар – лопнув, он в мгновение ока окрасил кусты и Левшу, стоящего перед ним, красной краской... Левша услышал лишь треск разлетающихся в разные стороны, словно карандаши, пальм... Словно ничего и не было.

«Упало дерево», – подумал он, видя, как залитое с ног до головы чужой кровью существо поворачивается к нему всем телом...

И только сейчас услышал разрывающий его барабанные перепонки взрыв. И джунгли словно вскинулись, проснувшись и разгневавшись на всю эту возню...

Левша уже давно был поднят в воздух и кувыркался, как витринный манекен. Его швырнуло вниз, засыпая землей, и казалось ему в эти мгновения, что его хоронят заживо.

Треск падающих деревьев, обломанные, словно обглоданные, сучья, комья земли, кубометры дерна, шматки мяса и море крови, оглушительные крики, вой и скрежет – все это находилось в воздухе, и звуки перемешались с цветом...

Закрываясь рукой, Левша посмотрел перед собой.

Перед ним стояла тварь, и вместо головы на ее плечах торчал обрубок шеи, из которой бил фонтан черного цвета.

А в воздухе по-прежнему крутились, ударяясь друг о друга и то исчезая в земляной каше, то снова появляясь, окрашенные в красное фрагменты тел, сломанные, словно спички, толстые сучья и взлохмаченные, вырванные из земли, многопалые корни вековых деревьев...

Свист заставил Левшу пригнуться.

Гигантская щепка, словно отколота гигантским топором от секвойи, стрелой промчалась и, насадив обезглавленный труп на себя, как на шампур, вонзилась в дерево, под которым пытался прийти в себя Левша. Он закрыл глаза, когда лава горячей крови хлынула ему на голову...

Выбравшись из-под прибитого к пальме существа, он поднялся и посмотрел под ноги. Мгновение назад что-то упало вниз, едва не коснувшись его лица. И гулко ударилось оземь...

Левша вытянул руку, пытаясь найти опору. Под ногами его лежала башка гигантского питона... Челюсти судорожно закрывались и распахивались, и почудилось Левше, что слышатся ему проклятия... Он мог без труда вставить в распахнутую пасть его голову вместе с плечами, если бы захотел...

Был взрыв. Он готов был поклясться. Это был взрыв, и ничто другое. Трудно даже представить, какой мощности. Такими уничтожают города.

Пыль еще долго не оседет, думал Левша. Но уже сейчас ему было ясно, что новая поляна будет больше всех существующих на острове. И это, кажется, новый котлован.

Не было больше слышно ни воя, ни рыка. Треск продолжающих падать деревьев царил вокруг, и это было все, чем разбавлялась тишина.

Левша заставил себя пойти обратно, в глубь леса. Метров тридцать, едва разбирая во взвеси пыли дорогу, он шел, ступая осторожно и неуверенно. Но потом стало чуть светлее. Туман оседал здесь быстрее, уходя куда-то вниз.

Вместе с занавесью пыли уходила ночь.

Робкие лучи восходящего – Левша уже не понимал, где – солнца пронизывали лес яркими стрелами. В лучах клубилась пыль, он закашлялся и двинулся вперед.

Левша стоял на краю воронки, глубину которой определить было пока невозможно. Очертить взглядом ее окружность – тоже. Ветка над головой его хрустнула, и послышались звуки шелестящей листвы. Что-то падало вниз. Левша отскочил, и ноги его, заплетаясь, повалили хозяина на бок. С дерева сваливался, как пожарный рукав, питон. И не было конца этому пятнистому телу. Наконец раздался последний удар. Обезглавленное тело змеи толщиной с человеческое туловище рухнуло вниз, забрызгав пространство вокруг себя кровью.

На деревья смотреть не хотелось. Левша понимал, что на кронах можно найти еще многое, отчего вывернет наизнанку.

Он в который раз заставил себя подняться на ноги и подойти к краю воронки. Пыль уже осела до середины ее, но еще не достигла дна.

Скоро края ямы зацветут кустарником, а внутренности ее покроет ковер из высокой травы...

Деревья встанут стеной по окружности, и любому забредшему на этот остров нужно будет очень постараться, чтобы случайно не свалиться в странный котлован. Обернувшись, он увидел торчащий из покрытого рыжей пудрой ствола металлический предмет. О том, чтобы вытащить его, нечего было и говорить. Продолжая дымиться, он выглядел в этом лесу так же неестественно, как неестественно выглядел бы кулер. Шагнув к нему, Левша увидел какие-то то ли буквы, то ли цифры, выдавленные на его поверхности.

«...USARMY...1945...» – и еще что-то, что было покрыто окалиной после взрыва.

В голове Левши зашевелились мысли. Первое, что пришло в нее, да там и осталось – на острове остался заряд времен Второй мировой. Кто-то, увлекшись погоней или побегом, задел взрыватель. Сработало.

– Левша!..

Он сразу узнал этот голос. И отошел от дерева, чтобы встретить Катю подальше от осколка и изувеченного гигантского питона.

Растрепанная, со слезами на глазах, бежала к нему она. А за ней торопился Артур.

Катя ворвалась в объятия Левши, и ловушка захлопнулась...

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Она качала головой и плакала. Кажется, ей очень хотелось увидеть в эту минуту именно его, Левшу.

– Откуда взялись здесь эти твари?..

Левша сыграл желваками и заставил себя улыбнуться.

– Я думал, ты спросишь, что это взорвалось.

– Прежде всего... твари! А взорвалось... что?

Но он ее уже не слышал.

– Ну что, мой друг, ты закончил свой крестовый поход? – освободившись от рук Кати, Левша шагнул к Артуру и без раздумий вложил все оставшиеся силы в удар... – Ты из тех, кому, чтобы понять, что не прав, нужно обязательно добиться своего?

Левша дрожал от гнева. Ему казалось, что поднимись сейчас Артур, и он выбьет из него дух. Он будет бить его руками, ногами, забыв о правилах боя. С одним лишь желанием – покалечить...

Но Артур вставать не торопился. Опершись на локоть, он ладонью другой руки стирал кровь с губы и рассматривал ее. Поняв, что продолжения не будет, Левша развернулся и пошел прочь.

– Людей хотя бы собери... – бросил он напоследок.

На опушке он стоял и ждал, когда соберутся пассажиры третьего катера. В какое-то мгновение он выключился из происходящего вокруг – словно штекер, питавший его от настоящего, кто-то задел ногой и выдернул. Он стоял и смотрел тугим взглядом вниз, туда, где присыпанная землей распрямлялась в своем стремлении уйти в небо трава.

Катя подошла сзади и провела рукой по его волосам. И Левша почувствовал, как гнев спадает, как простыня с бедер...

– Мари...

– Что ты сказал?

Прижав кулак ко лбу, Левша обернулся и стал разглядывать Катину лицо, словно видел его впервые. А потом провел пальцами по ее щеке и отвернулся.

– Левша, мне страшно...

Ему захотелось вырвать из себя остатки воли и закричать, что ему тоже страшно, но он вдруг услышал:

– В моей жизни это уже было однажды, Левша...

– Что, летающее дерево?

– Нет, взрыв... И обломки вокруг... обломки и – кровь...

Он обмяк и выпрямился с поднятым с земли автоматом.

– Что люди?

– Они все живы, – прошептала Катя. – Одного слегка придавило стволом пальмы, но он может ходить. Защити меня, прошу...

Левша поднял голову.

В сторону поляны был прорублен широкий проход. Теперь, когда пыль осела, лес золотился светом. Левша поднял голову и едва заметно улыбнулся.

Катя так и не поняла, чему...

Глава шестая

Москва, июль 2009-го...

На столе стояли: наполовину пустая бутылка виски и полупустой стакан; лежали: дрель, молоток, «болгарка», контейнер.

На краю столешницы, словно забытые впопыхах, располагались руки Левши, а сам он сидел, откинувшись на спинку стула, и не моргая смотрел в потолок. На лбу его выступили крупные капли пота. Они словно ждали команды, чтобы сорваться с места и помчаться по лицу к подбородку. В квартире дома на улице Улофа Пальме, дома, где находили себе приют депутаты Государственной думы, пахло паленым металлом и витал среди него амбре туалетной воды Левши и тонкий, чувственный аромат «Джи энд Би». Изнеможенно подавшись вперед, Левша уронил голову на руки и посмотрел под ноги. Там лежали спиленные до основания диски от портативной «болгарки» и несколько сгоревших сверл по металлу. И два окурка, опущенных мимо пепельницы.

Он размял руку и взял теплый еще контейнер. «Осталось две попытки» – горело на его крошечном табло красными буквами. Левша осмотрел контейнер в тридцатый, наверное, раз. На панели размером со спичечный коробок – кнопки с латинским алфавитом и арабскими цифрами. Fасkте, как известный ему код доступа к содержимому, оказался липовым.

– Как же тебя препарировать?.. – прошептали губы Левши, и он неадекватно медленно посмотрел на телефон, который звонил уже пять или более того секунд.

Это была трубка для разговоров с Дебуа.

– Да, – как можно развязнее бросил Левша, прижав ее к уху.

«Чудится мне, что верхолазов нужно предупреждать трижды, – раздался голос француза. – Я недооценил вас. Как же так? Вы звоните мне и говорите, что вынуть из сейфа контейнер беретесь завтра, а между тем контейнер уже у вас. Нехорошо».

– Что, хозяйева уже подняли шум?

«А вы как думаете? Они будут стоять и смеяться, глядя на пустой сейф?»

– А вы как думали? Что я буду вскрывать сейф под контролем ваших головорезов? Чтобы на выходе они приняли меня и девочка не долетела до Острова свободы? Вы должны простить мне этот маленький обман.

«Ну и как, код подошел?»

Левша выбрал из рассыпанных на столе сигарет одну.

– «Фак ми»? Нет, не открывается...

В минуты раздумий ему нужно было что-то переключать. Раньше, лет пятнадцать назад, в годы юности, это были спички. Сейчас ничего лучше сигарет под руками не оказалось. Выкладывая из них колодцы, пушки, конверты и другие известные ему городошные фигуры, Левша думал.

«И не пилится, правда?»

– Хоть бы царапина. Видок у него какой-то странный. Не то прозрачный, не то матовый.

«О стол попробуйте ударить».

– Сверлить пытался, резать пытался – бесполезно, – дожидаясь, когда начнется разговор по существу, проговорил Левша.

«Может, гвоздиком? Попробуйте гвоздиком ковырнуть», – посоветовал Дебуа.

Левша промолчал. Положив трубку на стол, он стянул через голову майку. В надежде на быстрое вскрытие контейнера он сел за стол по возвращении в квартиру как был – в джинсах и майке. И вот уже третий час пытался испортить содержимое, чтобы добраться до содержимого.

Майка полетела в коридор. Левша с брезгливостью посмотрел на свою грудь, сияющую от пота. В душ он не хотел идти, пока не закончит с делом.

«Послушайте меня внимательно. Я хочу сохранить вам силы. Этот контейнер сделан из молекул «углерода-шестьдесят», а материал называется «агрегированные наностержни алмаза». Прочность материала измеряется по тому, как меняется его объем под давлением при постоянной температуре. У алмаза этот показатель составляет четыреста сорок два гигапаскаля, а у контейнера, на который вы сейчас смотрите взглядом беззубого бобра, четыреста девяносто один. Вы можете положить этот предмет на асфальт, а потом бить по нему сверху ковшом экскаватора, можете бросить в мартеновскую печь, но на выходе вы все равно будете иметь болванку весом четыреста восемьдесят семь граммов без учета веса находящегося там предмета и надписью на ней: «Осталось две попытки». Этот предмет старания экскаватора за вторую попытку даже не сочтет. – Дебуа закашлялся, и Левша услышал в трубке звуки, издаваемые пьющим человеком. – Простите, ангина замучила... Так вот, единственное, чем вы можете унижить этот тубус, это вставлением его в задний проход. Но и после этого на нем будет значиться, что у вас осталось все те же две попытки. Зачем вы меня обманули?»

– Пока контейнер у меня, девчонка жива.

«Вы уверены, что это правильный ход? А что вы скажете, когда по приземлении в Гаване ее встретят мои люди и я предложу вам новую версию, выглядеть которая будет вот так: «Эта девчонка будет жить, если контейнер через час окажется у меня?»»

– А может, мне продать этот контейнер, раз девчонка все равно будет мертва?

«А зачем вам, мертвому, деньги? Альпинист, я предлагаю закончить этот idiotский разговор и перейти к делу. Отдайте мне то, на что смотрите».

– Не раньше, чем я и она будем в безопасности.

«Вы решили со мной поиграть?»

Левша отключил связь. Времени оставалось считанные минуты. Если они вообще оставались.

Схватив сумку, он, гремя вешалками в шкафу, швырнул в нее сандалии, несколько рубашек, шорты, брюки, туда же бросил рюкзак, с которым лазал по небоскрегам, и – контейнер. Закинув сумку за спину, он распахнул балкон и ступил на него, осторожно выглядывая вниз.

Цепляясь руками, он повис на балконе. Качнулся, разжал пальцы и очутился у соседей этажом ниже.

Балкон на втором этаже был закрыт. И тогда Левша снял сумку, бросил ее на газон. Перевалился через перила и повис на руках. Через мгновение он уже падал вниз. Свалившись на бок, он перекатился, схватил сумку и едва успел упасть, прижавшись к земле. Опоздай он на мгновение – и его бы обжег свет фар въезжающего во двор «Геленвагена». Но джип промчался к подъезду, с визгом затормозил, и из него – Левша хорошо видел – выскочили трое. Одного из них он знал, это был человек Дебуа. Когда они скрылись в подъезде, он встал и быстрым шагом направился прочь. Майка снова липла к телу.

Глава седьмая

Взрыв качнул авианосец, палуба издала стон, и Донован с Гошей повалились на нее, в кровь сбивая локти.

Из палубной надстройки вылетели все стекла. словно несколько десятков маленьких негодяев, зарядив рогатки щебнем, разом выстрелили по ней.

Гоша видел, как метрах в четырехстах от них, в глубине джунглей, поднялся в темное небо оранжевый шар. И тотчас лопнул. Как будто выпущенные из земли ракеты, земляные столбы пронзили его, заставив погаснуть, и ушли в небо. Цвет сменился на бесцветие... Ударная волна, качнувшая палубу, минула, и теперь Донован и Гоша, закрывая головы, мчались к надстройке, из которой не торопился выходить Макаров. Они успели забежать в помещение для управления палубами и аэрофинишером в тот момент, когда на авианосец, словно проклятые, стали сыпаться сломанные сучья и комья земли.

– Господи ты боже! – вскричал Донован, округляя глаза за треснутыми очками. – Какой же силы этот взрыв?!

– Девятьсот килограммов тринитротолуола, – пробормотал Макаров, наблюдая за тем, как увеличивается в объеме облако взрыва. Поднимаясь все выше и выше, оно освещало джунгли мутным багровым светом. – Мы закинули торпеду метров на триста-четырееста, радиус разлета осколков будет чуть больше.

Помолчав, он стал бормотать невнятно, устало, выдавая последствия только что пережитого потрясения:

– Когда торпеда отделяется от торпедоносца и ударяется о воду, она становится на боевой взвод. Следующий удар – взрыв... Но чтобы потом самим же не напороться на заряд, если торпеда пройдет мимо судна неприятеля, у нее вместе с постановкой на взвод срабатывает система самоликвидации... Все зависит от каприза начальника артвооружения и трезвости механика...

Остров затянуло серым облаком пыли.

– Вот так умрет на земле жизнь, если Апофис сойдется с Землей... – прошептал Донован. – Мистер Макаров... я хотел сказать вам...

– Поблагодарите лучше тех, кто оставил люк для водолазов открытым.

Гоша вопросительно уставился на Макарова.

Тот улыбнулся, не отрывая взгляда от расползающегося по острову клубу пыли.

– Я уже терял сознание, когда вышел на авианосец... Обошел его и понял, что, если к ночи не найду возможность оказаться на палубе, мне конец. И тогда взял палку и стал рыть с правого борта. Через полметра показалась ватерлиния. Еще через полметра – люк для водолазов. Я откинул его, забрался внутрь и задраил. Потом поднялся на палубу и потерял сознание. Это единственный способ оказаться на авианосце. Поэтому меня просто раздрает желание узнать, как здесь оказались вы.

Донован сбивчиво рассказал. Немного стесняясь после люка.

– Я сейчас думаю – взрыв такой силы... – пробормотал Гоша. – Что, если там был кто живой...

– До побережья около семи километров. Здесь только попугаи и...

– И Они, да?

Макаров посмотрел на Донована.

– Вы их видели?

– Хватило того, что мы их чувствовали... Макаров, скажите... Зачем вы осматривали самолеты... – Донован поправил очки, и из них вывалился кубик стекла. – Часы вы искали... вы дурно себя чувствовали, или это что-то значит – искать часы?

Оттолкнувшись от пульта, Макаров оттеснил плечом загораживающего выход Гошу и шагнул на палубу.

– Я только начну рассказывать, а вами уже овладеет желание повалить меня и начать вязать.

– Ну, нам не привыкать, – буркнул Гоша. – Справимся.

На палубу Макаров садился странно. Сначала он наклонился. Потом присел. Оперся о железо и только потом опустился.

– Я здесь четвертые сутки. Все это время мне кажется, что я схожу с ума. Расплачиваюсь за поступок, которому нет прощения... – Проговорив это, он стал искать в кармане сигареты и не нашел. – Наверное, это справедливо. Так и должно быть. Всегда... Каждый рано или поздно должен расплатиться за то, что сделал.

– Я не знаю, что сделали вы в прошлом, но только что вы спасли жизни двоих людей, – тихо заметил Гоша.

Макаров посмотрел на него внимательно.

– Быть может, это и есть часть плана по расплате?

– Давайте поближе к сумасшествию, – предложил Донован.

Небо над островом затягивалось паутиной облаков. Едва видимые, как изношенная марля, они густели и наполнялись серостью.

– Пятого декабря сорок пятого года произошло событие, которое до сих пор кружит мозги многих, – сказал Макаров, глядя в сторону океана. – Этот день начинался так же, как и сегодня: солнце сияло ярко, но уже было подозрение на то, что вскоре небо потеряет цвет... В Девятнадцатом звене, которым командовал лейтенант авиации Тейлор, были пилоты высочайшего класса. Все до единого они прошли Вторую мировую. Их самолеты класса «Эвенджер» перед вылетом тщательно осмотрели техники. Навигационные приборы, электрика, компасы – все было в полном порядке. Баки были заполнены топливом по горловину. Настроение у всех было замечательное, пилоты подначивали друг друга и смеялись. Но тут вдруг один из них сказал, что не полетит. Что видит какую-то проволоку над головой и что ему стало нехорошо. Все приняли это за очередную шутку и засмеялись. И забыли об этом приколе, когда «Эвенджеры» поднялись в воздух... Я бы все сейчас отдал за одну сигарету, – неожиданно прервал себя Макаров.

Минуту помолчав, убедив себя, видимо, что сигарета все равно не появится, или согласившись, что у него нет ничего, чтобы за нее отдать, он снова заговорил...

– «Эвенджеры» оставили взлетную полосу в половине третьего дня, а через полтора часа, выполнив задачи полета, развернулись, чтобы вернуться... Однако почти сразу командир звена Тейлор, связавшись с командным пунктом авиабазы, огорошил своих командиров. Он сказал, что...

5 декабря 1945 года, Атлантика...

Недоумевая, лейтенант Тейлор постучал пальцем по компасу.

– Что за дьявол?..

– В чем дело, командир? – раздался в наушниках по внутренней связи голос штурмана.

– Двадцать восьмой, сообщите об обстановке, – услышал Тейлор голос диспетчера авиабазы.

Не отвечая, он оторвал взгляд от компаса и поднял голову. Пусть не работает компас, бывает. Но запад – дорогу домой – можно найти по солнцу.

Но солнца... не было.

Тейлор прикоснулся пальцами к виску. Оставив штурвал, он стал ерзать в кресле, ища взглядом солнце.

Солнца на небе не было.

– Что случилось? – раздался в ушах нервный голос штурмана.

– Двадцать восьмой, я вас не слышу!

– Мы, очевидно, сбились с курса, не видим землю, – удивляясь тому, что говорит, произнес Тейлор.

Через мгновение раздался раздосадованный голос диспетчера.

– Что значит – не вижу землю? Идите на запад, Двадцать восьмой!

– Я... не знаю, где запад...

Скинув шлем, Тейлор почувствовал, как им овладевает страх. Он вжал пальцы в лицо и провел ими от лба до подбородка, оставляя на лице красные полосы.

– Двадцать восьмой!..

– Командир, что происходит? – услышал Тейлор, когда надел шлем. Этот вопрос прозвучал трижды голосами пилотов ведомых им «Эвенджеров». – Где мы находимся?

– Посмотрите на солнце, Двадцать восьмой! Солнце! – слышалось в наушниках. – Уйдите от солнца на девять часов, это и будет направление на запад!

Тейлор понимал, что ему дают детские советы.

Облизав сухие губы и слушая частое биение своего сердца, он прошептал:

– В небе нет солнца...

– Что вы видите? Ответьте, Двадцать восьмой, что вы видите?

– Командир, – услышал Тейлор по внутренней связи голос пилота Сто семнадцатого. – Ты видишь солнце?

Не отвечая, Тейлор настроился на разговор с авиабазой.

– Океан выглядит необычно, – выдавил Тейлор, с ужасом думая о том, что не испытывал такого ужаса даже тогда, когда его атаковали под Мидуэй три японских истребителя.

Связь то прерывалась, то восстанавливалась... Все это время Тейлор смотрел на наручные часы, пытаясь понять, который час. Но по его часам выходило, что сейчас то половина пятого, то четверть восьмого, то четырнадцать часов... В какой-то момент лейтенант услышал в наушниках, и было невозможно понять, чей это голос: «Черт побери, если бы полетели на запад, то давно попали бы домой!..»

И тут же Тейлор услышал то, что услышали и на авиабазе:

– Что за странный белый туман?.. Господи, что происходит?! Нас словно заворачивает в марлю!..

– Двадцать восьмой, скажите, что вы видите! – Голос диспетчера заставил Тейлора очнуться. Лейтенант уже не принадлежал себе... Он понимал себя, чувствовал себя, но себе не принадлежал... – Немедленно ответьте, что вы видите?..

Тейлор поднял взгляд перед собой.

– Я вижу... ночь и второй горизонт...

– Ночь? Какую ночь?! Вы как себя чувствуете, Тейлор?!

– В норме.

– Тогда ответьте, какая ночь и что это значит – второй горизонт? – кричал в наушниках уже не диспетчер, а командир эскадрильи. – Что вы хотели этим сказать, Двадцать восьмой?!

– Я вижу... второй горизонт... Только это я и хотел сказать...

– На что похож этот горизонт?!

– На проволоку...

* * *

Макаров потрогал мочку уха и поднял голову. Небо над островом затягивалось.

– Весть о том, что пять «Эвенджеров» терпят бедствие, вызвала тревогу на базе. На их поиски немедленно отправили летающую лодку с двенадцатью спасателями.

– И что? – спросил Донован.

– Ничего. Лодка вместе с людьми пропала. Последняя информация по радио от них заключалась в том, что чуть выше горизонта пилот видит тонкую, блестящую линию. Она то исчезала, то появлялась... Спустя час после исчезновения лодки и четыре с половиной часа после исчезновения связи со звеном «Эванджеров» диспетчеры авиабазы приняли слабый сигнал. Они смогли расшифровать только две буквы из него: «F...T...». Это была часть

кодового обозначения пропавшего звена «ФТ-28». Эти позывные были приняты спустя сто минут после того, как у самолетов над океаном должно было кончиться горючее... Поиски самолетов продолжались в течение двух недель. Казалось, эта тайна навсегда останется неразгаданной. Вы знаете профессора Крейна, Донован?

Оживившись, доктор привычно поправил очки и поджал губы.

– Майкла Крейна? Неуместный вопрос, мистер. Я его знаю, знакомился с ним года три назад в Калифорнийском университете, где он преподает. А к чему вопрос?

– К тому, что недавно он заявил, что Тейлор и его пилоты попали в «аномальную временную зону». Бывают моменты, когда вследствие различных воздействий, например, под влиянием аномалий магнитного поля, ход времени значительно ускоряется или замедляется. Истории известны такие случаи...

1934 год, Швейцария...

Развернув свой «Юнкерс» над Альпами, испытатель нового «Ju-52», уже названный «Железной Анной», Виктор Гуддарт заложил вираж, оставив в памяти великолепный вид заснеженных Альп... Он любил летать над горами, это непроходящее чувство величия над вечностью и привело его в небо... Самолет, урча, уходил в небо... Была бы воля Гуддарта, он бы продолжил этот рывок наверх. Туда, где нет ни жизни, ни смерти, а одна только высота...

Вывернув штурвал, он вышел из уводящего его в небо виража и лег на левое крыло. Смакуя ощущения и желая оставить послевкусие от полета перед посадкой, он еще раз посмотрел через плечо на Альпы...

Альп не было. Под ним расстилалась саванна, и на высоте тысячи футов, а никак не семи тысяч, под его «Железной Анной» мчались, угорая от желания обогнать «Юнкерс», пятьсот зебр или что-то около пятисот...

Дрогнув руками и побледнев, Гуддарт поднял самолет в небо и снова заложил вираж. Где-то на уровне глаз он увидел то, чего видеть не мог ни при каких обстоятельствах – горизонт... Стадо зебр, сбившись с ритма, нарисовало своими спинами полукруг и сбросило скорость... Но, дрогнув шеями, от ревевшего самолета шарахнулись в стороны несколько жирафов...

– Африка?.. – только и смогли прошептать серые, как сырые котлеты, губы Гуддарта...

...Когда он выбрался из кабины и сполз по лестнице, сев на взлетную полосу, он услышал над собой голос начальника учебных полетов:

– Где вы были три часа, Гуддарт?.. Сколько у вас осталось горючего?.. Только не говорите, что присели у одной из горных деревушек, чтобы вставить знакомой пастушке!..

* * *

– У всех этих событий есть одно общее свойство, – проговорил Макаров, стирая с лица ручьи пота. – Все видят белый туман и тонкую, похожую на металлическую нить проволоку. И они теряют себя в этом мире. А мир теряет их. Белый туман и линия над реальностью – это сигнал к тому, что в жизни твоей начался обратный отсчет...

– А вы? Вы видели когда-нибудь белый туман и линию, Макаров? – спросил Гоша. Он искал накрытое тенью место на палубе и спрашивал, отползая спиной к стене.

Макаров смотрел себе под ноги, наморщив лоб и изнывая от жажды.

– Семь лет назад я увидел тонкую линию над своей головой на глубине ста метров у западного берега Америки. Я тогда еще был помощником капитана. Вдруг лодку качнуло, и салон затянуло словно дымом. Но запаха не было. И тогда я увидел линию над головой. Она стояла перед глазами не больше секунды, а после исчезла. Через минуту ко мне зашел вахтенный офицер и сообщил, что с ним не все в порядке, видимо, поднялось артериальное давление. Ибо видит он перед глазами то, что видеть не должен. Я спросил, что именно он видит, и капитан первого ранга ответил мне, что...

– Что? – рявкнул Донован.

– Тонкую, блестящую линию. Я направился к командиру и, когда докладывал ему о странном случае, видел его безумный взгляд. Я до сих пор уверен, что он испытал те же ощущения миража. Но не признался в этом. Через несколько минут он отдал приказ покинуть территориальные воды США. А через три часа мы всплыли.

– И что? – бросил из тени Гоша.

– То, что всплыли мы в Индийском океане, в двухстах морских милях от Шри-Ланки. Это что-то около десяти тысяч миль от побережья США.

– Вы говорили о Крейне, – напомнил Донован.

Макаров качнул головой.

– Говорил... Так вот, он считает, что «Эвенджеры», оказавшись в аномальной временной зоне, пролетели над Флоридой, не заметив ее, и проявились в Мексиканском заливе. Продолжая искать землю на западе, в то время как она была уже на северо-востоке, и спалив весь керосин, они сели на воду. Тогда был шторм, и самолеты тут же пошли ко дну. Но кто-то из пилотов некоторое время еще держался на воде, сумев подать сигнал бедствия. Крейн считает, что «Эвенджеры» нужно искать именно в Мексиканском заливе. И совсем недавно едва не выяснилось, что он был прав. В Мексиканском заливе были найдены останки «Эвенджеров» сороковых годов.

– Крейн – весьма одаренный человек, – согласился Донован, убедившись, что Гоша прав – в тени лучше. Туда он и направился.

– Но, странное дело, док... Те «Эвенджеры» никакого отношения к пропавшим не имеют. Их бортовые номера не совпали с номерами пропавших пятого декабря сорок пятого года самолетов. Но не это самое странное... – Макаров посмотрел в тень исподлобья. – Странно то, что бортовые номера найденных в Мексиканском заливе «Эвенджеров» вообще не числятся в военных архивах США. Кроме того, архивы утверждают, что звено «Эвенджеров» бесследно исчезало в истории морской авиации Америки только один раз... Пятого декабря тысяча девятьсот сорок пятого года...

Облака стягивали воздух над островом, как стягивает кожу на лице отсутствие лосьона после бритья. Тень, где находились Донован и Гоша, становилась гуще. Теперь Макаров видел лишь их ноги...

– Как это может быть с нами, Макаров? – спросил наконец Донован. – Ведь не для того вы все это рассказывали, чтобы убить время?

– Пять самолетов на нижней палубе – это звено «Эвенджеров».

Донован переглянулся с Гошей и сказал:

– Но сколько их было выпущено, «Эвенджеров»? Несколько тысяч?..

– Но именно у этих – именно у этих пяти! – не было на приборном щитке часов! – Макаров сглотнул слюну. – Можете проверить. Гнездо под часы есть, а самих часов нет, и провода для них не выведены. Пятого декабря сорок пятого года звено «FT-28» поднялось в воздух без часов!

Посмотрев на свои, он сказал:

– Я иду за людьми.

– Быть может... – начал Гоша.

– Нет, я пойду один. Я не хочу, чтобы с оставшимся здесь в одиночестве что-нибудь случилось. И я умоляю вас – не спускайтесь больше к «Эвенджерам». В них нет кондиционеров.

– «К торпедам больше не спускайтесь» – хотел он сказать, – буркнул Донован Гоше, наблюдая, как фигура Макарова скрывается за ближайшим к авианосцу холмом...

Глава восьмая

Левша отстегнул от автомата ремень и оба карабина замкнул на петле у рукоятки. После этого перекинул оружие через плечо. Теперь снять с него автомат можно было, либо отрубив голову, либо правую руку. Он окинул взглядом людей. Восемь несчастных, окончательно утративших волю к сопротивлению существ. Накинься сейчас на них стая волков, они даже не поднимут рук для сопротивления. Будут плакать, когда от них будут отрывать куски, но ни один из них не ударит зверя в морду.

Артур тоже подсел. И только Катю стычка с Ними и взрыв словно зарядили на жизнь. Покрикивая, чтобы караван не растягивался, она отставала, но после догоняла голову колонны. Ее тянуло к Левше, и она не могла объяснить себе, почему. Он не был в ее вкусе. Мужчины с

длинными волосами и ехидцей в голосе, даже когда это не диктовала ситуация, ее раздражали. «Наверное, – успокаивала она себя, – рядом с ним безопасно, вот и все». И возвращалась к Левше. Они шли по открытой, освещаемой солнцем равнине, заходили в лес, спускались по камням, поднимались по ним, подавая друг другу руки, и человек этот, Левша, менял в ней внутренний настрой с каждым шагом. С каждой проведенной рядом с ним минутой. А мужчина ее вкуса, Артур, удалялся от ее настроения так же быстро, как приближался Левша.

– Сколько нам еще идти? – спросила она, взяв его за руку.

– Пару часов, наверное, – ответил Левша, добавив ко времени, в котором был уверен, полчаса. На тот случай, если он все-таки собьется с пути.

– Там есть одна тетушка, ее зовут, кажется, Патрисией. Ей совсем плохо.

Левша, не останавливаясь, повернул к ней влажное лицо:

– Я не могу останавливаться по этой причине. Назови более вескую.

– Она может умереть.

– Мне нужна веская.

И Катя сократила шаг, чтобы ее догнал хвост колонны.

– Мы скоро будем на месте, – объяснила она женщине лет пятидесяти, ступающей неуверенно, изнеможенно.

Благодарно улыбнувшись, она что-то сказала. Катя ее не поняла. Язык был похож на французский.

Каждый раз, ступая в заросли, Левша останавливался и поднимал голову. Не найдя ничего, что одному ему казалось подозрительным, он делал шаг вперед и погружался в джунгли. И тогда следом за ним шли остальные. Ведомый одним лишь наитием, он вел людей к океану. Обратно. Туда, где в относительном покое можно было дожидаться «Кассандру».

– Эй!

Левша сделал еще не менее семи шагов, прежде чем остановиться.

– Ты что-то хотел?

Артур не торопясь приблизился к нему и выплюнул через припухшую губу изжеванную травинку.

– Я хочу знать твое мнение.

– Не может быть.

– Эй, послушай, у нас общая проблема, – раздраженно надавил Артур.

– Приятно видеть понимающего человека. Жаль, тебя не было утром, когда один ублюдок выкрал мой автомат.

– Что ты думаешь об этом взрыве?

– Взрыв как взрыв, чего его хвалить. У кого-то в кармане перегрелся баллончик для заправки зажигалки.

– Будь по-твоему... – И Артур шагнул мимо, направляясь к выходу из очередной лесной гряды.

А Левша стоял и смотрел себе под ноги. Туда, куда ступила сандалия Артура. Он услышал тонкий, едва различимый на фоне общего шума треск. Когда бы звук был похож на тот, что звучал под ногами Левши вот уже четверо суток – сучья и крошево камней, он даже не опустил бы взгляд. Но сейчас он совершенно отчетливо расслышал, как под ногой занятого только своей злобой Артура что-то хрястнуло. Не хрустнуло, а именно – хрястнуло. Повинуясь скорее своему любопытству, чем из соображений здравого смысла, Левша присел, положив на колени «узи».

Примяв ладонями траву, он присмотрелся.

Странно. Левша даже ухмыльнулся, поняв, насколько нелепо выглядит здесь этот предмет. Еще менее обоснованно, чем осколок американского снаряда шестидесятилетней выдержки.

Осторожно, чтобы, не дай бог, не хрястнуло еще раз и навсегда, он выцарапал из земли глиняный черепок. С ладонь размером, он удобно лег в его руку.

Удивительным было не то, что это была обожженная глиняная пластина. Станным было другое – она была идеально прямоугольной формы и имела одинаковую толщину по всей площади.

– Чудеса в решете... – пробормотал Левша, раздвигая ногой траву. Повинуясь инстинкту грибника, он пытался рядом с этой пластиной отыскать еще несколько рядом. Правда, никогда грибником Левша не был.

– Проволока, летающие деревья, теперь гончарное искусство Карибского бассейна...

Он уже собрался зашвырнуть пластину подальше в лес, как вдруг на обратной ее стороне увидел странные символы. Ни на один из известных ему языков это похоже не было. Да и орнамент напоминало мало – узор не повторялся ни разу. При этом Левша признал сразу и безоговорочно, что природа нанести такие символы на пластину не могла. Обжечь глину – да, сделать ее правильной формы – да. Но нанести несколько десятков значков одинакового размера и одинаковой же глубины – исключено.

Сзади послышались шаги, и Левша сунул находку в карман.

– Нам всем нужно отдохнуть...

Катя умоляюще смотрела в его глаза.

– Та женщина... Она не может идти дальше, ей нужно хотя бы полчаса, чтобы перевести дух...

– Конечно, – помедлив, ответил он. Катя видела, что он смотрит ей в глаза, но мысли его где-то далеко, очень далеко... – Ты права. Нужно выпить и часок полежать.

Он показал рукой на опушку леса. Высокие ветвистые деревья – не куцые пальмы, найти под которыми тень было невозможно, а деревья с густыми кронами – стояли в шеренге, как заколдованные великаны.

– Я хотел спросить... Среди вас нет ученого?

– Ученого?

– Ученый – это человек, знающий больше, чем я.

– Я понимаю твой сарказм... Ты здесь один, кто сохранил силы...

– Это потому, что я много часов отдыхал, привязанный к пальме даже без носков.

Катя покраснела и поспешила вернуться к вопросу.

– Вряд ли... Четверо среди нас русские... Двое – англичане, один немец... Женщину я вообще не понимаю, кажется, она говорит по-французски... – Она посмотрела на него и похлопала ресницами. – Знаешь, а ведь мы даже не успели познакомиться...

– Меня зовут Левша, я говорил.

– Я не о тебе. Я – о них...

Не поворачивая головы, Левша поджал губы и оглушительно свистнул. Катя вздрогнула и округлила глаза от изумления.

– Скажи ему, чтобы возвращался.

Щеки ее снова зарозовели.

– Артур! – крикнула она. – Иди сюда!

Он решил не садиться на землю. Он не был уверен, что сохранит после этого силы. Земля вытянет из него мужество. Поэтому Левша лишь прислонился плечом к дереву. Потягивая из бутылки теплую воду и смахивая с лица пот, он сквозь ткань брюк трогал пластину. Когда Катя оставила женщину, которую назвала Патрисией, в покое и та прислонилась спиной к взбугрившимся корням, он оторвался от дерева и направился к ней.

– Здравствуйте, мадам.

Она вскинула удивленный взгляд.

– Вы говорите по-французски? Слава богу... – Приняв бутылку, она свинтила крышку и сделала несколько глотков. – А я уже подумала, мне так и придется умереть, не поговорив с соотечественником... Вы же француз? – она подняла глаза, в которых дрожала тревога.

– Иногда. Вообще-то я русский.

– Правда? – Во взгляде ее показалось разочарование. – Однако у вас прекрасный южный акцент.

– Некоторое время я жил в Арле, потом переехал в Париж. Мадам... я только что во всеуслышание задал вопрос на английском и русском. Вы слышали его?

– Да, конечно. Вам понадобился ученый.

– Вы, случайно, к ним не относитесь? – теряя всякую надежду, поинтересовался Левша.

– В некотором смысле. Но я подумала, что вам нужен кто-то из «Нэшнл джиогрэфик» или астроном на худой конец. Вряд ли моя ученая степень может вам пригодиться.

Левша посмотрел на нее и моргнул.

– А вы чем занимаетесь?

– Я изучаю культуру Океании. Острова Эпи, Эспириту-Санто, Эфате... По вашему взгляду я вижу, что вам не хочется говорить на эту тему.

– Отчего же... Очень даже. Острова – это моя вселенная. И что там... на этом... какой остров вы первым назвали?

– Эпи! – Она рассмеялась.

Патрисия была не склонной к полноте женщиной пятидесяти двух лет, признаки астмы у которой не мог не заметить даже слепой. Видимо, путешествие водой должно было стать частью ее лечения, и, отправляясь в него, Патрисия надеялась, что соленый воздух подлечит ее болезнь. В настоящем же вышло, что она вынуждена была брести сквозь джунгли, дышать пылью и убегать, спасая свою жизнь, от... она не знала, от кого. Все, что происходило последние четверо суток на острове, было связано у нее только со страхом и бессонницей.

– Эпи, мсье! Я изучаю культуру Океании, Фиджи, Папуа-Новой Гвинеи... Вы спросите, отчего такой интерес к культурам народов, разбросанных на огромной территории Индийского и Тихого океанов...

– Нет, не спрошу об этом. Я вас, Патрисия, вот о чем спрошу. Вы умеете держать язык за зубами?

– В некотором смысле, – она попыталась скрыть удивление, у нее не получилось. – А почему вы спросили? Есть что-то, что касается только нас двоих?

– Только меня. Но вы здесь единственная, кто слово «культура» произносит с придыханием. Что вы можете сказать об этом? – Сунув руку в карман и еще раз убедившись в том, что люди заняты чем угодно, но не им, Левша вынул пластину и положил перед Патрисией.

Минуту она вытирала руки, глядя на нее, как показалось вначале Левше, без интереса. Но, присмотревшись, он заметил, как живо двигаются глаза Патрисии, они словно ощупывали каждую неровность на пластине.

– Где вы взяли это?

Он насторожился. Голос женщины, доселе дружеский, теперь отдавал какими-то странными нотками жести. Он не сразу понял, что в женщину вселилась та Патрисия-ученый, что осталась на «Кассандре» за отсутствием надобности в ней на острове.

– Лучше скажите что-нибудь об этом.

Она взяла пластину двумя руками и поднесла к глазам так, чтобы видны были все ее детали.

– Невероятно...

– Что это значит?

Она не слышала его. Удерживая пластину, словно это был шелковый платок, она, затаив дыхание, разглядывала ее со всех сторон.

– А они уверяли меня, что я пытаюсь нажить себе сомнительную репутацию!..

– Мадам...

– Это просто невероятно... Молодой человек, где вы это приобрели? В России или во Франции?

– Вы меня вообще слышите? Я вас попросил рассказать об этом предмете!

Она молчала и качала от изумления головой.

– Мадам Патрисия, я жду еще минуту. После этого беру этот черепок и добиваю его о пальму.

Это она услышала.

– Вы шутите? Даже если знать, что вы не представляете культурной ценности этого предмета, то сто... не знаю... двести тысяч... может быть, полмиллиона даже... мне сейчас трудно навскидку оценить – но деньги-то вы уважаете?!

Левша взял бутылку и глотнул теплой, как молоко для младенца, воды.

– Я пока не собираюсь ее продавать. Пока я хочу знать, что это, и смысл царапин на ней.

Патрисия была так увлечена изучением пластины, что Левше пришлось ее отбирать у женщины почти силой. Только освободившись от черепка, она обрела способность говорить.

– Я слышала, что вас зовут Левша. Странное имя. Впрочем, ладно... Так вот, Левша, как предполагают, люди пришли на Филиппины по сухопутным мостам, связывавшим будущий архипелаг с Тайванем и Борнео, около двухсот тысяч лет до нашей эры. Позднее Филиппины заселили потомки австралопитеков – племена ита и аэта. Они занимались земледелием, а со второго тысячелетия до нашей эры у них получила распространение керамика. Так вот, мой юный друг, то, что вы держите сейчас в руках, приблизительно к тому времени и относится.

– Что? – выдохнул Левша. – Что вы сказали?..

– Есть необходимость повторить?

Левша еще раз приложился к бутылке и, пока вода стекала внутрь, давал Патрисии знак подождать. Словно та могла встать и уйти.

– Мадам Патрисия... Филиппины, о которых вы говорите – это государство в Юго-Восточной Азии? Это там, где Манила? Это в Тихом океане? Между Индонезией и Тайванем?..

– Вы хорошо знаете географию. Вам известно еще одно государство Филиппины?

Левша выпустил из руки автомат и загладил волосы назад. Лучшего, чтобы скрыть свою растерянность, он придумать не смог.

– Вы можете сказать, что означают символы на этой пластине?

– Вы ставите передо мной серьезную задачу, молодой человек...

– Я вас не тороплю.

Усевшись неподалеку в готовности в любой момент вскочить и скрыть черепок от посторонних глаз, он хотел прикрыть глаза, но вспомнил, чем это закончилось в последний раз. Чтобы не заснуть, время от времени он оттягивал затвор «узи» и прищемлял себе кожу на ладони. Ощущения были не из приятных, но зато уйти в забытье при этом было невозможно.

– Мадам, – чувствуя, что привал затянулся, позвал он. – Вы меня порадуете?

– Не знаю, память человеческая не всесильна, а документов под рукой нет... Письмо ита такого периода примитивно, и часто один и тот же символ обозначал несколько понятий... Как бы то ни было, процентов на семьдесят я ручаюсь за то, что на пластине начертаны слова: «На острове этом бойся».

Левша поднялся.

– Бойся чего?

– Откуда мне знать, чего нужно бояться на каком-то острове Филиппин? Их там семь тысяч сто. Дракона, возможно.

– Значит, вы утверждаете, что пластине этой...

– Около четырех тысяч лет. И что это письмо ита – тоже утверждаю.

За то время, пока все отдохали, Артур, которому было просто необходимо восстанавливать утраченное доверие, вернулся с двумя мужчинами из леса. Они несли несколько связок бананов. Это было излишнее старание, бананы люди сбивали по дороге. Но сам факт того, что принесли людям пищу, немного оживил атмосферу.

– Нам пора идти, – заметил Левша.

Полчаса они углублялись в девственный лес. «Нет сомнений, что кто-то уже болеет, – думал Левша. – Кого-то цапнуло насекомое, кто-то поранил кожу... Черт с ним со всем! Добраться бы до лагеря... Там Донован... Думаю, они с Макаровым уже вернулись...»

Пластина. Она не давала ему покоя. То, что знал он, не знала Патрисия. Лучше ей пока вообще не говорить. Иначе тетка сойдет с ума от непоняток и переполошит остальных.

«Боже правый, – мысленно произнес Левша и заметил, что в последнее время упоминание черта и бога у него стало чередоваться. Раньше он бога вообще не упоминал за ненадобностью. – Филиппины... А если она ошиблась?..»

Через пять минут новая мысль вспыхнула, как пламя из ствола пушки:

«На острове этом бойся!»

Он встал как вкопанный, и в спину ему, ойкнув, тут же уткнулась Катя.

– На острове этом... – Он повернулся, глядя куда-то через плечо девушки. – Ну конечно... Какие могли быть знаки препинания четыре тысячи лет назад...

– Левша?

Обойдя ее, он побежал в хвост колонны. Разыскав Патрисию, вцепился ей в руку.

– Мадам, ответьте... Вот эта фраза, что вы прочитали на пластине... Это завершённое по смыслу письма того племени предложение или могло быть продолжение?

– Ита не знали точек и запятых, юноша, – наклонившись, Патрисия привычным для всех астматиков движением наклонилась и уперлась руками в колени. – Пластина сломана... Если бы на материке спросили у человека, вам ее передавшего, где вторая часть ее, тогда, быть может, я смогла бы вам сказать, чего боялись ита четыре тысячи лет назад.

Минуты пронеслись перед глазами Левши в обратную сторону. Ход времени был нарушен. Вот он стоит, и мимо него проходит Артур. Под ногой его раздаётся треск...

Треск!

Развернувшись, он свистнул. Люди, как зомби, остановились.

Снимая автомат с плеча, Левша двинулся в голову колонны. Не доходя до Артура несколько шагов, он швырнул ему в руки автомат.

Все молча ждали продолжения этого странного эпизода в цепи не менее странных, нескончаемых эпизодов.

– Видишь холм? – спросил Левша, указывая рукой на кочкой поднявшиеся в миле от них пальмы. – Переведешь людей через него, и через полтора часа вы будете на берегу. Там живут культурные, воспитанные люди. Раздевать и привязывать вас они не станут. Я вернусь позже.

Развернувшись, он молча пошел назад.

– Эй!

Левша остановился.

– Возьми.

И в сторону Левши полетел нож. Прокрутившись в воздухе, он беззвучно вошел в землю по рукоятку в нескольких сантиметрах от сандалий Левши.

– Все это время он был при тебе?

– Ты хотел спросить, почему я им до сих пор не воспользовался?

– Пусть так.

– Потому что я поверил тебе, приятель. Ты не из Их компании.

Наклонившись, Левша поднял нож и, перекинув в ладони, пошел прочь.

– Левша!

Ему пришлось снова остановиться.

– Я с тобой... – Запыхавшись, Катя посмотрела на него и оглянулась.

Артур отвернулся и направился в сторону холма. Следом за ним, словно заговоренные, двинулись люди.

– Мсье, не потеряйте ее, – бросила напоследок Патрисия. – Меня вы лишите чести культуроведа, а себя достатка.

– Я вам обещаю.

– Что она сказала? – спросила Катя, когда они и группа потеряли друг друга из виду.

– Пожелала нам удачи.

– Что-то долго она это делала.

– Французы многословны, малышка.

Солнце встало над островом и замерло. Через минуту оно потеряет равновесие, и день начнет обратный отсчет.

* * *

Левша не верил своим глазам. С каждой минутой сгущались сумерки, и происходило это так естественно, словно именно сейчас, среди бела дня, солнце и должно исчезнуть с горизонта. Он пытался разглядеть океан, чтобы понять, куда делся еще недавно стоявший над его и Катиной головой ослепительный диск, но лес загораживал вид на воду, как стеной. Ясно было одно – темнеет. Примолкли попугаи, мартышки перестали бесноваться. И где-то уже подала голос лягушка.

Катя была поражена не меньше Левши, но она не связывала, как он, исчезновение с неба солнца с обстоятельствами, которые это исчезновение должно было неминуемо повлечь...

– Бежим, поторапливайся, малышка!..

По лицу Левши она поняла: происходит что-то неладное. Он схватил ее руку и вместо объяснений потянул за собой. Она узнала дорогу – к водопаду.

– Что происходит? – кричала она, стараясь бежать быстро и наступать так, чтобы не подвернуть ноги. – Отчего это мы вдруг побежали?

Он не отвечал, и это Катю тревожило.

И вдруг на бегу, обливаясь потом, она почувствовала, как холодеет. И не горячий, как в сауне, пот льется по спине ее, а вода из только что вынутого из холодильника стакана...

– Ты думаешь, они здесь?..

– Они всегда там, где темно! Черт возьми, такое впечатление, что здесь кто-то включает и выключает свет!..

Лоскут водопада уже показался, Катя видела медленно падающую с его верхней точки воду. Они заходили со стороны озера, с низины.

Услышав за спиной треск, она закричала.

– Дьявол! – вырвалось у Левши. – Они нас засекли!..

Через минуту стремительного бега к воде она обернулась, и сердце ее сжалось от ужаса: за ними торопливо, иноходью бежали пятеро или шестеро тварей.

– Левша!..

– Я знаю...

Катя задыхалась от ужаса. Как-то раз, во время пожара в их офисе на Малой Воздвиженке, не желая выходить в охваченный пламенем коридор, она разбила стекло стулом и шагнула навстречу страху.

Все, что ее тогда отделяло от него, были шестьдесят метров высоты и выступ на стене шириною в тридцать сантиметров. Перед лицом, едва не касаясь его, двигалась стена дыма, позади трещала, корчась в огне, мебель. И спина горела от холода камня. Ощупываемая ветром, Катя ждала мгновения, когда ее отнимет от стены и начнется последний в ее жизни полет. Через полчаса пожар удалось смять, она выстояла, но для того чтобы снять ее от стены, точнее сказать, – отодрать, понадобились двое спасателей и переговорщик. Ей всего-то нужно было сделать шаг в сторону и войти в окно. Но она не могла заставить себя сделать это. Потом в течение двух недель талантливый психоаналитик и педик Дмитрий Альбертович выводил ее из состояния растения. Катя хорошо помнит и тот пожар, и тот страх, что сковывал ее ноги на двадцатом этаже здания. С тех пор у нее фобия на небольшого размера площадки, и даже когда приходится подниматься на лифте, она вцепляется в поручень внутри кабины обеими руками.

И вот наступил час, когда все повторилось. Перед ее лицом вновь стена хотя и не дыма, а водной взвеси, но такого же медлительно отвратительного, и казалось ей – сунь в стену эту руку, и кто-то невидимый затащит ее внутрь и умертвит...

Все повторилось, с небольшой разницей. Теперь рядом с нею мужчина. Левша, когда они добежали до падающего потока воды, схватил ее за руку и завел под струю. Грохот воды, поток перед лицом, а за спиной – холодная стена. Не видно, что происходит снаружи – это плохо, но неудобство это компенсировалось тем, что и их не видно.

Левша понял, что оказался прав, когда они зашли за водопад. Это было единственное место, где можно остаться незамеченными...

Он держал Катю за руку. Ее дрожь мешала ему сосредоточиться. Временами дрожь переходила почти в агонию, и он боялся, что она соскользнет. Позади – стена из камня. Перед ними, в метре – стена испарений. Левша и Катя в одно мгновение покрылись влагой, ступив в нишу меж скользким от воды камнем и похожей на шевелящуюся занавесь водой.

Еще одно обстоятельство тревожило Левшу больше, чем дрожь женщины. На стене между ними, зацепившись конечностями и замерев, сидел скорпион. Был он таких размеров, что, разгляди его Левша сразу, он бы вряд ли решился здесь прятаться. Величиной с ладонь и слившись черным телом с камнем, он уже дважды шевельнул хвостом. Левша видел жало, на кончике которого застыла капля, и казалось ему, что это капля не воды, а готового к применению яда. Левше достаточно было скосить взгляд, чтобы увидеть его на уровне своего лица. Женщине для этого нужно было поднять голову. Быть может, только это пока спасало их обоих. Трудно предположить, что случится, когда Катя увидит это членистоногое. Истерический крик, во всяком случае, прозвучит обязательно. Скорпиона он заметил случайно. Уступая место Кате, он сделал шаг вправо, обернулся, чтобы завести ее за испарения, и в тот момент, когда голова его почти коснулась стены, увидел перед собой это чудовище. От неожиданности он сжал руку женщины так, что та вскрикнула. «Прости», – шепнул он ей, прижимаясь к стене и холодея от ужаса.

Больше всего Левшу беспокоило равнодушие скорпиона. Черт его знает, что у него в голове или том месте, которым он думает. Может, прицеливается, сука...

– Молчи, малыш, – прошептал он Кате в ухо. – Им не найти нас здесь... Это не люди, это твари...

Они стояли меж падающим потоком и каменной стеной, в полумраке ниши.

Левша не видел, что происходит вокруг, он ничего не слышал, кроме грохота водопада, а потому чувствовал себя, словно загнанный в тупик сворой кобелей подросток. Первые десять минут он изнывал от желания сунуть голову в стену мчащегося вниз потока воды, оказаться снаружи и осмотреться. Но всякий раз, когда желание становилось почти непреодолимым, он заставлял себя представлять следующее: он высовывает голову... И видит перед собой десяток харь... смотреть на которые психически здоровому человеку... Нет, он подождет. Он здесь сутки простоит, если понадобится... Они не могут искать их здесь весь день!

Через полчаса стояния, когда мышцы стало сводить судорогой от холода, а лицо Кати покрываться какой-то глянцевою синевой, Левша стал размышлять над тем, что делать, если все произойдет с точностью до наоборот. Вот сейчас, именно сейчас, когда стена водных испарений перед ним девственно непорочна, она вдруг в одно мгновение закружится, и в пространстве меж стеной и паром возникнет голова одного из Них?

Катя потеряет сознание и полетит вниз – это обсуждению даже не подлежало. Она и без того на грани... Он, конечно, полетит вместе с ней, потому что она вот уже несколько минут вцепилась в его руку мертвой хваткой, и расцепить пальцы ее можно только ломом.

И тогда – все...

«Как заставить время лететь и не думать о холоде?..»

В тот момент, когда он посмотрел на Катю и догадался, что та близка к обмороку, случилось нечто, что сначала повергло его в шок. Он предполагал это, но, когда произошло, оказался к этому не готов...

Вокруг стоял такой грохот, что появление из казавшейся плотной шторы тумана головы одного из Них можно было даже не заметить. Но голова эта появилась в десяти сантиметрах от лица Левши, а потому первым желанием последнего было изо всех сил врезать по этой голове лбом. За переломы костей черепа Левша ручался. Но потом Левша обезумел настолько, насколько был велик его страх...

Скорпион не возражал против соседства с двуногими. Он лишь пару раз шевельнул хвостом, предупреждая, что жив и несъедобен. Скорее, наоборот, сам не прочь пожрать или убить кого. Но когда одно из этих огромных уродливых существ схватило его за спину и

прижало к чему-то мягкому и холодному, ярость скорпиона скрутилась в клубок и распрямилась, снося все живое на своем пути...

Тварь распахнула пасть. Левша видел, как с вонзившегося ей в морду хвоста скорпиона стекает прозрачный ручеек. И это была уже не вода... На лице твари брызнул фонтанчик, потом появилась кровь, и тварь распахнула рот...

Наверное, это был крик. Но услышать его было уже невозможно, потому что голова твари с вцепившимся в нее черным скорпионом исчезла за водным занавесом.

Катя уже не владела собой. Прижавшись, она медленно сползала вниз. На выступе она держалась только благодаря тому, что держал он ее уже не только за руку, а обхватив за спину. Через минуту она потеряет сознание, и тогда он просто не сможет вывести ее с выступа. Но если выйти сейчас...

А был ли третий вариант? В любом случае, схватка с Ними предполагала жизнь. Здесь, меж камнем и туманом, предполагалось только скорое падение с высоты. Левша помнил, какими валунами украшено место падения воды. Лента, падая вниз, разбивалась об ею же отшлифованные гигантские камни. Падение на них с высоты предполагало...

«Да что я все – предполагало, не предполагало!..» – обозлился на себя Левша, чувствуя, как в нем закипает адреналин. Попробовав рукой, как быстро он сможет достать из-за пояса нож, он подхватил Катю и повел по площадке к выходу.

Когда они появились, солнце поднималось.

Левша был ошеломлен появлением солнца на юге настолько, что в первые мгновения даже не подумал о тех, от кого бежал.

На берегу озера не было ни одного живого существа.

Вокруг не было ни единого признака присутствия тварей.

На спине, застыв в последнем своем движении, лежал один из Них. Его голова распухла до размера футбольного мяча, и на камнях сияли еще не остывшие мозги... А в метре от этого мяча, греясь на раскаленном солнцем камне, сидел скорпион. Левша смотрел на него и дышал, как загнанная лошадь. Убийца был, видимо, тоже – левшой. Потому что именно левая, а не правая клешня его была больше. Она-то и шевелилась... Одна тварь убила другую...

– Катя...

Открыв глаза, она прижалась к его груди.

– Нам нужно идти, Катюша...

Но об этом, кажется, не могло быть и речи.

Выведя ее на тропинку, он проклял ту минуту, когда, соблазнившись присутствием красивой женщины, согласился взять ее с собой. И сейчас он был наказан за это.

– Не беспокойся... – услышал он. Катя, стуча зубами, говорила тихо, но твердо. – Дай мне пару минут... Скажи, почему они его не сожрали?..

Левша посмотрел на камень рядом с трупом. Скорпиона не было.

– Они не захотели отравиться ядом.

– Ты хочешь сказать, что эти животные способны рассуждать?

– Я думаю, они рассуждают вдумчивей некоторых из нас.

Она поднялась, растерла плечи.

– Не обращай на меня внимания. Иди и не оглядывайся.

– Я пойду быстро, Катя.

– Я сказала – не обращай внимания.

Он пожал плечами...

Перед ним были джунгли. Он сделал шаг вперед и, не останавливаясь ни на мгновение, врезался в них, как в страшный сон... Нож – не мачете, конечно, но он даже не заметил, как прорубился сквозь высокие заросли бамбука и оказался на небольшой, почти крошечной поляне...

– Час туда, час обратно... – прошептали его бескровные губы. – Когда мы вернемся, наши уже примут гостей...

Едва успев утвердиться в этой мысли, он почувствовал слева от себя движение.

– Ч-черт... – вырвалось у него, и он сделал шаг назад, чтобы почувствовать Катю.

Рыкнув, огромная пантера недовольно повернула морду к чужаку и оскалилась...

Левша, словно сомнамбула, смотрел на эти блестящие, с оттенками красного пятна на черной шкуре, на окровавленную до самых прищуренных глаз морду... на сочащуюся кровью пасть, и ноги его из сильных превратились в непослушные...

Почувствовав слабость врага, зверь развернулся, как змея. Левша видел, как мышцы шеи его и лап напряглись, словно на спину пантере возложили тяжелый мешок.

– Старый знакомый... Тебя тут только не хватало...

Кошка перестала дышать, напрягшись...

– Левша... – Катя – тихо, отчаянно...

Придя в себя от предчувствия смерти, Левша вспомнил, что вооружен.

Толкнув женщину за спину, подальше, он перехватил оружие лезвием к себе. Они пошли кругом... Ощетинившаяся, гигантских размеров кошка и человек... Каждый из них хотел жить дальше. Человека вел страх, пантеру – злоба. Она ненавидела людей. С того самого момента, как впервые в жизни познакомилась с одним из них несколько лун назад. С тем, кого видела перед собой сейчас.

А еще пантера не хотела оставлять врагу мясо. Его было много. Зверь был уже почти сыт, но отдавать половину жалкой двулапой гадине казалось ему нелепостью.

Левша ловил взглядом каждое движение кошки, в то же время пытался понять, что находится в центре круга их вращения. Между ними лежала смерть, и он, приглядевшись, чуть дрогнул рукой... Один из Них лежал животом вверх, но живота как такового не было... Отсутствовало лицо, мышцы на шее, ногах и руках. С этого тела было отнято все, что можно было проглотить без труда. Вокруг пахло, как в мясной лавке...

– Проклятая кошка! Ненавижу кошек!.. – взревел Левша и бросился навстречу собственной смерти...

* * *

Едва удерживаясь на ногах от усталости, Левша дотянулся окровавленной рукой до Кати и схватил ее за запястье.

Под ним, суча лапами в агонии, подышал огромный черный зверь. Перерезанное горло его свистело воздухом, из распоротого живота, дрожа, вываливались сизые внутренности...

Левша первые секунды не мог говорить. Его располованная когтями спина и плечи бугрились кровью, сердце колотилось в бешеном ритме.

– Левша...

Катя плакала.

Он поднял руку, давая понять, что с ним все в порядке.

– Мы идем дальше, девочка... Мне нужно место, где мы отдыхали в последний раз. И мы дойдем, что бы ни случилось.

Опершись на ее плечо, он пошел в глубь острова. Дойдя до кромки леса, поднял голову. Над его головой хищно сверкнула тонкая проволока. Он мгновение подумал, но потом стиснул зубы и вошел в джунгли.

Через час, ваясь от усталости, он нашел то место, где мимо него, так и не укротив собственную гордыню, прошел Артур. Став на колени, Левша раздвинул траву руками. Вот след. Вот крошево от черепка.

Улегшись на живот, он, стирая сочащуюся из брови кровь, приблизил лицо к земле и стал искать то, зачем пришел. Через минуту он вынимал из земли, выцарапав его ногтями, обломок глиняного черепка. На нем тоже был значок. Но, в отличие от большой пластины, там был вырезан только один. Он приложил обломок к тому, что показывал Патрисии. Пластина превратилась в целое. Лишь выщербленный шов напоминал о том, что она сломана.

– Что это? – спросила, присев, Катя.

– На берегу узнаем.

Она ничего не поняла. Помогла ему встать, и они отправились в обратный путь.

Один осколок Левша спрятал в левый карман брюк, другой – в правый.левой рукой он держался за Катю. Правой сжимал нож. И убил бы Левша любого, кому вздумалось бы отнять хоть что-то из этого.

Они возвращались...

Глава девятая

Париж...

На бульваре Сен-Жермен, около собора Сен-Жермен-де-Пре находятся парижские кафе, которые в разные годы посещали известные писатели, художники, артисты, словом, все, кого принято называть богемой и элитой. Два наиболее известных – «Флора» и «Две образины». Он мог бы оказаться во «Флоре», и это выглядело бы настолько же неестественно, как если бы он оказался в «Двух образинах». Но до «Флоры» он не дошел.

Есть не хотел, пить – да, выпил бы, хотя от жажды себя этим вряд ли бы спас, поскольку от нее не умирал. Впервые оказавшись в этом кафе с тоскующим барменом и сияющими хрусталем стеклами, он отдал дань моде сидеть в тишине и тянуть коньяк в ожидании чуда.

В воздухе чуть парило, уже не по-летнему лениво и вальяжно – по-сентябрьски промозгло и сосредоточенно. Собирался дождь. Подозревая, что окажется без зонта под открытым небом, он и вошел в это кафе. Над головой тренькнул колокольчик, и душа его тут же облилась раздражением. Чтобы смыть его, Левша заставил себя поверить, что жажда, как и ненастье, на подходе. Примостившись у окна, дабы перезвон протираемых барменом стаканов раздражал не так сильно, он попросил апельсинового сока.

Двадцать часов до поезда. С этим нужно было что-то делать.

Ничего необычного в его внешности – внешности второго, если он не ошибся, за день посетителя – бармен не нашел. Лицо гостя не было примечательно. Хотя и в толпе он бы не потерялся. Средней длины, чуть выше плеч, волосы аккуратно уложены назад, дорогой костюм, уверенный, но не радушный взгляд. Все это указывало на него как на человека, с которым не хочется разговаривать.

Сейчас не был час встреч и разговоров. Пока гость рассматривал принесенный напиток, бармен снова принялся скрипеть полотенцем в стаканах.

Если бы мужчина за соседним столиком не встал, Левша не замечал бы его и далее, наверно. Сок оказался ужасным. Это был кислый сок. Он убивал вкусом его внимание. А мужчина встал и направился напрямиком к его столику. И Левше не оставалось ничего другого, кроме как поднять взгляд и равнодушно пожать плечами в ответ на просьбу сесть за столик. Он не любил знакомства, начинающиеся вот так.

– Скорее всего вы здесь проездом, – предположил мужчина. Левша кивнул. И в наказание тут же получил следующий вопрос: – Скажите, вы верите в любовь мужчины к женщине, которую он никогда не видел?

– Вас на самом деле это интересует, или, быть может, вы испытываете трудности с началом спасающего от скуки разговора?

Мужчина, лет которому было около сорока, поерзал на стуле и положил локти на стол. На очень чистый стол. В «Двух образинах» грязных столов не бывает.

– У меня нет трудностей с началом разговора. Последние дни я только и разговариваю, создавая тем самым проблемы.

– У вас это неплохо получается, – подтвердил Левша. – Сок апельсиновый, кстати, будете?

Мужчина решительно замотал головой.

– Я не пью апельсинового сока! У меня от него аллергия!

– Тогда, быть может...

– Ни-че-го! Впрочем, спасибо. Просто скажите, вы верите в...

– Да-да, я помню, – немного раздраженно поторопился Левша с ответом и прокашлялся. – Которой ни разу не видел. Нет, не верю.

Мужчина покачал головой и, прикусив губу, посмотрел в засиженное мухами, но совершенно прозрачное для бармена окно.

– А я верю.

Ничего не ответив на это, Левша откатнулся назад, поставил недопитый стакан на соседний столик и выбросил на свой пачку сигарет.

– Вы скорее всего и не курите.

Мужчина трижды мотнул головой.

– Все началось полгода назад, – сказал вдруг он. – Совершенно случайно я бродил в Сети и наткнулся на диалог в чьем-то живом журнале. Мне показался интересным ход мысли одной женщины, и я присоединился к диалогу... Через неделю мы общались с ней близко, а через две я стал понимать, что... – он помолчал, пронзая стекло взглядом, и вернулся к разговору. – Мне стало не хватать ее. Мы знаем друг о друге все – привычки, цвета чувств, мы слились с ней в одном настроении, понимаете?... Мы договорились встретиться с ней в этом кафе. В два часа дня. В половине второго прибывает на вокзал ее поезд, – он посмотрел на часы и с беспомощной улыбкой добавил, – через пять минут.

– Она красива? – спросил Левша.

– Она прекрасна!

– Вы обменялись фото, понимаю.

– Наполовину.

Левша вскинул бровь.

– Она не хотела разочаровываться до встречи, – и мужчина стушевался.

Левша саркастически улыбнулся и посмотрел на бульвар через стекло.

– Понимаете, она мне свои выслала... Я ей не высылал свои... Я боялся... словом, я и сейчас боюсь.

– Она умна? – логично вырвалось у Левши.

– О да...

– Женщина выслала вам свои фотографии, а вы ей не ответили тем же. Это выдает в вас, простите, не самого рассудительного из мужчин. Не говоря уже о порядочности.

Он занервничал.

– Вот... Вот то же самое я говорю себе каждый раз, когда дело доходит до решительного шага. Я боюсь, что она отвергнет меня. Когда я покажусь ей не Бандерасом... И не Эйнштейном.

– Вы не пьете апельсинового сока, вы не курите. Вы боитесь показать свои снимки, зная между тем за верное, что рано или поздно она вас все равно увидит. Не Бандерас. И с таким багажом обольстителя являетесь на первое свидание с женщиной, прекрасной, как Афродита, и умной, как Клио. На что вы рассчитываете?

Минутная пауза пошла всем на пользу. В окно застучал мелкий, но резвый дождь. Он врезался в стекло неожиданно, как хамский ответ, до смерти перепугав играющих в салочки у стены дома напротив воробьев и застав врасплох пса, который только что поднял у водосточной трубы лапу. С видом законченного неудачника пес ожесточенно и хрипло, как туберкулезник, гавкнул на переполошившихся птиц. Гавкнул еще – и отправился искать на этой планете более подходящее для серьезных мужских дел место.

– Где она живет? – спросил Левша неожиданно для собеседника и развернулся к бармену. – Дружище, у вас есть апельсиновый сок, выжатый не из вчерашнего клиента?... Так где она, вы сказали, живет?

– Я вам не говорил, – растерянно пробормотал мужчина. – На другом конце света.

– В Перу?

– Ну почему обязательно в Перу? – застигнутый врасплох, он даже огорчился. – В Шестнадцатом квартале...

Левша замер на стуле.

– В Шестнадцатом квартале? – И он взглядом фейс-контролера окинул внешний вид собеседника. – И вы считаете, у вас есть шанс?

Левша услышал шаги приближающегося бармена и повернулся к нему:

– А вот и вы, здравствуйте. Спасибо, что подогрели сок.

– Я его не подогревал.

– Тогда почему у него температура, как у тифозного больного?

– Я могу охладить.

– Лучше вскипятите нам граммов по сто абсента. Я хочу напиться и понять, на что рассчитывает этот рантье, ожидая девушку из богатой семьи.

– Я честно охлаждаю, – пообещал бармен.

– Так она заверила вас, что приедет? – Это адресовалось уже мужчине. Левша не заметил, как разговорился.

Тот кивнул головой.

– Ненавижу эту сопливую осень. – Вытянув из пачки вторую сигарету, Левша щелкнул зажигалкой. – Этот небесный фарингит, эти гуталиновые ручьи, волокущие на себе до канализации мятые кленовые листья – ненавижу. Мне кажется, что эти фурацилинового цвета листики – черновики душевнобольного, пытающегося найти причины для досрочной выписки. Выворачивает аж... Наш гарсон несет нам напитки...

– А вы, оказывается, непереносимый зануда, – заметил, грея руки чашкой кофе, взволнованный влюбленный.

– Я вдумчивый реалист, – ничуть не обидевшись и откладывая сигарету в пепельницу, поправил Левша. – Но для вас это, разумеется, одно и то же. Так вы жаждете услышать мое мнение. Вид мой вам показался достаточно убедительным для того, чтобы довериться. Что ж, слушайте...

Левша глотнул абсента, отставил в сторону и, подумав, отпил сок из стакана.

– Любовь с первого взгляда – сказка, придуманная опасующимися последствий людьми. Поразила-де меня молния – и все тут. Я не виноват. Пострадал от известного всем лирического явления. И что в стороны теперь противоположные отваливаемся, так это она виновна, та, что с первого взгляда. Сколько вам лет? Около сорока... Мне чуть меньше. Ей сколько? Тоже, получается, недалеко ушла... Достаточный возраст для осмысления собственных поступков. Половина жизни прожита, пора тратить накопленный ум на ее остаток. Что это такое вообще – любовь с первого взгляда? – Левша откачнулся от стола и взялся за стакан. – Это сюжет для Грегори Пека и Одри Хепберн. Точнее сказать, для их героев. Ваша уверенность в любви с первого взгляда в Сети настолько же бредоносна, насколько бредоносно выглядело бы ваше заявление о существовании в Сети любви вечной. Этих явлений просто не существует в природе.

Мужчина держал в руке дымящуюся чашку и с неприязнью рассматривал идеально выбритый подбородок напротив. «Завидует, наверное, – подумал Левша, – потому что у самого него на фоне свежего бритья просматриваются огрехи. Наверное, волновался перед встречей».

Тишина в кафе была такая, что грозила вскоре начать отваливаться кусками. Бармен смотрел в заплаканное окно тем не поддающимся описанию взглядом, каким смотрят на чужие похороны.

– Такая любовь существует, – выдавил наконец оппонент Левши. Кофе допивать он не стал. Посмотрел на часы и поставил чашку на стол. Через минуту должно было состояться главное в его жизни событие, и находиться в одной компании с пахнущим ненавистными цитрусами циником он считал невозможным. Тем более не считал возможным с ним спорить.

– Вы еще убедите меня в том, что она приедет сюда, – буркнул Левша. – Девушка из Шестнадцатого квартала... Ей и в голову не придет сесть в такси. Она если приедет, то на «Роллс-Ройсе». Не морочьте мне голову... Проживающие в Шестнадцатом квартале женщины рассудительны и практичны. Как их мужья-буржуа. – Левша снисходительно улыбнулся. – Ей просто нравилось заниматься с вами в Интернете любовью, вот и все. Без опаски оказаться под колпаком мужа. Просто ей приятно проводить таким образом время. Небольшой, но риск...

Сказав это, Левша вытянул под столом ноги и, подняв из пепельницы сигарету, с удовольствием затянулся.

Он приканчивал сок в стакане и обволакивался сизым дымом, когда в «Две образины» вошла женщина.

Выглядевшая несравненно моложе названных лет, она была великолепна в своем озябшем волнении. Но показалось Левше, что не менее прекрасна она была бы и в июльскую жару.

Она вошла, остановилась в дверях и посмотрела на столик у окна. Женщина была немислимо прекрасна. Она была похожа на обращенную к Акрополю влюбленную Афродиту. Когда она ступила на пол кафе, смазливые потеки на окне превратились в акварель, а помещение осветилось нежным сиянием ее платиновых волос. И, когда закусочная наполнилась свежестью ее духов, шум от дождя на улице перестал быть слышен, а бармен за стойкой поправил воротник рубашки, она прошла к столику и села на третий свободный стул.

– Здравствуй... – прошептала она, убирая с влажного от дождя и розового от нежности лица прядь волос.

Левша сидел в молчаливом изумлении. До боли в глазах его боязливый знакомый упирал взгляд в лицо той, кому признавался в любви долгих шесть месяцев. Он смотрел на взгляд женщины почти плача и понимал, что еще минута – и он перестанет быть знакомым. Он вычеркнет Левшу из памяти – как врага, а сегодняшний разговор – как дурной сон.

Она сначала заплакала от прихлынувших чувств, а потом от них же и рассмеялась. Присутствие постороннего человека помешать ее признанию не могло. Безгранична, как небо, была ее любовь, прекрасно, как она сама, было ее чувство.

– Дорогой... Боже мой... Таким я тебя себе и представляла... – задрожав губами, она робко положила ладонь на руку любимого. – Правда, ты говорил, что не пьешь апельсинового сока... и не куришь... – и она снова засмеялась влюбленными глазами. – Дуришь доверчивую женщину, ой дуришь!.. Но мне все равно. Я люблю тебя.

Пошатнувшись и скрипнув стулом, мужчина встал, расплатился за свой кофе и вышел.

А Левша продолжал сидеть, держать в своей руке ладонь девушки и смотреть на нее. Тепло от ее ладошки вошло в его руку, постояло немного и двинулось в путь... И сначала плечо Левши, потом лицо, а вскоре и весь он оказались заполненным теплым туманом.

То, что сейчас происходило, казалось Левше невероятным.

– Ты же знал, что я приеду? – прошептала она.

– Конечно.

Они пили с ней коньяк, самый лучший из тех коньяков, что были в погребеке ставшего счастливым за одну минуту бармена. Ели посыпанные сахаром лимоны, закусывали креветками и шашлыками. А уже почти ночью, нагулявшись по слякоти и надышавшись счастьем и запахом друг друга, до изнеможения любили в номере «Бристоля»...

К черту вокзал Сен-Лазар.

Осень.

И для Левши, как и для Мари, рассвет наступил неожиданно...

Семь дней и шесть ночей они встречались в одном и том же месте – кафе «Две образины» на бульваре Сен-Жермен. И – четыре часа счастья, вырванные из жизни...

Левша слышал, как стукнула о паркет номера поставленная им с вечера на ручку двери бутылка. Он все понял, но успел лишь натянуть брюки. Застегнув их на застежку, он бросился от сломанной кровати к стулу, где в пиджачном кармане лежал его «глок». Но он опоздал. В номер вошли четверо.

Левшу трое били около четверти часа. Четвертый сидел и лениво листал журнал в кресле под горящим торшером.

– Прикажи своим трусам остановиться!.. – задыхаясь, кричала женщина. Путаясь в простыне, которой закрывала свое еще не остывшее от долгожданной любви тело, падая и вставая, она рыдала и кричала: – Останови их, Шарль, сейчас! Ты – урод!..

* * *

Окровавленного, она стаскивала его вниз по склону. И вот уже видна была полоса света над джунглями, вот уже примешался к пряному аромату трав резковатый привкус океана, и Катя поняла, что Левшу донесет. С каким-то полупьяным исступлением он сжимал в руках нож и всякий раз, приходя в чувство, ощупывал карманы. Потом сознание его оставляло, и тогда

Катя опускалась вместе с ним, не понимая, каких чувств в ней больше: разочарования, что идут они медленно, или облегчения от возможности отдохнуть.

Запах костра вдруг коснулся ее ноздрей, и она насторожилась. После всего, что Левша для нее сделал – уберечь от тварей на их стоянке, потом эта схватка с ними же на озере, когда ему куда легче было столкнуть ее вниз и тем спастись, – Катя верила этому человеку почти безоговорочно. Почти, потому что она не знала тех, от кого он пришел. Не выполняет ли он чье-то задание, с целью заманить пассажиров «Кассандры» в ловушку? Всех до единого?..

– Мы здесь все скоро сойдем с ума... – прошептала она, ложась на спину.

– Ага, и вы того же мнения?..

От неожиданности она закружилась юлой. Катя не знала, что делать. Ее беспокоил даже не вид того, кто произнес эти слова, а чем защититься.

Вспомнив наконец о ноже, она вырвала его из руки Левши и, выставив перед собой, как палку, развернулась.

Перед ней, морщась от усталости и ран на теле, сидел на траве мужчина лет сорока. Его покрытые легкой сединой волосы были коротки и хранили следы запекшейся крови. Он сидел и, не обращая внимания на нож, вытряхивал из сандалии то ли камешек, то ли ветку.

– Тот, что лежит рядом с вами, прекрасная амазонка, – Левша, – сказал он русским. – Имя мое – Макаров. Я пассажир «Кассандры». Кто вы?

– Почему вы решили, что я русская? Здесь полно иностранцев!

Макаров посмотрел на дрожащий в ее руке нож.

– Когда женщина рождает или ругается, она всегда делает это на родном языке. Какого черта этот парень весь в крови и кто вы такая? Надеюсь, это не вы его собрались разделать?

Голос Кати дрожал, когда она рассказывала.

– Вот, значит, как... – поднявшись, Макаров прошел мимо нее так близко, что ей даже пришлось убрать нож, чтобы тот не оставил на нем царапины. Он наклонился, похлопал Левшу по щекам и огорченно крикнул: – Да, Донован здесь не помешал бы... Вы были в лагере?

– Нет, – отвечала она, идя за ним след в след и глядя на качающуюся на спине нового знакомого макушку Левши.

– Значит, вы ничего не знаете о Питере...

– Левша рассказывал о нем что-то... – Она осеклась, сообразив тут же, что слова такие могут не успокоить, а взволновать.

Макаров медленно развернулся и посмотрел на Катю так, что ей захотелось отвести взгляд.

– Что?

– Что есть такой мальчик, Питер, что он сын хорошего человека. Скажите, Макаров, что вы его отец, и я почувствую себя гораздо лучше.

– Да, он мой сын...

И они двинулись дальше.

* * *

Дженни бежала навстречу им, падая и поднимая фонтаны песка. Она плакала, и с губ ее срывались два имени: «Макаров... Левша...»

В лагере заметно прибыло. Питер бросился к отцу, и вряд ли бы нашлась сила, которая смогла бы его сейчас остановить. Ворвавшись в объятия отца, он уткнулся лицом в его грудь, а Макаров, прижимая Питера и шепча ему на ухо, что плакать нехорошо, что вокруг столько женщин, которые могут увидеть это, чувствовал, как подкатывает к горлу комок.

– Пойдем искупаемся. – Он схватил Питера за руку и потянул к воде. – Пойдем, расскажем друг другу, как плохо нам было друг без друга...

Дженни стояла и смотрела на них, барахтающихся в воде. Приближение незнакомой женщины она скорее почувствовала, чем увидела.

– Меня зовут Катей, – сказала по-английски незнакомка. – Я – Катя, и я – русская. Вижу, у вас симпатии к русским.

– Только если они мужского пола, – внимательно рассмотрев гостью, ответила Дженни. – И только если они не ублюдки.

– В этих двоих подобного, так распространенного среди мужского пола качества вы, кажется, не обнаружили. Что ж, я буду доверять вашему чутью... – Катя посмотрела на ноги Дженни, грудь, губы и едва заметно улыбнулась. – У вас оно, я вижу, развито в совершенстве.

Глава десятая

Лагерь умылся вечерней прохладой, день, отступив, распустил по всему берегу еще не осевшие в воду ароматы лесных трав. В Макарове все еще тлела надежда, что «Кассандра» придет именно сегодня. Через час, два, еще до того, как остров снова накроет ночь. Именно сегодня должно это было случиться, потому что тянуть дальше, играя с людьми, невозможно. Что это было? Приступ мизантропии? Шутка туристической компании? Бред какой-то. А если «Кассандра»...

От догадки, такой неожиданной и ужасной, он приподнялся с песка и направился к воде. Питер тотчас последовал за ним.

– Это Бермудский треугольник, здесь уходили в неизвестность суда и с большим, чем у лайнера, водоизмещением...

– Питер, – услышал он голос Левши. Тот тоже решил составить им компанию. – Скажи, дружок, тебе ничего не виделось эти дни?

– Я уже спрашивал, – процедил Макаров.

– Ответ понятен, – и Левша плюнул.

– Никогда не плюй в воду. Что сказала Патрисия?

Левша вынул из кармана два черепка и сложил вместе.

– «На острове бойся врага, он рядом».

– Цены нет этой находке, – съерничал Макаров.

Левша размахнулся, чтобы первый из черепков запустить блинами по безупречной глади океана, но Питер вдруг схватил его за руку.

– Дай их мне!

– Подарок? Ну, что ж, малыш, принимай! – И Левша опустил обе части пластины в ладони мальчика.

Некоторое время, после того как Питер их покинул, они бродили вдоль кромки неподвижной, словно застывшей, воды. Казалось – прикоснись ступней, и обожжет холод. Но вместо этого нога ощущала нежное, словно тело сонной женщины, теплое прикосновение.

– Я вспоминаю твой вопрос о грехе, который мог бы совершить... там. До «Кассандры». Скажи, Макаров, – Левша обернулся, чтобы убедиться – их никто не сопровождает, – зачем ты спрашивал меня? Только начистоту, приятель.

Они остановились в ста метрах от стоянки. Двое крепких, израненных мужчин, они смотрели друг на друга, не отрывая глаз.

– Что ты делал в Булонском лесу? – спросил Макаров.

Левша дрогнул щекой.

– Я не слышу ответа начистоту, приятель.

– Откуда тебе известно про Булонский лес?

– Тогда я тебе расскажу. Ты разговаривал с человеком по имени Шарль. Он сидел перед тобой, привалившись спиной к камню, а ты целился в него из пистолета. Вы о чем-то мило беседовали, а после ты его застрелил. Так убивают врага. Несколько выстрелов, чтобы наверняка – да, так убивают врага...

Левша стал смотреть куда-то поверх головы Макарова и молчал. Говорить было нечего.

– Ты там был? – тихо и как можно спокойнее спросил он наконец.

– Прежде расскажи, что было на тебе надето в тот день и что было надето на человеке, которого ты убил.

Левша криво усмехнулся, наклонился и поднял камень. Он сегодня испытывал непреодолимое желание бросить что-то в воду. Макаров видел спину его, расчерченную когтями зверя, но не видел страданий на лице раненого. Наклониться просто так, легко и

непринужденно, с такими ранениями... Не чувствовать режущую боль для Левши оказалось легче, чем солгать.

– Он был в белом льняном костюме, я – в черном костюме. Я люблю костюмы от Бриони, Макаров.

– Врешь, на нем не было пиджака.

Левша поднес руку к уху и потрогал мочку.

– Верно, он оставил его в машине... Откуда ты, черт тебя возьми!..

– Тише, не бреди людей. – Макаров смотрел ему в переносицу. – А прикуривал ты от тонкой золотой зажигалки, на которую Сваровский камнем не пожалел...

– Ты из Интерпола?

Макаров видел, как на лбу Левши появились капли пота.

– А на мизинце твоём красовался перстень с бриллиантом. И пахнул ты в тот день «Гипнозом» от «Ланком», Филипп...

– Что происходит, Макаров? Вся эта кутерьма устроена людьми Дебуа, чтобы расколоть меня и арестовать? Так вот к чему эти расспросы о якобы совершенных ранее грехах?! – Челюсти Левши сжались, он сделал шаг назад и сунул руку за спину, за пояс.

Вместо ответа Макаров поднял голыш и запустил им в воду... Пять... девять... двенадцать...

– Я не из Интерпола, – и он отряхнул руки. – Я встретил вас вчерашним утром за несколько часов до того часа, как увидеть авианосец.

По крайней мере минута прошла, прежде чем Левша спросил:

– Что значит – встретил нас?

Макаров решил не обращать внимания на пятна, покрывшие лицо приятеля.

– На авианосце, где сейчас хозяйничают Гоша с доктором, стоят пять самолетов-торпедоносцев класса «Эвенджер». Это те самые пять самолетов, что исчезли с планеты в сорок пятом году. Перед тем как исчезнуть с радаров навсегда, командир доложил, что учебное торпедирование выполнено. То есть «Эвенджеры» возвращались налегке. Но к тем, что на авианосце, подвешены торпеды весом в девятьсот килограммов. Те самые, с маркировкой от пятого декабря сорок пятого года...

– Как на авианосце могли оказаться те самолеты? – опешив, пробормотал Левша.

– Я думал, ты спросишь, как авианосец мог оказаться на острове.

– Да! – подумав, выкрикнул Левша. – Как?.. – Последнее он произносил уже с явными признаками недоумения.

– А я бы вопрос поставил еще более удивительным образом: как на расположенном посреди острова вне торговых путей авианосце постройки образца конца семидесятых годов могли оказаться самолеты образца сорок пятого года?

– Ты меня запутал...

– Но ты убил его здесь, на острове. А я видел проволоку.

– И я видел проволоку...

– Что? – изумился Макаров. – Ты тоже видел тонкую блестящую линию над головой?

– Над кромкой леса, как и ты! Она то появляется, то исчезает. С каким-то свистом странным.

– Его нет.

– Чего – нет? – уже заметно волнуясь, уточнил Левша.

– Нет свиста. Ты его слышишь, потому что двигается проволока. И твой мозг издает этот свист, ибо любое движение сопровождается характерным звуком. Но это не проволока. Это линия, граница чего-то. Твой мозг не может это понять, поэтому, когда граница смещается, ты слышишь шорох ее в кронах деревьев. Те летчики, с «Эвенджеров», Левша, они тоже видели проволоку перед собой – тонкую, светящуюся линию... За минуту до того, как исчезнуть.

– Но мы-то не исчезли!

Макаров смотрел на Левшу долго. Достаточно долго для того, чтобы тот почувствовал страх.

– «Он ударит ее, и кольцо погнется» – это сказал Питер пять дней назад. Он слишком мал, чтобы оперировать понятиями, понять которые не можем даже мы с тобой. – Сжав локоть Левши, Макаров повел его дальше от стоянки. – Мы увидели в тот день, когда Питер сказал о кольце, погнутую сережку в ухе девушки. Тот мерзавец ударил ее в каюте за отказ уделять ему внимания больше, чем ей бы хотелось. И успокоились, решив размышлять над тем, как это может быть связано с нами. На самом же деле мы снова ошиблись. Наш мозг сработал примитивно. Кольцо – это проволока. Проволока... которой нет. Она в наших головах обозначает границу чего-то...

– Господи, как я хочу курить, – простонал Левша, и Макаров едва не ударил его за напоминание об этом.

– Вчера я видел, как ты в Булонском лесу убивал Дебуа. Расскажи мне настоящую причину этого.

– Макаров...

Рука его с локтя переместилась на плечо Левши.

– Если ты думаешь, что мне было легче рассказать, как я убил свою жену, ты ошибаешься, приятель. И ты уже заметил, наверное, что слово «приятель» я произношу уже не с той интонацией, что произносил на «Кассандре».

Левша поднял голову, и Макаров увидел глаза его с потяжелевшими от усталости веками.

– «Кассандра»... – пробормотал Левша.

– Давай хоть на некоторое время забудем о том, что она придет за нами и это сумасшествие закончится. Расскажи, за что ты убил Дебуа.

– Но ты же говорил, что стоял в двух шагах!

– Левша... черт бы тебя побрал... Я не знаю французского.

– Как же я хочу курить...

Посмотрев на Макарова, он вжикнул «молнией» на сумке и вынул оттуда цветастую, с попугаями, рубашку. Оглядев ее, он с тяжелым вздохом бросил ее Макарову.

– Моя любимая. Потом вернешь.

* * *

Лежа на полу, Левша всем телом чувствовал, как влажен и скользок паркет. В номерах «Бристоля» паркет безупречен. Если бы не был безупречен уровень его, он давно бы съехал, как по льду, в угол. В «Бристоле» безупречно все. В том числе и изоляция. Поэтому криков Мари не слышал никто, кроме Левши. Ну, и еще тех четверых, что зашли в номер Левши, как в свой. И все-таки нашлась заусеница в безупречности «Бристоля». Разве можно заходить в чужие номера без стука?..

Левша тяжело дышал, и кровь из его рта вылетала, как из сифона. Решив передохнуть, трое людей Шарля Дебуа скинули пиджаки и разошлись по углам. Начитавшись вдоволь собственной типографской продукции, Дебуа, владелец «Пари Ревю», встал из кресла.

Осторожно ступая, выбирая на полу участки посуше, он подошел и присел перед Левшой.

– Кто ты?

Левша улыбнулся. Очень смешно было услышать этот вопрос в присутствии многих людей в совершенно обнаженном виде. Не хотел бы он оказаться в такой ситуации во второй раз. Впрочем, было уже известно, что второй такой случай не предвидится. В номере люкс «Бристоля» забивают до полусмерти не для того, чтобы потом извиниться и уйти.

– Мне повторить вопрос, или им снова надеть пиджаки?

– Разве не видно... кто я?... – пробормотал разбитыми губами Левша. – Я портье...

– Сделайте из него урда, – попросил мсье Дебуа и вернулся к столику.

– Нет, Шарль!.. – вскричала Мари. Она уже обессилела от криков и теперь просто умирала от ужаса. – Нет... Это Филипп Маршал.

Левша услышал звук падающего на безупречный паркет глянцевого чтива.

– Маршал? – голос Дебуа, удивленный, сдержанный. – Ты, шлюха, возомнила себя очередной вершиной, которую ему нужно покорить?

Левша почувствовал, как кто-то схватил его за волосы на затылке.

Затекшим глазом он посмотрел в лицо мужа Мари. Хорош парняга... Разве что подбородок тяжеловат. Так он больше смахивает на техасца.

– Так это ты лазаешь по стенам без снаряжения?

– Ответить: я?

Двое подошли и усадили Левшу. Он стукнулся затылком о какую-то музыкальную приставку. Заиграли «Шербурские зонтики». Один из гренадеров подошел и выключил.

– Нет-нет, включи, – попросил Дебуа. – Это наше с Мари любимое.

Пять минут Дебуа сидел на стуле напротив голого Левши и занимался всякими ненужными делами: теребил мочку уха, трогал губу, шелкал себя по носу. Наконец прозвучал вопрос. Почти сразу после того, как отыграли последние звуки мелодии Леграна.

– Ты хочешь жить?

Левша, дрожа губами, улыбнулся.

– Так хочется сказать «нет», ведь тогда я нарушу твой так хорошо обдуманый план.

Настала очередь улыбнуться Дебуа.

– Видишь ли в чем дело, человек-паук, я все время добиваюсь своего. Так что я тоже попробую быть остроумным. Ты хочешь, чтобы жила она?

Левша изменился в лице и бросил взгляд на Мари. Та, закрыв глаза и закусив край простыни, тряслась в рыданиях.

– Она плачет, потому что знает: ответ – «нет», и она умрет.

– Я говорю – «да».

– Хорошо, – Дебуа встал со стула. – Тогда поступаем следующим образом. Эта шлюха сейчас отправится со мной. А ты отлежишься и отправишься в Москву. Там разыщешь так называемый «Дом Мезинга». Не трудись запоминать, здесь – вся информация.

И Левша увидел, как на сломанную их с Мари любовью кровать летит ноутбук.

– Заберешься в одну квартиру и в одном сейфе найдешь одну вещь. После этого я отдам тебе эту дворовую потаскуху.

– Это твоя жена, приятель... – с ненавистью проговорил Левша.

– Я тоже так думал. Так вот, в Москве ту штуку, что вынешь из сейфа, передашь людям, которые тебя найдут. Я должен потерять еще минуту, чтобы объяснить последствия сбоя этого плана?

Левша посмотрел на кровать.

– Ты пришел подготовленным. Значит... Ты задолго до этого знал, что я сплю с Мари?

Дебуа рассмеялся.

– Я не размениваюсь на частности, когда разговор идет о главном. – И своим: – Отмойте эту дрянь и уведите в машину. – И Левше: – Жаль, что вы не русский, Филипп Маршал. Это упростило бы задание в два раза.

Когда они были в дверях, Левша хрипло произнес:

– Эй.

Шарль Дебуа вопросительно поднял брови.

– Ты – сука.

– Я знаю.

И они увезли Мари.

Через два дня Левша понял, что в состоянии лететь в Москву.

Ему нужна Мари. Поэтому он сделает все, что ему велено. Чего бы это ни стоило...

* * *

Макаров прервал его, положив руку на плечо. Сначала тот воспринял это как знак приятельского понимания ситуации и собирался уже сказать, что в сочувствии не нуждается, как вдруг заметил – что-то происходит. Напряженное лицо Макарова было обращено не к нему. Отойдя от Левши, тот внимательно смотрел вдоль берега, прочесывая взглядом квадрат за квадратом.

– Левша, где дети?

Ускоряя шаг и обгоняя друг друга, они приближались к лагерю. Такое их стремительное приближение не могло остаться незамеченным.

– Кто-нибудь видел Питера и Берту?

Молчание и неловкие заглядывания за спины друг друга означали только одно: дети покинули берег.

Растревоженная, побледневшая Дженни вскочила на ноги и помчалась к джунглям.

– Стой! – окликнул ее Артур. Через мгновение, поправляя на плече автомат, он знаком велел (именно – велел, что вызвало в Дженни раздражение) ей остановиться. Пружинистой походкой он направлялся туда, куда только что спешила женщина.

Лагерь засуетился.

Левша посмотрел на небо. До заката оставалось часа три.

– Иди вслед за этим, – он кивнул в сторону Артура. – Он бестолков и упрям. Такие хороши на войне и совершенно непригодны для умозаключений. Я врежусь в лес в северо-западном направлении.

Через минуту он, взбивая ногами песок, как взбивает домохозяйка белок венчиком, добежал до зарослей, разметал молодой бамбук руками и мгновенно исчез.

– Что случилось? – спросил Гламур. Происшествие его огорчило. Прервался его разговор с Катей. – Так вот, на заре становления «Парамаунт Пикчерс»...

Но Катя, как и все, встала.

Очень странной была эта картина. Расположившись полукругом, более двух десятков людей стояли и молчали. И все бы ничего, и не казалась бы картина эта странной, будь они обращены к океану. Так люди ждут возвращения тех, чье отсутствие стало общей тревогой.

Но люди стояли лицом к лесу. Возвращения ждали оттуда.

Глава одиннадцатая

Питер и Берта ушли незаметно.

Он лишь шепнул ей: «Когда?» – и она, взяв мальчика за руку, встала. Левша с отцом Питера уже больше часа говорили о чем-то, отходя от стоянки все дальше и дальше, остальные были заняты рассказами друг другу о пережитых за эти пять суток ужасах.

– Мы скоро вернемся, – сказала Берта, потянув Питера за собой. – Мы просто поцелуемся, и все. Должны же мы хоть раз сделать это?

Питер горел, как в болезни. Но жар этот был настолько манящ и приятен, что он забыл и о предостережении никогда не заходить в джунгли, и о собственной робости. Он много раз видел, как целуются взрослые, и не раз хотел испытать то же, но ему и в голову не могло прийти, что случится какая-то ситуация, которая приведет к этому.

– Пойдем, пойдем... – Берта улыбалась и заводила Питера все дальше. И уже просветы между деревьями стали тоньше, и запах зелени стал сильнее привкуса океана.

– Повернись ко мне, глупый...

Он шагнул к ней, но не мог приблизиться настолько, чтобы их губы коснулись. И тогда шагнула она. Он почувствовал упругость ее маленьких, как теннисные мячики, грудей, коснулся животом, и жар залил его мозг.

Двое, он и она, слившись в поцелуе страстном, но еще неумелом и далеком от постижения существа любви, теперь стояли, и ничего вокруг для них не существовало.

А рядом, прислушиваясь к их робкому, детскому касанию друг друга, стоял страх.

Страх убивает все человеческие чувства. Он оставляет человеку только те, которыми наделены и животные. Олень, слушая звук распарываемой собственной плоти, уже не молит ни о чем. Страх убивает в нем желание искать выход. Страх лишь порождает желание бежать. Но когда бежать невозможно?

Ночь беспощадна.

Она разделяет все живое, способное пожирать и пожираемое. Будь проклята эта ночь, роняющая капли горячей, еще живой крови на уже отупевшую от бессмысленных убийств землю...

– Ты ни с кем не будешь больше целоваться, кроме меня?

Как же нелепо звучит этот вопрос здесь.

– Конечно нет, Питер...

И она еще раз коснулась немного распухшими губками его влажных губ.

– Нам нужно возвращаться, – секунду подумав и открыв глаза, сказал вдруг он.

– Нас нет всего пять минут. Значит, у нас есть еще пять минут. На этом острове начинают искать людей, лишь когда их не замечают десять минут. А потом мы выйдем, и твой отец...

– Задаст нам трепку. Но нам нужно уходить прямо сейчас.

...Девочка с онемевшими от поцелуев губами пыталась найти его губы. Ее руки, уже онемевшие от ненужных попыток, в тысячный раз вытаскивали его руки из-под своей майки и, вынув, разжимались, пуская их туда вновь.

– Пять минут прошли... – прошептала она.

Мальчик задыхался от страсти. Он знал, что-то должно произойти. Что-то главное, то, что еще не наступило, что должно ввести его туда, где он еще не был...

Питер хотел этого, он жаждал этого и не понимал, что к этому должно привести. Вдруг он вспомнил и насторожился.

– Сейчас нас будут искать. Пойдем. – Он вцепился ей в руку.

Берта рассмеялась:

– Ну, пошли!.. Только ты иди первый. Если Дженни заметит, она задаст мне.

– За что?

– Неважно. Иди, я выйду через минуту после тебя!

– Мы увидимся еще... так?

– Не знаю... – ответила она, понимая, что лжет.

Питер еще не умел сказать «поцелуй меня в последний раз», поэтому просто кивнул и быстрым шагом стал спускаться с пригорка. Через минуту он уже видел океан и повисшее над ним, как рыжая звезда во лбу серого коня, солнце.

За деревом, в десятке метров от того места, где стояла Берта, сидел кто-то. Он бесшумно сучил ногами по земле и терзал руками свое тело. Грязь со ступней его растиралась по всем ногам, но он не замечал этого. Он не замечал ничего. Даже себя. Он десять минут слушал звуки, раздававшиеся в нескольких шагах от дерева, к которому он прижался спиной, и истязал сам себя. По подбородку его текла жидкая слюна, но он не замечал и этого...

Под деревом сидел он, давясь собственной яростью и страстью. Он думал лишь о той минуте, секунде, когда сможет вонзиться в ее здоровое, еще не остывшее от чужих прикосновений тело...

Он будет рвать ее зубами, ногтями!..

Он будет слушать ее стон ужаса, и вот когда она в последний раз глянет в его глаза своими зрачками, он положит ей на горло руки и будет давить...

Давить, давить... Давить до тех пор, пока в ее голубых глазах не появится пелена.

И тогда...

Тогда произойдет это...

То, ради секунды чего он готов вечность сидеть под этим деревом и ждать, когда маленькое существо уйдет, оставив ее одну. Если бы он не ушел, его пришлось бы убить.

Берта стояла, прижав руки к лицу и улыбаясь. Ей нравился этот мальчишка. Питер, который знал все.

Уже не в силах держать свою бурлящую жажду, он вышел из-за дерева.

Он шагнул к девочке, криво улыбаясь уголками мокрого рта.

Резко развернувшись, Берта открыла глаза и окаменела, слившись монолитом с пальметто.

Сломавшийся ноготь вонзился в мякоть на пальце, но она не чувствовала боли. По коре пальметто скользнула капля крови, и он увидел это. Шипя языком в собственной слюне, он сделал к ней еще шаг.

– Дженни! – не крикнула, а сказала Берта.

– Питер!.. – ее крик утонул в глубине легких.

– Питер... – прошептала девочка, двигая еще не остывшими от поцелуев губами. Ее шепот растворился в ней самой.

Ночь безжалостна.

Как красива ночь.

Питер вышел из джунглей. Ничего не изменилось с тех пор, как они с Бертой улизнули с берега. Даже Филиппинец и тот лежит, как лежал – скрестив ноги и слушая болтовню Гламура с Катей. «Я сделаю вас звездой номер один на «Пегас-фильм!» – говорил он ей, а она смеялась звонко и весело.

Питера окутала пелена вечернего, пахнущего цветами тумана. Он даже не ощущал знакомого вкуса бриза. Но не удивлялся этому Питер, потому что, когда его целовала Берта, она пропитала его запахом джунглей. Там есть какие-то цветы, которые закрываются на ночь, как ракушки, а утром распускаются, и тогда на кромке джунглей появляется этот пряный аромат...

Теперь все в его жизни будет по-другому, думал Питер.

Так думают все, кто познал любовь первую, но не дошел до глубины истинной и последней.

Откуда-то из глубины джунглей, прокричав, выпорхнула птица. А за ней – белокрылый попугай. Эка невидаль за пять дней...

Но Питер почувствовал, как по его теплой после объятий Берты спине волной пробежала омерзительно холодная волна страха...

Грязное, слюнявое, отвратительно пахнущее существо повалило девочку на землю.

От его дыхания ее стошнило, но он не давал Берте повернуться на бок. Он разорвал на ней майку и, скуля, стал ронять ей на грудь капли слюны...

Она задыхалась, пытаясь повернуться, она выбивалась из сил, но он держал ее, бешеными, почти желтыми гепатитными глазами пожирая ее грудь...

Девочка поняла, что захлебывается от рвоты, но в неполных пятнадцать трудно понять, что захлебываешься, значит – умираешь. Она дергалась, стараясь освободить свои тридцать шесть килограммов веса из-под давящей ее кучи падали, но не продвигалась ни на дюйм.

Питер уже бежал к Дженни, стоявшей ближе всех, когда тварь снова навалилась на почти потерявшую сознание Берту...

Ночь смешлива, как патологоанатом.

Берта помнила, как над головой ее, где-то высоко-высоко, там, где сходятся кроны деревьев, протянулась тонкая, блестящая нить. Застыла перед глазами ее – и захохотал попугай...

Он перевернул ее на живот и рукой, давя, словно разрезая торт, провел ногтем по худой загорелой спине...

Водить пальцем по бархатному телу было настолько приятно, что он закатил глаза и в истоме заурчал. Девичья плоть, подаваясь под ногтем и мгновенно краснея от прилива крови, возбуждала его и призывала к последнему действию.

Губы Берты шевелились, не издавая ни звука. Широко раскрытыми, обезумевшими глазами она смотрела прямо перед собой.

Сделав несколько неловких движений на коленках, он подполз к голове девочки...

Она замерла. Земля была совсем рядом, в нескольких сантиметрах...

И на земле лежала большая, с чьим-то профилем, монета...

Берта положила на нее ладонь и сжала пальцы. Вместе с землей, монетой и клочками травы...

* * *

Разметывая заросли, Левша врубался в лес. Когда на пути появлялись стебли «подростки», он одним взмахом срезал их ножом.

Немыслимо. Чем дальше он углублялся в лес, тем скупер было солнце. С каждым шагом Левша погружался в поздний вечер.

Еще десять метров, и его вдруг окутал мрак.

Остановившись и подавив дыхание, он прислушался. В тридцати шагах от него, справа, слышались хорошо знакомые ему звуки. Так урчал, собираясь на него напасть, зверь.

Левша что-то прокричал и бросился туда, где по-прежнему жил его страх.

Берта пришла в себя, ее тошнило, и она попробовала сжать пальцы в кулак.

Получилось...

Что теперь будет? Она слышала над собой влажное дыхание. Что с ней теперь будет? Она просто боялась умереть. Не имея понятия, что такое смерть, Берта боялась умереть.

И вдруг она услышала шаги. Девочке сначала показалось, что это кто-то прошел по улице, рядом с ее головой, но потом она поняла, что ошиблась. Какая здесь может быть улица? Кто-то быстро шел через лес. Совсем рядом, шагах, быть может, в пятидесяти...

Сжав кулак сильнее, она развернулась и изо всех сил ударила себе за спину, туда, где слышалось отвратительное сопение...

Озлобленный рык был ей ответом, и она почувствовала острую боль в спине. И услышала голос, показавшийся ей сейчас ближе, чем голос Дженни, окажись та рядом...

– Берта!

Левша! Берте захотелось заплакать от счастья... И она тут же почувствовала грязную, дурно пахнущую ладонь на своем рту. Преодолевая отвращение, она вцепилась в мизинец этой руки своими зубками.

Она знала, что Левша за ней придет! Он не побоится ничего!

Сейчас перед ней встала страшная по своей сути проблема. Если закричать, то это может взбесить тварь, и тогда пощады не будет. Но будет ли шанс выжить, если она промолчит?... А еще... А еще, не предупреди она Левшу, тварь бросится на него и убьет человека, который пришел ее спасти.

– Левша!.. – до рези в горле закричала Берта. – Он здесь!..

Тварь вскочила на ноги, и в то же мгновение Берте показалось, как воздух над нею засвистел. Словно кто-то широко и резко махнул тонким, длинным предметом...

А потом она слышала, как с животным рычанием в непроглядной темноте схватились двое. Она слышала удары и вздрагивала при каждом из них, прижимаясь плечом к шершавой коре пальмы. Дерущиеся не произносили ни слова, но девочка легко распознавала *свой* рык и *чужой*. Тела сплетались в борьбе, сыпались удары, враги расходились в стороны и снова сходились. Казалось, этому не будет конца. Девочка не выдержала и заплакала вслух, навзрыд. Истерика, копившаяся в ней все эти минуты и закрытая до поры на замок, вырвалась наружу. Она не могла больше терпеть. Ей хотелось кричать и визжать, разрывая воздух детским фальцетом. И она делала это.

Она кричала так, что Левша временами переставал слышать врага. Впервые со звоном сойдясь, их ножи разлетелись и затерялись в траве. Искать их было глупостью. И теперь в выигрыше был тот, кто первым находил противника по его дыханию или переступанию ног.

Удивительно, но лишь Берта издала первый крик, Левша почувствовал прилив сил. Резь от старых и недавних ран притупилась, выплеснувшийся адреналин словно превратился в бальзам, успокоивший боль. Если бы он видел сейчас горло врага, он вгрызся бы в него зубами. Но Левша не видел ничего. Взревев как тигр, он бросил свое тяжелое тело наудачу, вперед, и чуть не закричал от радости, когда почувствовал в руках чью-то шею.

– Сдохни, тварь!.. – цедил он сквозь стиснутые зубы, сдавливая железной хваткой начавшее агонизировать горло. Тело врага еще безвольно висело, зацепившись одной рукой за ветку дерева, другой за горло Левши, но его кадык дергался вниз-вверх, пытаясь найти положение, при котором можно будет запустить внутрь глоток воздуха.

Отвращение от этих судорожных сокращений окатило Левшу, словно ведро теплых помоев. Сжав из последних сил горло противника, он вместе с ним стал падать на землю. Последнее, что услышал он, было имя его...

– Левша! – кричала Берта. – Левша! Левша!

Истерика сменилась ступором. Девочка твердила одно и то же, глотая слезы и напрягаясь всем телом.

– Левша... Левша...

Берта продолжала повторять это имя, пока к дереву, с которым она, казалось, срослась, не приблизились двое. Одного из них она знала. Второй, вооруженный автоматом, был знаком ей мало. Берта лишь слышала, что зовут его Артуром. Освещая место перед собой зажигалкой и разглядывая округлившимися от ужаса глазами маленькую девочку и два безжизненных, окровавленных тела перед ней, Макаров прохрипел:

– Боже правый!.. Что здесь произошло?..

Скинув с себя уже почти превратившуюся в лохмотья рубашку, он накинул ее на плечи Берты и поднял ее с земли.

– Кто-нибудь объяснит мне, что делает здесь эта девочка? – спросил он, не адресуясь ни к кому конкретно.

И вдруг пошел дождь.

Сначала робко – трогаящий, сомневающийся, просящий разрешения, словно девственник перед навязанным ему приятелями свиданием. Потом, сообразив, что к нему относятся с тем же смирением, что и к клиенту, зачастил навязчиво и пошло. И было что-то скабрезное в этом перестуке в престарелых листьях и учащающемся скрипе ветвей... Под звуки эти уже насквозь промокшая девочка прижималась к груди Макарова и, водя губами по его могучей груди, просила отнести ее к Дженни...

Из шелестом выразивших свое недовольство джунглей вышел Макаров и, семеня, побежал к людям. Морщась от неюта и сбивая сандалиями фейерверки брызг с травы, он спустился на песок и, уже не в силах бежать, пошел устало, но твердо.

Дженни, взявшись за голову и рассматривая эту картину, Дженни, вместо того чтобы бежать навстречу и кричать, водила безумными глазами по Макарову, несущему закутанную в рубашку девочку.

Полустанок... Он вернулся к ней.

Не отрывая от покосившегося навеса взгляд, шагал Макаров, сдувая, как если бы сдувал с одуванчиков пух, стекающую в рот с лица влагу.

Ветер бесновался и в ответ на такое несерьезное сопротивление бросал потоки воды в разные стороны, он словно встряхивал покрывало, полное блестящей пыли, и покрывало это, стремительно меня форму, хлопало в воздухе и вышибало суть из самого себя мириадами стремительных капель. Это был не дождь, это была сумасшедшая пляска познавшего первый секс девственника, такого робкого до и одуревшего от осознания собственной мужественности после.

Навес сорвало и швырнуло, рассыпая пальмовые листья по берегу, в море.

Рухнув на колени, Макаров опустил Берту на землю.

– Я займусь ею, – хладнокровно, словно речь шла о починке навеса, заявил Филиппинец. Отстранив Дженни, он приказал всем убраться прочь и, когда это состоялось, сорвал с девочки рубашку Макарова. Через минуту Берта была нага.

– Что он делает с ней? – спросил Гламур у девушки в желтом платье. Не получив ответа, повернулся к Франческо: – Что он делает?

– Заткнись.

Обойдя несколько человек, итальянец подошел к Дженни и взял ее за руку.

– Кажется, это уже было в твоей жизни?

Она посмотрела на него потерянным взглядом.

Подумав, Франческо кивнул и прошептал:

– Значит, было...

Кто-то заметил, что Макаров, с трудом поднявшись на ноги, направился туда, откуда только что вернулся – в джунгли...

Глава двенадцатая

Нидо, сев перед Бертой, сложил на груди руки и прочел молитву.

– Дженни, подойдите ко мне, – сказал он достаточно громко для того, чтобы та, находясь вместе со всеми за сто шагов от Берты, расслышала.

– Вы будете здесь, Дженни, мне нужно говорить с вами.

Совершенно не представляя, что на это ответить, она села и сложила руки на коленях.

– Дождь сейчас кончится, женщина... Не пройдет и пяти минут, как солнце высушит развешенные на небе облака. Когда эта девочка была в последний раз в церкви?

– Прошлым месяцем, наверное, числа...

– А когда она была в последний раз у врача?

Сбитая равнодушным отношением к своим ответам и тревожась, что этот человек разговаривает и задает наиглупейшие вопросы вместо того, чтобы лечить, если он действительно имеет какие-то способности, Дженни ответила коротко:

– Неделю назад.

– Кто тот врач?

– Наш сосед, фармацевт. У Берты заболел зуб...

– Я спросил, когда она была в последний раз у врача, а не у медицинского работника.

Дженни растерялась.

– Я не помню, черт бы вас побрал!

Нидо вскинул на нее черные глаза и сцепил на груди руки.

– Мне нужно говорить с тобой, но если ты еще раз упомянешь это имя, я прогоню тебя прочь...

– Простите, ради бога...

– Вы бестолковые люди, – сказал Нидо. – К Богу и к врачам нужно идти, а не к тем, кто дает таблетки от боли. Ко мне постоянно приходят и говорят: я не верю в Господа, но ты меня исцели, причем чем быстрее, тем лучше. На что я отвечаю: интересно, если ты не веришь в Бога, то как ты можешь верить в меня?

Говоря это, Нидо совершал руками движения, словно намыливал их.

– Кто вы?

– Я хилер. И мне нужно сейчас кипящее масло, чтобы вымыть руки, вместо этого я мою руки молитвой.

– Мыть руки в кипящем масле?... Я давно хотела спросить, что с вашей ногой – вы хромаете... Неужели хилер не может вылечить себя? Как же вы сейчас собираетесь... Что с ней? Что с Бертой?

– Травмы – это отличительный знак хилера. За то, что я даю здоровье другим, Бог отнимает его у меня. В этом мире все должно быть уравновешено... Нога – ерунда, женщина... У меня рак.

Закрыв глаза над телом Берты, Нидо мыл руки, говорил, и Дженни только сейчас заметила, что дождь, еще недавно колотивший по худенькому, истерзанному телу Берты, прекратился. Вода смыла с девочки грязь и кровь, и розовые соски ее маленьких грудей были свежи...

– Если ты не молился каждый день и не думал о Господе, ты не сможешь войти в астрал... Я научился молиться в три года... У девочки шок. В ней живет страх... И он будет сопровождать ее вечно, если я не выну его из нее...

Потемнев лицом, Дженни свалилась боком на песок.

– Нужно, нужно знать Библию наизусть... – бубнил Нидо. – И я знаю ее... И каждый день прочитываю ее, успеваю сделать это от рассвета до заката...

Внезапно прекратив колебания и замерев, он прошептал:

– Что у нее в руке?..

Дженни склонилась над девочкой и разжала ее судорожно сжатый, грязный кулак...

– Это... монета, Нидо...

– У нее ничего не должно быть в руках, кроме распятия...

Сдернув с шеи цепочку с крестиком, Дженни вложила ее Берте в руку.

Дженни видела, как Нидо прикасается к Берте. Девочку подбросило, словно к ней прикоснулись шокером. С отчаянием женщина перевела взгляд на лицо Филиппинца и окаменела. На том месте, где только что были живые, искрящиеся глаза, светились изжелта-белые, словно помазанные маслом, белки. Одним движением Нидо напряг плечи, и пальцы его вошли в тело Берты меж пупком и ребрами.

Дженни качнулась и оперлась рукой, чтобы не потерять сознание. А пальцы проникали все глубже. И Дженни дошла уже до такой беспомощности в своем оцепенении, что удивлялась тому лишь, что вот уже и пальцев не видно – они все в теле Берты, – а нет и капли крови...

Нидо смотрел в лицо девочке белками глаз. Он что-то делал внутри нее, что-то искал, Дженни казалось, это длится вечность...

Подцепив внутри какую-то красную пленку, Нидо вырвал ее наружу вместе со всплеском крови.

Вынув руки из раны, хилер быстро перевернул Берту на живот и провел обеими ладонями по телу ее, от ягодиц до шеи. Он сделал так еще раз и еще...

А потом наклонился в сторону, и из его рта вывалился на песок огромный сгусток крови.

– Это – порча, которую наслала на девочку ведьма... – едва слышно шевелил Филиппинец окровавленными губами. – Мне неизвестно, кто был там, в лесу, но все, что в девочке стало после этой встречи, сделали ведьмы... Она родилась без этой пленки, пленка появилась сейчас... Здоровью человека всегда вредит сатана, ведь когда человек болен, он становится злым и думает только о себе, а разве не это нужно дьяволу? Что скажешь?

Дженни пришла в себя и посмотрела на Нидо.

Глаза его были, как прежде, живы, но уже не было той жизни. Как не было этих тяжелых, серых мешков под глазами...

– А сейчас мне нужно... – Нидо встал и покачнулся. – Мне нужно немного отдохнуть...

Но перед тем как добраться до кустов у поваленного навеса и уснуть, он зашел в океан и долго мылся. Шевелил руками в воде, словно пьяный, набирал в ладони воду и сливал...

* * *

Макаров не думал, что Левша может быть таким тяжелым. Пять дней на острове без здоровой пищи и в постоянном стрессе должны были облегчить его тело килограммов на десять, однако, казалось, произошло наоборот. В какой-то момент он даже испугался, вспомнив, при каких обстоятельствах тяжелеют люди. Но когда Левша издал стон и открыл глаза, Макаров чертыхнулся и принялся стаскивать его с тела неизвестного.

– Он не похож на Тех, – силло выдавил Артур, присаживаясь над бездыханным телом второго. – Посмотри-ка на его обноски. Очень похоже на армейский китель, брюки и армейские же ботинки, а? И эти бирки на шее...

Неизвестный лежал на спине, раскрыв рот и закатив глаза. Пальцы Левши сделали свое дело – на губах его врага застыла кровь.

– Он придушил его. А хотелось бы задать этому парню пару вопросов...

Протянув руку, Артур без отвращения сдернул с шеи трупа медальон и задержался взглядом на его лице.

– Как думаешь, сколько ему лет?

Макаров смахнул со лба пот и поднес зажигалку к лицу покойника.

– Лет двадцать пять... Хотя в таком виде... И тридцать – в цвет... Хотя, черт его знает... помоги мне!

Поднятый двумя парами рук бесчувственный Левша оказался на ногах.

Вскоре они, поочередно перекладывая его друг на друга, вернулись к берегу. Солнце, казалось, издевалось. Оно снова висело меж горизонтом и зенитом, жаря и наполняя джунгли хлорофиллом.

Весь день делился на отрезки. Что-то случалось, потом наступал период ожидания, во время которого происходило самое необъяснимое, а потом была развязка, и остаток дня уходил на то, чтобы понять, что случилось, зачем и что делать дальше. Уже ни для кого не было

секретом, что на самом деле так происходило не сегодня. Так было с той минуты, как они ступили на этот остров.

Пришедший в себя и отдохнувший Левша лежал в тени вновь отстроеного навеса рядом с Филиппинцем, которого нетрудно было принять за покойника, и думал о том, что происходит. Все дни, каждый час, каждую минуту он живет по какому-то расписанию. Проходит определенный период времени, и наступает момент, когда один непременно вынужден стать негодяем, а второму приходится исправлять последствия его действий. Все были вместе, и все подчинялись этому правилу. Была лишь небольшая группа людей, с которыми ничего не случалось и исчезновения которых, случись это прямо сейчас, никто бы не заметил. Они бродили по берегу и джунглям безмолвными тенями, готовыми ко всему. А, может, на все?..

– Так что там, на медальоне? – Приняв из рук Кати уже смятую за пять дней бутылку воды, Левша поднялся на ноги и двинулся туда, где Берта, пожимая плечами и виновато улыбаясь, рассказывала Дженни какую-то историю.

«Наверное, она обещает больше не ходить в лес играть с Питером в гляделки», – подумал Левша. Повернувшись к Макарову, он с досадой хмыкнул:

– Эй, я же задал вопрос!

– Так подойди, получишь ответ.

– Берта! – крикнул Левша. Та улыбнулась ему, он улыбнулся ей. – Все о'кей?

Та кивнула, и Левша поволок ноги к Макарову.

За пять дней обносились почти все. Что касается Левши и Макарова, то уже никто не мог вспомнить, во что они были одеты на «Кассандре». Брюки неопределенного цвета, на Левше рубашка с зияющими прорехами. Они напоминали узников, облаченных в одинаковую робу.

С Макаровым рядом развалился Артур. Не отнимая от губ горлышка бутылки, Левша кинул на песок нож и щелкнул пальцами, призывая совершить обратный обмен. Тот не был против. Расстегнув сумку, которую теперь приходилось носить на животе, Левша опустил в нее «узи».

– Пока тебя не было, понадобилась тряпка, – объяснил Артур. – Одна из женщин рискнула забраться в твою сумку. Там пятьдесят тонн евро, бритвенные принадлежности и какая-то прилада...

– Надеюсь, ни у кого не хватило ума попробовать открыть контейнер?

– Как же мало мы знаем друг о друге... – глядя в воду, процедил Макаров.

– Так я о медальоне, – напомнил Левша.

Артур швырнул ему предмет, который держал в руке.

Поймав его на лету, Левша почувствовал, как ладонь больно стегнула цепочка.

Две совершенно одинаковые металлические пластины, с совершенно одинаковыми надписями на них.

STEPHEN

McNAMAN

222-672-17

141 N 5th St, Louisville, KY

141 N 5th St, Louisville, KY

– Хотелось бы знать, что это такое, – Левша подбросил пластины в руке и швырнул Макарову. Мимо руки Артура.

– Это медальоны офицера армии США, – глядя, как Питер разговаривает с Бертой, ответил Макаров. – Они из сплава Монеля. А это значит, что они были выданы офицеру после одна тысяча девятьсот сорок первого года, но до шестидесятого. Их хозяин – Стив МакНаман, регистрационный номер его – «два-два-два» и так далее. Проживал он по верхнему адресу, а те, кого нужно уведомить о его кончине, проживали по нижнему. Из последних двух записей видно, что некий МакНаман имел семью в Луисвилле, штат Кентукки.

Левша диким взглядом посмотрел на Макарова.

– Вы оба только что говорили, что тот, кого я нечаянно прикончил, был в военной форме.

– В очень, очень... очень-очень-очень старой и поношенной военной форме... – в упор глядя на Левшу, проговорил Артур.

Он смотрел до тех пор, пока всех не вернул в реальность женский крик:

– Макаров!

Тот послушно повернул голову. Дженни махала ему рукой, требуя подойти. Он поднялся и направился к ней.

– Это было в руке Берты...

Он потер монету пальцами.

– Луидор одна тысяча семьсот сорок восьмого года... А это кто? Луи Пятнадцатый – написано... Какой красавчик...

– Берта могла найти это только в лесу. У нее никогда не было этой монеты.

Макаров пригляделся к Дженни. Она была взволнована так, словно речь шла о вселенском потоке.

– Не волнуйся... Потом расспросим. – И он положил руку женщине на плечо.

– Я уже расспросила. Она не помнит.

– Неудивительно, после такого знакомства с природой...

Немного озадаченный, Макаров вернулся к мужчинам. Решив пока ничего им не говорить – обсуждаемая тема и без того была насыщена непонятым, он опустил луидор в карман.

* * *

Застонав, человек в форме летчика ВВС США перевернулся на бок. Последний выдох со стоном перехватил горло, и он, делая натужные попытки вздохнуть, лишь хватал ртом воздух. Поднявшись и сделав несколько шагов боком, он ударился о ствол пальмы, и это спасло его от удушья. Что-то треснуло внутри него, он испугался – не разорвалось ли что еще, кроме сосудов во рту... И вдруг воздух со свистом пошел в его легкие.

Упав на колени, он дышал и теперь боялся потерять сознание от гипервентиляции...

Сколько времени прошло с того момента, как он прикончил тварь и на него в кромешной тьме обрушился кто-то неизвестный, человек не помнил. Память выхватывала из прошлого лишь смутные обрывки схватки и рычание...

Он забрел на ту поляну случайно. И то, что предстало перед его глазами, заставило выхватить из ножен мачете и отсечь твари голову... А потом... Потом он, еще стоя на ногах между агонизирующим телом твари и девочкой, услышал английскую речь. Или ему это показалось? Может, и показалось, но что в него врезалось тело весом не меньше девяноста килограммов – это ему не показалось...

Выпрямившись в полный рост, он дошел до того места, где оставил подышать одного из Них. Просто удивительно, как он оказался здесь. Еще бы минута, и один из Них разорвал бы девочку, наигравшись с нею.

Еще хорошо было бы найти мачете...

Через десять минут поисков оно было найдено.

Девочки не было.

Ее унесли.

Он ничем не смог быть ей полезен. Она окажется у Них... Человек к гневу стиснул зубы и проклял небеса.

Развернувшись, он направился на север и шел около часа. Напившись у водопада и отмывшись, он взглянул в свое отражение. Ничего не меняется... Ничего. Через час он будет дома. Нужно будет успеть возвратиться до темноты.

Последний раз проведя рукой по шее, он вдруг почувствовал, как застучала в висках кровь.

– Медальоны... – прошептал он.

Возвращение было смерти подобно.

Уже взбираясь на огромное дерево, которое вряд ли смогли обхватить, взявшись за руки, двадцать человек, он проговорил в отчаянии, к которому привык:

– Девочка... Вразуми меня, Господи: откуда здесь могла появиться девочка?..

Через полчаса наступила ночь.

Глава тринадцатая

– Эй, Док! Помогите!

Забравшись на мачту надпалубной пристройки, Гоша раскачивал заржавевшим проводом, как маятником Фуко.

– Я брошу вам конец, поймайте его так, чтобы он не улетел за борт!

Отсутствие Макарова на авианосце вынудило обоих заняться делом. Оба понимали, что все, чем бы они ни занялись на судне, будет бесполезной тратой времени, но сидеть просто так и ждать было невыносимо.

Первым делом были осмотрены все помещения надпалубной пристройки.

– Donovan, если из всей радиоаппаратуры, что мы встретили, то есть из всего полуразвалившегося хлама какому-нибудь супермастеру-электромеханику удастся собрать хотя бы шагающую собачку, то, даже глядя на то, как она шагает, я не поверю в это. Последняя деталь, на которую я смотрел, была датирована крайним сроком «одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой год».

Donovan плохо разбирался в электронике, в шагающих собачках он вообще ничего не смыслил, но слова Джорджа воспринимать на веру не хотел. Потому что не далее как вчера собственными глазами видел, как можно запустить торпеду фалом для торможения самолета.

И теперь он с интересом наблюдал, как Гоша забрался на мачту, открутил с нее какой-то трос и пытается его ему всучить.

– Зачем он вам сдался, несчастный?

– Я еще не знаю. Просто ловите.

Donovan пожал плечами и просто поймал.

Некоторое время они смотрели на него, соображая, что делать дальше.

– Может быть, сделаем из него качели? Я могу раскачать вас, и вы будете вторым после Колумба, кто будет так рад увидеть Кубу.

– Кубу я уже видел. Теперь я хотел бы увидеть Россию. А вообще, ваш медицинский юмор вгоняет меня в депрессию. Хотя...

Обойдя свернутый бухтой трос вокруг, Гоша заметил:

– А вам не кажется, что, когда Макаров приведет к авианосцу людей, это будет лифтом? Я перекину трос через мачту и закреплю за лебедку. Если лебедку включить, то трос, как по блоку, будет опускаться до земли и подниматься... Хм... Я этим займусь через пару часов.

– Куда это вы собрались?

Бросая тревожный взгляд через разбитые очки, доктор поспешил за Гошей.

– Послушайте, Джордж, давайте будем благоразумны. Макаров строго-настрого запретил нам спускаться на нижнюю палубу. Туда, где самолеты, вход нам заказан... Я, конечно, понимаю, вы пытаетесь тренировать свой мозг занятиями... вот, выдумали подъемник... который, правда, в условиях наличия известной Макарову шахты для водолазов немного утрачивает свою актуальность... Да стойте же вы, черт вас возьми!

Гоша резко развернулся.

– Вода – внизу. А я хочу пить.

– Наверху была целая бутылка.

– Она теплая.

– Вы снова хотите забраться в самолет, – в ярости прорычал Donovan.

Гоша взял доктора за плечо.

– Послушайте, тезка...

В трюме пахло машинным маслом и сушеными грибами. Гоша разламывал в руке галету сорок пятого года выпечки, и в немыслимо огромном помещении раздавался звук преломляемой пятислойной фанеры.

– Я хочу посмотреть, как работают радиостанции самолетов.

– В прошлый раз вы уже посмотрели...

– Я просто нажал не на ту кнопку.

– Откуда мне знать, что на этот раз вы нажмете ту? Кстати, вы знаете, на какую надо жать?

Гоша снял с его плеча руку, и тот замолчал.

– Я заберусь в кабину «Двадцать восьмого». Обещаю не трогать ничего, кроме радио.

В конце концов, это его дело, решил Donovan. Нет, если он снова надумал сбросить торпеду, последствия взрыва которой до сих пор качают деревья в округе и от методов запуска которой сошел бы с ума даже самый великий камикадзе Сабуро Сакаи, – это дело не его. Но как убедить человека, если у него налицо все признаки амбивалентности. На рассвете он говорит, что на авианосце лучше ни к чему не прикасаться, а ближе к обеду практически продирается сквозь заслоны, чтобы проникнуть в кабину самолета, который едва не погубил авианосец. Впрочем, он обещал забраться под фонарь того, который теперь без торпеды. Опять же, где уверенность в том, что Гоша не снимет его с ручного тормоза и не поедет на другие...

В этом душевном раздоре Donovan выбрался на палубу и стал восходить по лестнице на самую высокую из доступных ему площадок надпалубной надстройки. Там, усевшись с бутылкой в руке, он сквозь разбитые очки смотрел на равнину, на широкую полосу обжимающих ее джунглей, и если бы пытался анализировать свое поведение, то непременно обнаружил бы, что чаще всего он смотрит туда, откуда следует ждать Макарова...

Подтащив лестницу к «Двадцать восьмому», Гоша осторожно, чтобы не коснуться чего-либо в той части кабины, где угрожающе торчали в разные стороны рычаги и выключатели, добрался до места радиста. Тот, кто хоть раз имел дело с радиостанцией, узнает ее, даже если выглядеть она будет вопреки здравому смыслу. А геолог, что сейчас пытался отыскать связь с миром в кабине «Эвнджера», прошел с рацией по тайге двадцать лет.

– Вот здесь сидел радист, и точка, – решил он.

Здесь можно все включать и нажимать. Никаких кондиционеров.

Через полчаса он разобрался с порядком включения, но результата не добился. Рация молчала, и было бы удивительно, если бы она вдруг заработала. Засветились бы внутри нее все окислившиеся лампы и изъеденные временем диоды и триоды стали чувствительны – это было бы странно, он понимал.

– Но что-то же здесь должно работать, черт побери!..

Наверное, это был первый случай, когда в кабине этого самолета слышалась русская брань.

Пустая бутылка из-под кока-колы под ногой сухо звякнула и выкатилась из-под приборной установки. Ха, так вот как выглядела упаковка убийцы печени русских детей в то время!

Гоша наклонился, чтобы поднять ее.

Чертовски неудобно. Нужно выбраться из кресла и забраться под него, согнувшись даже не в три, а четыре погибели. Прикосновение с историей вытолкнуло из утомленного и голодного мужчины любопытного мальчишку. Он сунул руку, ухватил бутылку за горлышко и замер на месте.

Перед лицом его так близко, что размывались черты, располагался какой-то прибор.

Оставив бутылку в покое, Гоша отстранил голову и разглядел корпус из эбонитовых пластин. Тугой тумблер включения на нем еле двигался, но все-таки его можно было сдвинуть в сторону.

«Будь что будет, – решил он, – второй торпеды у него нет, а из пулеметов отсюда они все равно вряд ли стреляли».

И он сдвинул тумблер в сторону...

Двадцать минут он сидел на полу самолета, совершенно отключившись от авианосца, нервного Donovan, Макарова, людей на берегу и того, что находится на острове, а не в зоне строгого режима...

«Я – лейтенант Мисуорт, на моих часах пятнадцать часов сорок пять минут. Двадцать восьмой, где вы находитесь? Тэйлор, где вы находитесь?»

«Подой мой земля, местность пересеченная... Уверен, что это Кис... но не знаю, как долететь назад до Форт-Лодердейла».

«Двадцать восьмой, вы не можете быть над Кис... Двадцать восьмой?»

«Я слышу вас. Очень похоже на Кис...»

«Тейлор, ответьте!»

«Командир, я слышу его, но все, что говорите вы, диспетчер не слышит»

Гоша дрогнул бровью. Речь была совершенно ясной, словно кто-то произнес эти слова рядом с ним. Он понял: то, что слышимо ясно – связь внутренняя, что глуше – внешняя!

«Я – лейтенант Мисуорт, на моих часах шестнадцать часов двадцать пять минут. Двадцать восьмой, где вы находитесь?..»

Тэйлор (Гоша уже узнавал его голос): *«Мы только что пролетели над огромным островом. Он невероятных размеров... Я думаю, мы летели над ним около четверти часа...»*

«Двадцать восьмой, вы не можете лететь ни над каким островом! Под вами должен быть океан!»

«Только остров... Никакой другой суши в пределах видимости нет»

«Тейлор, вы слышите меня? Какая суша? Я говорю вам, что ближайшая суша должна быть в пятистах километрах от вас!»

«Я думаю... это признаки островной гряды Флорида-Кис».

«Что за черт, Тэйлор!..»

Ясно (в кабине): *«Он не понимает нас, сэр. Сэр?.. Командир, вы знаете, что нам делать дальше?..»*

Тэйлор: *«Мы будем идти курсом тридцать градусов на северо-северо-восток в течение сорока пяти минут, потом повернем на север, чтобы убедиться в том, что находимся не над Мексиканским заливом»...*

Еще четверть часа Гоша слушал разговоры между экипажами пяти самолетов. Он выучил имена всех десяти и даже узнавал их голоса.

Тэйлор (по внутренней связи): *«На моих часах семнадцать часов пять минут. Меняем курс. Направление – девяносто градусов в течение десяти минут»*

Радист: *«Сэр, куда мы летим?»*

Тэйлор: *«За последние двадцать минут курсом тридцать мы пролетели много миль, но я не вижу материка. Всем!.. мы уходим курсом девяносто, строго на восток»*

Радист «Сто семнадцатого»: *«А что там находится, сэр?»*

Тэйлор: *«Я думаю... я надеюсь... я верю... Флорида...»*

Еще пять минут совершенно бестолковых разговоров по внутренней связи.

«Двадцать восьмой! Я – капитан Мак-Берли, база Порт-Эверглейдс, на моих часах семнадцать часов шестнадцать минут. Вы должны следовать курсом двести семьдесят градусов!»

Тэйлор: *«Будем лететь курсом двести семьдесят градусов до тех пор, пока не достигнем берега или пока не кончится горючее...»*

Гоша стал прислушиваться. Связь то прерывалась, то снова появлялась.

Тэйлор: *«Что это за проволока?..»*

Кто-то по внутренней связи: *«Я вижу сияющую нить...»*

Другой голос: *«Я тоже вижу ее...»*

«Где мы, боже...»

«Что это? Командир, мы летим на... стальную проволоку?!»

Помехи. По лицу Гоши струился пот.

Кто-то: *«...да-да, ближе к берегу у нас больше шансов на то, что нас найдут...»*

Тэйлор: *«Всем, кто нас слышит, всем, кто... Я – командир звена Девятнадцать лейтенант Тэйлор... Наши приборы не работают... мы ничего не видим... Мы не знаем, где находимся... Должно быть, милях в двухстах двадцати двух северо-восточнее базы... Похоже, что мы... Кажется, что мы вроде... Боже мой!.. мы опускаемся в белые воды! Спаси нас, Боже!..»*

Еще несколько минут Гоша сидел, глядя на бутылку от кока-колы. Потом выключил тумблер, выбрался из-под кресла и медленно спустился по лестнице.

На нижней палубе авианосца стояла гробовая тишина. Он сделал шаг вперед. Что-то хрустнуло под ногой. Это услышал весь ангар. Добравшись до выхода, Гоша оперся руками на обе двери и вытолкнул себя наружу.

– Донован...

Он хотел крикнуть, но вышло как-то дохло.

Тогда он поднялся по лестнице.

– Донован!

– Идите скорее сюда, Джордж! – донеслось до него. – Идите же скорее и готовьте свой лифт!

Взойдя на верхнюю палубу, Гоша прищурился от бьющего прямо в глаза света. Некоторое время он вяло моргал и, когда вновь обрел способность видеть, направился к доктору. Тот стоял у кормы, между вторым и третьим финишерами, и держался за голову. Выглядел он вполне счастливым.

Встав рядом с ним, Гоша увидел в километре от авианосца цепочку людей. Они спускались с холма в равнину. С того самого места, где он, Гоша, впервые увидел корабль. Того, кто вел людей, узнать было нетрудно. Это был Макаров.

Подняв глаза, Гоша посмотрел на небо. Где-то далеко, дальше, чем шли люди, он увидел тонкую, как иголка на вытянутой руке, белую полоску.

– Они идут, Джордж! – прошептал Донован, смеясь. В глазах его стояли слезы.

– Да, они идут.

Это было сказано как-то равнодушно. Или настороженно.

Глава четырнадцатая

– Что это у тебя, Питер?

Много ли нужно для счастья? Выспаться, не боясь, что на тебя во сне накинутся и сожрут, поесть, напиться воды и оказаться в прохладе. Пусть потом снова потянет к воде, пусть... Но сейчас этот авианосец – крепость. Опасности нет.

Гоша с трудом дожидался, пока люди разместятся, когда угаснут первые приступы эйфории. Высыпанный из пригоршни на блюдце сухой горох будет долго суетиться, но в конце концов обязательно соберется в форме правильного шестиугольника. И замрет. Гоша ждал этого часа.

А пока сидел в тени, наблюдал, как Макаров и угрюмый тип по имени Артур решают простые вопросы, и наблюдал за тем, как Питер играет двумя глиняными черепками.

– Это нашел Левша в джунглях. Сначала принес одну пластину, а потом вернулся за второй.

– Зачем?

– На ней написаны знаки, которые Патрисия сумела прочесть.

– Серьезно? – Гоша улыбнулся. – А ты можешь дать их мне?

– Не насовсем.

– Ну, разумеется.

Получив пластины, Гоша сложил их вместе и долго, хмурия лоб, смотрел.

– И что сказала Патрисия? Кстати, кто это?

– Это забавная тетка с третьего катера. У нее астма, и мы пришли бы раньше, если бы не она и наша беременная...

– Так что сказала тетка Патрисия?

– «На острове бойся врага, он рядом», – это она сказала.

– Ты пересказал мне слово в слово? – строго спросил Гоша.

– Разве трудно запомнить эти слова?

– Да, конечно, малыш, – Голос Гоши смягчился, и он потрепал мальчика по волосам. – Ты не мог бы позвать папу?

Макаров явился взмыленный, видимо, переход и суета на авианосце доставили ему немало хлопот. У входа в коридор, ведущий к нижней палубе, где стояли самолеты, Макаров организовал караул. «Во избежание недоразумений», – как он объяснил. Подойдя, он присел перед Гошей в позу ожидания.

– Где Левша нашел это?

Макаров посмотрел на черепки.

– На острове, когда вел людей с третьего катера к нам. А что?

– Ты знаешь, что на них написано?

– Конечно. У нас есть женщина, ее зовут...

– Патрисия.

– Точно. Она изучает культуру...

– Филиппин.

– Это так. Она и перевела. «На острове бойся врага, он рядом». Это язык...

– Ита.

Макаров внимательно посмотрел на Гошу.

– Я не погрешу против истины, если предположу, что ты умеешь читать древнефилиппинские письма?

– Я профессор, Макаров. Хотя и зэк, но все равно профессор. А еще геолог. И доктор наук. Это письмо ита, верно. Но неверен перевод.

Макаров занервничал, поморщился. У него было много дел.

– Ну, ошиблась тетушка. Но какое это имеет значение? Какая для нас разница, что написано на этих камнях?

– Чем дальше я нахожусь на этом острове, тем больше крепнет мысль, что здесь имеет значение любая мелочь. А разница в двух переводах этого письма ита – не мелочь. Вот я и подумал, что тебе это может показаться интересным, – аккуратно положив маленький осколок на большой, Гоша протянул их Макарову. – Но я, видимо, ошибся. Поэтому можешь отдать их сыну. У тебя нет сигареты?

Если бы не последние слова, Макаров так бы и сделал – отнес бы черепки Питеру и через минуту забыл об этом разговоре. Но вопрос о сигарете напомнил о том, что у всех здесь одни и те же проблемы. Гоша тоже страдает без табака.

Опершись на горячий металл палубы, Макаров опустил и прижался затылком к стене надпалубной надстройки.

– Ты перевел. Ты знаешь язык ита. И что же написал один из них?

– «На острове, которого нет, бойся идущего рядом».

Некоторое время они сидели молча.

– Идущего рядом... – повторил Макаров. – И что это значит?

– Ты видишь это? – Гоша поднял руку и показал куда-то в небо.

– Похожее на слона облако.

– А я вижу проволоку.

Макаров посмотрел налево. Потом направо. Потом уронил подбородок на грудь, словно у него сломались позвонки. Последнее, что сделал, посмотрел в Гошины глаза.

– И как давно ты ее видишь?

– Я увидел ее чуть раньше, чем впервые о ней услышал.

– От Джеймса Донована?

– От Чарльза Тэйлора.

Макаров рассмеялся.

– Кто такой Тэйлор? Московский геолог?

– Командир звена «Девятнадцать».

Поднявшись, Макаров отряхнул ладони и направился к взлетному трамплину. «Найдите место внутри корабля!» – крикнул он женщине и ее мужу. Это же относилось и к человеку со шрамом, и его другу, уже собравшимся разместиться неподалеку. «Идите за Франческо! Мне кажется, он полжизни провел во флоте Италии. Он ориентируется в расположении кают

экипажа, как я». Вскоре стал ясен его замысел. С приближением ночи палуба должна быть пуста. Но к тому времени, как замужняя пара и двое друзей, переговариваясь и поглядывая на Макарова, побрели к выходу, всем наконец-то стало ясно, что этот авианосец – не прогулочная яхта.

Что-то уже готовилось в камбузе из принесенных припасов, гремел пол, по которому двигали тяжести, звякала медь – люди обустроивали авианосец как жилище.

Не меньше получаса прошло с той поры, как Макаров ушел. Но когда вернулся и снова сел рядом, первое, что услышал Гоша, было:

– Что ты сказал?

– Командир звена «Девятнадцать». Лейтенант Тэйлор впервые упомянул о проволоке. Он увидел проволоку перед тем, как пять «Эвенджеров» исчезли с радаров военной базы в Порт-Эверглейдс.

– Откуда тебе знать о военной базе США в Порт-Эверглейдс? – проговорил Макаров, немигающим, как у питона, взглядом рассматривая нового Гошу.

– Ты хорошо запомнил слова, которые написаны на черепках?

– Да, я должен бояться того, кто рядом. Странно это, но, видимо, какой-то резон у людей ита опасаться быть съеденным товарищами был...

– Ты вычленил из моего перевода важное, но не главное. Ваша переводчица отчего-то не заметила значок письменности ита, обозначающий слово «нет».

– О чем ты говоришь, Гоша?.. – Макаров был перегружен сведениями и сейчас, преодолевая усталость, пытался разместить файлы информации по нужным папкам.

– А ведь этот значок не заметить невозможно, потому что по правилам написания тех лет он всегда ставится перед существительным, которое отрицает. «Нет – Остров», – начертал ита. «Остров, которого нет», – звучит это сейчас. Как мог человек редчайшей породы – знаток древней письменности ита, ошибиться в том, что является основой письма этого племени?

Макаров закрыл глаза. У него кружилась голова.

– Остров, которого нет. Остров, которого нет, Макаров... И на нем я должен бояться сейчас тебя. И в следующий раз, друг мой, когда будешь вот так при пустой палубе подсаживаться ко мне, подумай десять раз...

Закончив говорить то, верить во что отказывался категорически, Гоша увидел перед собой ладонь, на которой лежали два металлических медальона. Их трудно спутать с чем-то еще. Это армейские медальоны с данными владельца.

– Не знаю, стоит ли мне бояться тебя, приятель... Но вот этого человека бояться стоит. Точнее, стоило... Прошлым вечером он напал в джунглях на Берту, изгалялся вволю... Словом, благодаря только Филиппинцу удалось вернуть девочку к жизни.

– Почему – стоило? – задумчиво спросил Гоша, потащив медальоны к себе за цепочку.

– Левша подоспел вовремя и прикончил его.

– Стив МакНаман... – прочитал Гоша. Потом закусил губу и стал постукивать медальонами по ладони.

– Самое удивительное, что этот звереныш был одет в заношенную до беспредела форму летчика. Я уже и не знаю, кого здесь еще можно встретить... Объясни мне, что значит – «Остров, которого нет».

– Так, говоришь, Левша прикончил этого ублюдка?

Прищурившись, Макаров не ответил. Он ждал подвоха.

– Так прикончил Левша Стива МакНамана или нет?

– Ты ставишь меня в неудобное положение. Я вынужден выглядеть идиотом, Гоша. Ты с первого раза понял, что Левша прикончил МакНамана.

– Если так, то Левша прикончил саму надежду на разгадку невысказанной истории в небе над Бермудским треугольником пятого декабря сорок пятого года.

– О чем ты говоришь, черт бы тебя побрал?! – Вскочив на ноги, Макаров одной рукой сгрел Гошу за шею и заставил встать.

– Стив МакНаман – второй пилот «Эвенджера» с бортовым номером «Восемьдесят один».

Они долго смотрели в глаза друг другу.

– Откуда ты это знаешь?

Гоша протянул Макарову медальоны. Позвякивая, они качались на цепочке.

– Пойдем...

У входа в коридор Макаров вдруг схватил Гошу и прижал спиной к стене надстройки.

– Этого не может быть! Если предположить, что летчику в сорок пятом было тридцать, то сейчас ему должно быть под сто лет!.. С кем тогда дрался Левша?!

Вместо ответа Гоша поднял руку и ладонью провел по лицу Макарова.

– Что ты делаешь? – изумился тот.

– Когда ты брился в последний раз, Макаров?

– На «Кассандре», вечером последнего дня!

Гоша молчал, глядя ему прямо в глаза. Долго смотрел. Упрямо. Пока по виску Макарова не стекла капля пота. И лишь тогда Гоша шевельнул плечами и освободился.

– Как же так?.. Как же так?.. – бормотал Макаров, ощупывая свое лицо.

Он был на острове шестой день. Слишком много потрясений. Слишком много. Достаточно для того, чтобы не заметить, что на лице однодневная щетина...

– Пойдем, Макаров. Ты должен это услышать...

Франческо с кейсом, чья очередь была нести службу часового у входа на палубу с «Эвенджерами», отошел в сторону и пропустил Макарова. Ну и Гошу, коль скоро тот с ним...

Глава пятнадцатая

Многоместных кают для экипажа было столько, что каждый выбрал себе по одной. Завалившись на койку в своей, Левша закрыл глаза и отдышался. Непроходящее чувство голода – оно у всех. Раз так, то и пенять на то не стоит. Курить хочется. Но и Макаров тоже хочет. Вода – вот она, рядом. Завтра к берегу отправится первый патруль для встречи «Кассандры». Все идет своим чередом. Все, как должно идти...

Легкий стук в дверь закончил его экзерсисы по правильному восприятию действительности.

– Я дверь на ночь не запираю!

В каюту, осторожно ступая, вошла Катя. Осмотревшись, она пересекла каюту и села на кровать напротив. Она помнила, как они подбирали помещения несколько часов назад. Сразу после того, как Левша сказал: «Эта каюта – моя», Катя тут же показала на каюту напротив. Так они стали соседями. Близкими соседями, потому что соседями вообще тут были все без исключения.

– Обычно в таких случаях говорят: «Что-то мне не спится».

– Ты удивительно проникателен, Левша. Я зашла... Я зашла, чтобы поблагодарить тебя.

– За все, в чем был и не был виноват?

– Перестань...

Он наконец-то повернул к ней голову.

– В чем дело, детка?

– Там, сначала за водопадом... Ты ведь мог бросить меня, правда? Я понимаю, мог... Я падала, ты держал меня. За стеной испарений нас ждала стая кровожадных тварей. Можно было просто столкнуть... нет, зачем идти на преступление... ты мог просто не держать меня... Я бы упала, и ты ушел бы без проблем. И там, с этой пантерой... Ты вставал между мной и ней, с ножом...

Левша поморщился.

– Катя, проклятия на мою голову сыпались куда чаще, чем проливались благодарности, поэтому я стоек к первым и не приучен ко вторым... – Он помолчал. – Я не знаю, как реагировать на твои слова. Спасибо, наверное. Но это все, что я могу сказать. При этом добавить – забудь об этом.

Она встала и направилась к двери.

– Я видела, как ты отдал Макарову наконечник и о чем-то с ним говорил. Ты рассказывал, как мы нашли его?

– Да.

– А ты рассказывал, как коснулся меня и как я вздрогнула?..

Левша тревожно вздохнул.

– Буду рад увидеть тебя завтра, Мари...

Он услышал звук закрываемой изнутри защелки.

– Пусть – Мари...

– Катя, давай поговорим, – тревожно зачастил Левша. – Давай поговорим, ночь располагает...

– Да, – сказала она, и он почувствовал, как ее тугое бедро коснулось его бока.

– Завтра будет новый день, я думаю, все смогут по-новому оценить свое настоящее...

– Да, – подтвердила она, и Левша услышал звук, который обычно сопровождает избавление тела от тугой майки.

– Катюша, мы нервничаем на этом острове и поэтому не всегда отдаем отчет своим действиям...

– Да...

И он почувствовал, как тугой сосок ее груди касается его губ...

* * *

Тонкие черты. Ярко-голубые глаза. Русые, назад зачесанные волосы. Мягкие губы, словно сломанные жестким рисунком рта. Высокая сильная шея. Широкие плечи. Он был похож на всех богов одновременно, и уж никак – на того мужчину, что соблазнился бы мыслью провести с нею, с Мари, ночь. Левша заметил ее взгляд и улыбнулся.

– Иди сюда. – Он подтащил ее, окаменевшую, к большому зеркалу, встал сзади, приобнял за плечи и скомандовал: – Смотри!

В зеркале стояли бог и гномик. Яркий бог – и маленький хрупкий гномик, затянутый в синие джинсы и курточку. Длинный яркий маникюр и платиновые перстни с крупными драгоценными камнями на тонких пальцах. Черная короткая стрижка. Огромные зеленые глаза в темных тенях усталости. Чувственный яркий рот. Гномика можно было бы сломать пополам двумя пальцами этого бога, подумала Мари, впадая в чувственное оцепенение. Она явственно ощущала спиной, как нарастает желание бога. И сама мысль о том, что причиной этого вожделения является именно она, кружила голову, вспенивала дыхание, утяжеляла веки.

– Мне нужно в ванную, – прошептала она.

Он затащил Мари в обложенную черным кафелем, в зеркалах, комнату, раздел, запихнул ее в огромную черную ванну, включил воду и ступил туда сам. Горячая вода потекла мощными струями по усталой коже; Мари чувствовала, как стекают с нее и усталость, и впечатления этого длинного дня. Левша налил на мягкую мочалку мыла, вспенил его и окутал Мари мягкой пеной. Он тер ей спину, руки, перебирая каждый палец, массировал ее бедра, а она только постанывала с закрытыми глазами. Он купал ее, как ребенка, вначале нежно и ласково, гладил уставшую кожу. А потом он закрыл глаза и сильно прижал ее спиной к своему телу. Мари почувствовала, как твердо напрягся его член. Чуть слышно он вдохнул – и руки его приобрели совершенно новую силу. Ее живот потяжелел, налился горячим вожделением – Мари опустила на колени и, изогнувшись, потянулась к нему губами...

Он прислонился спиной к стене, а она с закрытыми глазами сильно и нежно сводила его с ума... Он рывком поднял ее с колен, повернул к себе спиной, чуть нагнул и вошел в нее сзади, нежно и настойчиво. От этого его движения в голове Мари вспыхнул пожар, ударило горячей кровью в уши, их заложило, и она перестала слышать. Внутри нее образовалась пылающая точка, и теперь ею овладело только одно желание – чтобы он вонзился в эту точку. Чтобы заполнил собой предназначенную для него пустоту, чтобы он вонзался в нее снова и снова и никогда больше не отпускал...

Она притягивала его за бедра, заставляя его буквально бить ее изнутри... Раздирающий восторг поднимался все выше и выше по ее телу и, покоряясь ее силе, пронзал ее все сильнее и сильнее. «Он любит меня, – думала Мари, – тот, кого я так ждала, любит меня...»

От этой мысли, воплощающей все ее женское желание быть подвластной, покорной мужской силе, от того, что этот мужчина желает ее, последняя мысль покинула ее голову. Она хрипло стонала, звуки, казалось, извергались из самого ее нутра – так пело и кричало в сладострастии ее тело. Закрыв глаза, Левша держал в руках ее грудь, мял сильными пальцами соски, и эти движения, напоминающие сосание ребенка, сводили Мари с ума. Она уже извивалась в его руках, не помня себя, представляя собой одно лишь воплощенное желание – быть женщиной, подвластной этому мужчине. Он впивался губами в ее шею, и она изгибалась, подставляя ему все новые, нетронутые им еще участки кожи. «Он любит меня, – думала Мари, – так, как хочу я...» И Левша, словно читая ее мысли, двигался все быстрее и сильнее, так, что, будь это в других обстоятельствах, он сломал бы ее пополам. А эта страсть сделала ее гибкой, сильной и стойкой. И она сопротивлялась его бешеному напору, приостанавливаясь, сдерживая его пыл, словно желая продлить этот бешеный марафон всепокрушающей страсти.

– Достань меня, – попросила она, переводя дух.

Он мгновенно понял, чего она хотела.

Вылез из ванны, завернул ее в махровую простыню и понес Мари в спальню.

Он уложил ее на кровать и сам бросился рядом. Мари вскочила на колени, заставила его перевернуться на спину и села на него верхом. Теперь вела она. Она могла, двигаясь по своему желанию, сделать так, чтобы член его коснулся самых потаенных точек ее живота. Она двигалась, наступала, вертела задом, целовала его шею и грудь. Она скакала на нем, как на коне, и он сдерживался уже с огромным трудом, изредка пересохшими губами шепча: «Подожди...» Но Мари не хотела ждать. В конце концов, это уже она любит своего мужчину. Она ведет. И она сделает так, чтобы он умер на этой постели.

Она заберет его последние силы!.. Мари сжала живот и опустилась на него со всей силой, на которую была способна. Левша изогнулся, схватил ее за талию и насадил на себя. И застонал. И закричала Мари – потому что не было уже возможности сдерживать это желание. Горячие волны ударили им в мозг. И молнии засверкали в их закрытых глазах. И поплыла земля – с грохотом, и тела их стали падать вниз, и надвинулось ощущение катастрофы...

– Что это? – поднимая голову, еле слышно произнесла Мари. – Что это так страшно трещало?

– Ты сломала дубовую кровать, девочка, – не открывая глаз, с трудом шевеля языком, ответил Левша. – Такого в моей жизни еще не было...

Они слезли с кровати, пошатываясь, стали исследовать разрушения. Толстый продольный брус из некрашеного дуба, державший на себе всю кровать, был сломан пополам.

– Я сломала кровать в «Бристоле»? – испуганно пролепетала Мари. Открыв рот, она захохотала. – Что же теперь делать?..

– Я куплю им новую, – смеясь, ответил Левша.

И они легли на сломанную кровать, и стрелки на часах отсчитали бы еще сорок минут, прежде чем они оделись и он отвез бы ее и высадил за квартал до ее дома, но вдруг стукнула о паркет номера поставленная им с вечера на ручку двери бутылка. Он все понял, но успел лишь натянуть брюки. Застегнув их на застежку, он бросился от сломанной кровати к стулу, где в пиджачном кармане лежал его «глок».

Но он опоздал. В номер вошли четверо...

* * *

– Левша... – выдавила, дыша часто и прерывисто, Катя, – Левша, я прошу тебя, будь со мной... Мне страшно, мне очень страшно...

Звуки с ее губ слетали неясные, потому что он дышал ей в рот, целуя. И в этом обмене внутренней страстью было что-то большее, чем просто секс.

– Ты любил ее?..

Он приподнялся над Катей, сполз с койки и в потемках стал собирать свои вещи. Она видела его белеющую спину, этот могучий треугольник, расчерченный когтями, словно лапой дьявола, и бесконечная нежность к этому мужчине окутывала ее. Она протянула руку, чтобы прикоснуться к этой спине, но он, рывком наклонившись, встал.

- Только не говори, что предал ее.
- Предать можно память о ней, память я не предавал.
- Что с ней, Левша?

В одних брюках он дошел до двери и снял защелку.

А потом повалился лицом на койку, на которой сидела она.

– Не оставляй меня, Левша...

– Тебе нужен телохранитель?

– Мне нужен ты, – робко прошептала она.

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент раздался в коридоре звук. Странен он был не тем, что вызван мог быть наткнувшимся в темноте человеком. Много кто в эту ночь ходил, пытаясь привыкнуть к расположению галюна в лабиринте коридоров. Странен он был тем, что выдавал чересчур мягкий шаг. Приподняв голову, Левша прислушался.

– Не подумай обо мне плохого только, я умоляю тебя! – шептала Катя, но Левша не слышал ее.

Он слушал, как в каюту, что выбрала Катя, заходил кто-то, скрывая свое присутствие.

Мягко привстав, Левша подошел к женщине и положил ей ладонь на рот. «Помолчи», – шепнули его губы в ее ухо.

Хорошо еще, что, снимая защелку, он приоткрыл дверь. Когда бы была нужда ее сейчас открыть, то раздался бы звук, с каким баркас причаливает к причалу. Эти звуки весь вечер нервировали Левшу, потому-то он и не заперся сам.

Он ступил в коридор, когда в облюбованную каюту Кати зашел кто-то.

В темноте, не разбирая, этот кто-то трижды ударил чем-то по сохшемуся матрасу. И в удивлении замер после этого.

– За солью зашел?

Кто-то резко развернулся, и луна тонким лучом из приоткрытого иллюминатора мазнула по лицу незваного гостя.

– Ты?! – в изумлении прошептал Левша.

Сначала он подумал, что это просто удар.

И едва не рассмеялся от предвкушения того, что он сейчас будет делать. Он будет бить. Бить жестоко...

И только потом почувствовал пронзительную, слепящую его боль. Ему показалось, что на мгновение комната осветилась едким оранжевым светом.

Он упал на колени, сжимая обеими руками торчащую из живота рукоятку ножа.

Человек, позабывший в нем нож, спокойно обошел Левшу, вышел в коридор и растворился во тьме.

...Он лежал и смотрел под койку матросской каюты. Он знал, что рано или поздно умрет. И был уверен, что скорее рано, чем поздно. Он никогда не оставлял себе шанса на спокойную жизнь. И вот сейчас, держась за рукоятку ножа, он думал о том, что это самая странная смерть, наверное, в истории человечества – умереть подобно самураю, но на борту американского авианосца...

– Мари... – шевельнулись его губы, но не выпустили ни звука.

– Левша? – позвала Катя.

Сознание его тухло, как свет фар при сдыхающем аккумуляторе.

– Левша? – уже более требовательно и с тревогой.

Он слышал шаги, он слышал скрежет распахиваемой двери, и последнее, что запечатлелось в его памяти, был страшный, обреченный крик Кати...

Глава шестнадцатая

– Макаров, если я сяду, из-под матраса никто не выползет? – пугливо спросила Дженни, от фразы которой иронией даже не пахло.

– Главное, чтобы сюда никто из-за двери не вполз, – и он сел на кровать, помогая Берте и Питеру взобраться на верхние полки.

Как-то так сразу и естественно получилось, что они заняли одну десятиместную каюту. Как получилось, никто не мог объяснить, да и не хотел.

По мере того как наступали сумерки и смазывалась убогость обстановки, все оказались на узких койках. Видимо, роскошь не входила в быт американских моряков. Хотя Макаров отметил, что при нормальной жизни корабля и размещение кают в коридорах, и сами каюты удобны и просторны. На борт было доставлено много фруктов, и, наскоро перекусив, что и ужином-то назвать было нельзя, Макаров и Дженни легли в разных углах каюты. Мечта о душе и простынях была чем-то несбыточным. Но на борту этого судна можно было, по крайней мере, не смотреть всю ночь в сторону джунглей. Хотя костер на верхней палубе горел, и двое мужчин были первыми, кто стал привыкать к макардовскому словечку – «вахта».

Ночь прошла в каком-то забытьи. То и дело он и Дженни открывали глаза, трогали сетки коек над собой, проверяя, здесь ли дети, и снова уходили в какой-то анабиоз.

Едва начало светать, Макаров собрался в туалет («гальюн» – теперь и к этому слову нужно было привыкать). «Нужно успеть сходить, пока все спят и вокруг тишина», – решил он и поднялся.

– Дженни, закрой за мной...

Когда он вышел в коридор, он заметил в конце гостиничной «аркады» мелькнувшую тень. Он даже не удивился: что можно ожидать от общего коридора, если в соседних каютах живут люди.

Подумаешь, тень. Эти тени бродят теперь по авианосцу часами. Главное, чтобы они не оказались на нижней палубе.

Разговор с Гошей не выходил у него из головы. Все нужно было осмыслить, оценить. Но все было настолько ирреально и необъяснимо, что оценивать-то, по существу, было нечего...

Тень юркнула за угол ловко и имела размер не менее пятьдесят второго. Макаров очень хорошо запомнил скользнувшую по стене атлетическую фигуру. До сих пор он справедливо полагал, что самая атлетическая фигура на этом острове у него.

Смутная тревога заползла в него...

Стараясь сохранять спокойствие, он вошел в гальюн, нашел в полумраке некое подобие писсуара и разместился перед ним в понятной для всех мужиков позе. Разница заключалась лишь в том, что он не собирался делать то, что мужики при этом делают. Он ждал...

Дверь в каюту, где остались Дженни и дети, была заперта. Если ее будут открывать нетрадиционным способом, он сразу это услышит.

Туалетная дверь тихонько скрипнула, и в гальюн кто-то зашел...

Макаров не поворачивался.

Человек спокойно прошел за спиной его, и в этом заключалась ошибка. Любой другой перебросился бы словечком даже здесь.

Перед Макаровым было зеркало с помутневшей амальгамой, и прежде чем выделить для себя главную вещь – на парне брюки, а звука расстегиваемой «молнии» он так и не услышал, – он подумал о причинах, которые подвигли дизайнеров флота США повесить длинное зеркало над писсуарами.

Ширинка не вжикнула, зато второй раз скрипнула входная дверь. Кто-то еще, кого Макаров уже не видел, вошел и замер...

Шаг в сторону своей спины Макаров поймал прежде, чем к нему стал разворачиваться тот, что был справа. Короткий нырок в сторону, и он уже вне досягаемости ножа.

Нож... С коротким широким лезвием, с отточенными зубринами по обе стороны полотна, нож сверкнул в свете луны. Страшное оружие в руках тех, кто умеет им пользоваться. Одним ударом снизу можно пополам рассечь печень и разрезать, словно поролон, несколько ребер.

Черт побери! Макаров в темноте стал различать странное – оба мужчины были в масках и одинаковых синих комбинезонах.

Холодея страхом непонимания, от второго движения блеснувшего в темноте лезвия Макаров отшатнулся, как пытаются отдалиться от выпавшего из рук чайника с кипятком. Но не

хватило каких-то полсантиметра, и он услышал тот звук, с обязательным присутствием которого рассекается живая плоть. Широкий нож пронесся перед ним, взрезав кожу живота. Сначала был звук, а боль пришла потом. Саднящая, жаркая...

А после, смешиваясь с яростью, из раны на его теле вышел зверь. Так их стало двое против двоих. Спокойный да рассудительный, и задыхающийся от гнева зверь – против двоих, вооруженных ножами.

Третье движение ножом для напавшего оказалось последним. Спокойный и рассудительный, что жил в Макарове, с силой ударил его головой в лицо. Хруст сломанной переносицы, стон... Рука выпустила нож, и Макаров тотчас прихватил его за лезвие.

И быстро провернул в ладони.

В прорези маски второго он увидел не страх, а удивление. И тут же прочитал в его насмешке: «А со мной так получится?»

– Получится... – едва слышно бросил Макаров. – Обязательно получится...

Звонкий лязг и короткий скрежет – зубцы ножей сошлись в ударе. От закаленного металла отскочила искра и вонзилась в маску второго напавшего. Он сильно дернул веком и, на мгновение потеряв ориентировку, шагнул назад.

Мощь Макарова уступала мощи противника. Запомнив угол удара лезвий друг о друга, он решил не терять времени даром. Второе соединение режущих полотен произошло через секунду после того, как парень пришел в себя. Едва он снова качнулся в сторону Макарова, тот повторил выпад, увеличив силу удара, и на этот раз в лицо амбалу полетел целый сноп искр. При дневном свете они оказались бы незамеченными, но в темноте искры как раз компенсировали ту разницу, при наличии которой молодой парень выигрывал в весе и поворотливости. Сноп молний ударил его в лицо, и, закрываясь от Макарова, он вскрикнул.

Короткий клинок с хрястом вошел в его бедро и, кроша кость, вдавился в ногу до самой рукоятки.

Это был не случайный удар, вызванный ситуацией. Макаров всадил нож в ногу, потому что знал наверняка – погони не будет. Останется лишь желание перетянуть рану, чтобы остановить поток крови.

Он не хотел убивать. Но и сдавать жизнь свою, сверкая благородностью жестов, намерен не был. Он просто защищался. Ухватившись за удобную рукоятку покрепче, Макаров с силой провернул лезвие в ногу и резко дернул на себя. Широкая струя крови, освобожденная из разорванной мышцы, гейзером вылетела из пустой раны на полметра и окрасила пол в уборной.

Свалив врага руками на холодный пол, Макаров яростно зашептал:

– Кто вы такие?! – Он хрипел, роняя пот и слюну на маску жертве. – Отвечай, кто вы такие?!

В глазах отходящего человека царил предсмертный ужас, и он, соглашаясь со словами Макарова, согласно кивнул головой и стал биться в судорогах. Болевой шок выбил из него остатки разума.

– Откуда вы здесь взялись?!

У Макарова пересохло в горле. И наступил момент, когда молния просветления, таящаяся в облаках его головы все последние дни, прорвалась сквозь нежелание думать и рассекла мозг, заряжая его, как аккумулятор.

Он резко развернулся ко второму. Пришедший в себя, но обездвиженный от удара, он сидел и держал в руке нож приятеля. Видимо, нож залетел к нему, в угол галюна, когда Макаров расправлялся со вторым.

Шагнув к нему – «Что ты делаешь?..» – Макаров остановился, и взгляд его остекленел...

– Вы не понимаете... – прошептали губы под маской, и человек, коротко взмахнув, вонзил нож себе в сердце.

Отшатнувшись, Макаров локтем нечаянно разбил зеркало и едва не упал.

– Плохая примета... – прошептал второй, и с маски его капала на пол кровь. Тело раненого трясла мелкая дрожь, он был на пороге болевого шока.

– Что происходит?..

Макаров бросился к нему, но в тот момент, когда упал перед ним на колени, тот издал последний хрип и вытянулся.

Расстегнув комбинезоны нападавших, он увидел у каждого по кобуре под мышкой. Макаров машинально вынул «беретты», осмотрел их и принялся выворачивать карманы покойников. Но ничего, кроме нескольких запасных магазинов к пистолетам, не обнаружил.

Поднявшись, Макаров направился в коридор в состоянии, близком к грогги.

И в этот момент его барабанные перепонки едва не разорвал истеричный женский визг. Раздавался он в другом конце коридора, и Макаров бросился туда, сбивая выходящих из кают людей. Мимо него пробежал кто-то, прокатилась волна воздуха, и в темноте и вспышках нескольких зажигалок Макаров потянул носом. Уже слышал он этот отвратительный запах, но где?..

Впрочем, в таких условиях он мог исходить от кого угодно.

Мысли его сбились, когда он увидел Дженни и спешащую за ней Берту.

– Я же сказал, носа не высовывать!.. – рявкнул он. – Где Питер?!

Через минуту он был рядом с каютой Кати. Сидя на полу, она сжимала голову руками и смотрела, как тяжело, словно подневолью, дышит Левша.

– Что с ним?!

– Не трогайте его!.. – прокричал Донован, отгаликивая. Кажется, он успел заметить предмет, который торчал из живота раненого.

И вдруг Макарова словно ослепило.

Он выпрямился, будто это помогало ему вспомнить.

– Запах...

Он почувствовал этот запах в тот день, когда впервые увидел проволоку. Этот запах тогда преследовал его всюду, куда бы он ни пошел.

– Гоша... Нет... Артур! Артур, возьми автомат!..

Взъерошенный, полусонный, Артур заскочил в каюту Левши, держа в одной руке «узи», во второй – свою грязную рубашку.

* * *

– Здравствуй, мальчик. – Мягко, но уверенно нажимая на дверь каюты, неизвестный Питеру человек в синем комбинезоне вошел и заперся.

Питер не знал, что ему делать – бояться или разговаривать без опаски. Отца не было, Дженни с девчонкой выбежали на крик.

Мужчина между тем прослушал за спиной топот ног, взял мальчика за руку и повел в дальний угол каюты. Каюта, как квартира-студия, имела просторный холл со множеством карманов для вещей моряков и дальний угол, он уходил вправо, словно поворот коридора. Здесь, судя по количеству розеток в переборке, стоял телевизор, видеоаппаратура, словом, Питер оказался в том углу каюты, где моряки релаксировали после вахты.

– В коридоре появились странные люди, – заговорил незнакомец, и Питер увидел большой черный пистолет с выпиравшей из его рукоятки, как магазин из автомата, обоймой. – Будь рядом, и я тебя не дам в обиду.

Питер сел на прикрученную к полу и стене кровать.

Мужчина сел в потрепанное кресло. Скоро вернутся жильцы этой каюты.

Когда снаружи попытались открыть дверь, а после принялись долбить в нее ногами, он, прислонив палец к губам, прошептал:

– Сидишь здесь. Молчишь, – и показал пистолет. – Понял?

Питер кивнул.

– Пока меня не грохнут, – добавил он, вгоняя в ствол патрон.

Скинув верхнюю часть комбинезона и замотав вокруг пояса рукава, он остался только в черной майке. В кармане его зазвонил телефон. Вынув его, мужчина поднес к уху. Все это время он был спокоен, словно это происходило в людном месте при естественных обстоятельствах.

– Мы не успели уйти, – выслушав ответ, он положил пистолет на кровать рядом, прижал телефон плечом и, вынув из кармана платок, принялся вытирать руки. – Он убрал, но не ее. Левша мертв. И слава богу, потому что он узнал этого идиота. Уходить? Как?.. Да, я знаю, что делать. Не волнуйтесь, я помню, что у меня в Луисвилле дочь. Но если вы ей не поможете, я вас достану с того света.

Закончив разговор, он вынул из трубки сим-карту, а телефон бросил на пол и растоптал. Убедившись, что мальчишка его не видит, сунул карту в щель между стеной и металлическим уголком кровати.

Через минуту дверь каюты выломают. Макарова не остановить. В два лома, взятых со щита, они снесут дверь с петель. Но это будет через минуту.

А сейчас человек стоял посреди каюты, скрестив на поясе руки. Он думал о дочери, оставшейся в Луисвилле. О том, что разыскивается в Англии за ряд тяжких преступлений и что зовут его не Джей, а Генри Уокен. Его хозяин возьмет заботу о дочери на себя, а больше Уокену ничего не было нужно. Так уж повернулась жизнь, что когда-то давно пришлось ему расправиться со священником и двумя женщинами в придорожной гостинице. Этот фат лорд Честертон почти настиг его со своей гвардией, но Хозяин оставил его с носом.

На душе его было легко и беззаботно. На родине его ждала виселица, здесь можно было избежать смерти. Но если он сдастся, никто уже не сможет помочь дочери. Так что смерть лучшая, более красивая, чем виселица, ждала его.

А Питер сидел в другой части каюты и, закрыв глаза, видел этого мужчину, стоящего на коленях. И не мог понять мальчик, как это объяснить....

– Питер! – раздался голос отца. – Ты здесь?

– Ответь ему, – разрешил мужчина.

– Да, папа, я здесь.

– Кто с тобой в каюте, сын?

– Зачем вам знать это, Макаров? – громко произнес мужчина. – Он не один, имя мое вам все равно ничего не скажет. У нас с Питером есть «беретта» и неплохой запас патронов.

– Кто вы такие? Что вам нужно на этом корабле? Питер, с тобой все в порядке?! – Удар в дверь.

– С ним все хорошо, Макаров, перестаньте нервничать.

– Откуда вы знаете мое имя? Кто те двое, что напали на меня в гальюне?

Разговаривать через перегородку было просто. Эхо пустующих помещений разносило этот разговор по всем закоулкам авианосца.

– К сожалению, я не могу ответить вам на этот вопрос. Просто убейте меня, и закончим на этом.

– Вы сумасшедший?

– Нет, провалившийся. – И Уокен стал разглядывать свою ладонь, словно видел ее впервые.

За дверью шло совещание – он это прекрасно понимал. На повестке дня этих дебатов стоит вопрос – что делать, когда в руках сумасшедшего оказался ребенок. И что, вообще, происходит. Как штурмовать каюту, если случайным выстрелом можно ранить или убить маленького мальчика? Или – как не спровоцировать этого бандита на действия в отношении ребенка?

Уокен усмехнулся.

Он никогда в жизни, а при данных обстоятельствах – особенно, не воспользовался бы таким козырем, как ребенок. Он понимал, что отсутствие такого желания кроется не в его любви к детям. Безусловно, можно было бы взять пацана в охапку и потребовать выполнения своих условий. Только сделать это не так, как делают психи. По два часа они базарят через дверь с полицией, а когда весь штат соберется около дома, они требуют виски, пива, миллион долларов в двадцатках и джип до аэропорта. А полиции того и нужно. Ты только дай им времени – часа три-четыре, чтобы их тугие мозги распрямились! А потом они будут работать, как универсальные солдаты. Поэтому и выбирают бобби время для тяжких раздумий. Все

можно было бы сделать проще. Взять салагу на руки, потребовать отвалить от каюты и быстро выйти на улицу. Ни один из них не решится нажать на спуск, если у тебя на руках ребенок! Только делать нужно все быстро и четко.

Но Уокен, стоя посреди комнаты и держа под контролем весь проход до двери, даже не думал о том, чтобы так поступить. Ни при чем здесь любовь к детям, ни при чем... Он не должен отсюда выйти, иначе его разговорят. Среди них есть люди, умеющие развязывать язык. И тогда дочь в Луисвилле... Она умрет. Есть поступки, которые не имеют срока давности. Даже у убийства есть срок, по истечении которого ты можешь избежать наказания. Но есть поступки, за которые потом придется расплачиваться всю жизнь если не перед людьми, то перед собой точно. И еще неизвестно, что из этой дилеммы страшнее. Заслоняться ребенком – это почти то же самое, что убить родную мать или священника. Но разве священник не был убит? Там, в лесу, далеко отсюда. Далеко – не в милях, далеко... чем же измерить это расстояние, если нельзя в милях?..

Вряд ли это понимают те, что сейчас за дверью пытаются быстро выносить и родить какой-то искусный план, пунктов в котором всего два – рыбу съесть и кости сдать? И рассказчика живым взять, и чтобы при этом не пострадал ребенок...

Глупцы.

– Макаров, эй!

– Я хочу быть уверен в том, что ты не сделаешь плохо ребенку! – послышалось после короткой паузы. – После этого будем что-то решать.

– Ты дурак, Макаров. Щенок не при делах. Заходи, и будем решать.

Немного подумав, он поинтересовался:

– Артур рядом?

– Я здесь, урод, – послышался хриплый голос. – Откуда ты знаешь наши имена?

– Это долгая история!

– Так выйди и расскажи ее нам. Выйди и сдайся. Какой смысл упорствовать? Ты лучше меня знаешь, чем это закончится, зачем превращать фарс в трагедию?

– Вы не понимаете... Вы ничего не понимаете, несчастные...

Тема исчерпана. Это понимали все.

После таранного удара дверь затрещала, как падающая сосна на лесоповале. Дымясь ржавчиной, она обрушилась на пол.

Уокен мгновенно вскинул руку перед собой и четырежды выстрелил из пистолета. Он не раз бывал внутри помещения в тот момент, когда двери в него выбивали бобби. И он прекрасно знал, что, стреляя наудачу в проем двери, в любом случае найдешь свою жертву.

Но на этот раз в штурме участвовали дилетанты. А чего ждать от них – одному богу известно, этим они и опасны. Все четыре выстрела ушли в дверной проем, пули загудели по коридору, никого не задев.

Уокен, ожидая ответной стрельбы, юркнул за простенок. Уже в следующее мгновение он смотрел, как на месте его недавнего стояния пистолетные пули дырявят переборку каюты. Опоздай он на мгновение, и эти отверстия, что сейчас дымились в листовом железе, были бы входными отверстиями в его теле. Едва звуки выстрелов смолкли, он опустил на колено, вынырнул из-за угла и полностью разрядил магазин в сторону коридора.

«И на этот раз, кажется, мимо...»

Чувствуя, как начинает бурлить кровь, Уокен прижался спиной к стене. Ствол его пистолета дымился, как носик заварного чайника. Отщелкнув длинную обойму, он вынул из кармана новую, вогнал в рукоятку и щелчком вернул затвор на место.

– Макаров, вы живой?

– А что со мной станет? – После паузы: – Быть может, как раз наступило время решать?

Едва Уокен услышал шорох за стеной, он тут же выбросил за перегородку руку и нажал на спуск.

– Черт! – послышался вопль.

– Артур, я в тебя попал, что ли? – удивился Уокен. – Я думал, в Макарова...

Говорят, что если пуля – «твоя», то ты никогда не услышишь выстрела. Кусок свинца в стальной упаковке находит твоё тело быстрее, нежели звук выстрела – твой слух. Но это если сидеть лицом к стреляющему. Уокен слышал «свой» выстрел. Пуля, прошившая перегородку, как игла кусок масла, ударила ему в лопатку с такой силой, что он ударился лбом о собственные колени. Дикая боль и мгновенный паралич правой руки заставили Уокена закричать...

Этот крик был настолько страшнее выстрелов, что Питер сжался и лег на кровать...

Этот дикий крик, разнесшийся по всему коридору через выбитую дверь, вселил в души находившихся на авианосце людей смертельный ужас. Так воет волк, попавший в капкан. Он боится не смерти, а её приближения...

Поднять с пола пистолет было уже невозможно. Наклониться мешала все та же боль. Раздробленная лопатка позволила Уокену лишь встать на колени и в таком виде предстать перед спокойно входящими в комнату Макаровым и Артуром.

Он стоял на коленях и растерянно улыбался...

Он посмотрел на Артура.

– Жалкая тварь... – прошипел тот и, выхватив из ножен нож, двинулся к Уокену.

И в этот момент зацепился сандалией за порожек, и руки его, разжавшись, уперлись в пол. Нож вылетел из его руки и скользнул по рубчатому полу к Уокену.

– Проклятье! – взревел, кривя лицо, Артур.

Макаров, который никак не мог добраться до Питера – он даже не видел его из-за широкой спины Артура, втолкнул того внутрь и ворвался в каюту. Но было поздно.

Окровавленный, с перекошенным лицом, с бледным, как саван, плечом неизвестный проскочил мимо него в дальнюю часть каюты.

И наступила очередь бледнеть Макарову, когда он увидел, как появляется из-за угла Питер. У шеи мальчика был нож. Одно движение, и головка его сына повисла бы на одних позвонках...

– Я сделаю все, что ты хочешь... – прохрипел Макаров. – Все... Только отпусти его. Если тебе нужен заложник, возьми меня...

– Вы не понимаете... Вы ничего не понимаете!

Закончив сверкать глазами, Уокен прижал к себе Питера и закричал срывающимся голосом:

– Стоять!.. Не двигайтесь, если хотите видеть пацана живым!.. Макаров, покажи мне свои руки!..

– У меня нет оружия, – ответил он, разжал пальцы, и под ноги его упал один из тех пистолетов, что он забрал в гальюне. – Теперь я безоружен. Давай поговорим. Мне нужен мальчик. Верни его мне, и я попытаюсь решить все твои проблемы.

– Папа... – произнес Питер.

Уокен посмотрел на Артура...

Выстрел.

Как много людей спасает один только выстрел. И как много перечеркивает в этой жизни одно нажатие на спуск...

Глядя, как безвольно падает тело неизвестного, Макаров на негнущихся ногах подошел к сыну, рухнул перед ним на колени и схватил его так, что у мальчика перехватило дух.

Пуля, выпущенная из «узи» Артура, прошла в десяти сантиметрах над головой мальчишки и врезалась в переносицу Уокена. Выворотив кости черепа, она расшвыряла их по всей стене и ушла в окно иллюминатора.

Глядя, как по полу каюты, скрипя подошвами кроссовок по рубчикам пола, сучат ноги неизвестного, Макаров почувствовал усталость. Сокрушающую его, валящую с ног усталость. Мгновенно посерев лицом, он вместе с Питером опустился на стоящую рядом кровать.

В каюте пахло сгоревшим порохом и кислым запахом человеческого пота – того пота, что впервые почувствовал рядом с собой Макаров в тот день, когда увидел проволоку. Этот человек шел за ним по джунглям, ориентируясь как дома.

И теперь он был мертв.

В полной тишине до Макарова донесся едва слышимый щелчок поставленного на место предохранителя.

– Я твой должник, Артур.

– Пустое.

– Если когда-нибудь тебе понадобится моя жизнь, возьми ее.

– Я тебя услышал.

– Питер в два раза ниже его... Если бы ты выстрелил в грудь ему, он бы мог говорить...

Артур изумленно посмотрел на того, жизнь сына которого только что спас.

– Прости, – опомнился Макаров и выбросил вперед руку, – прости идиота... Я просто сошел с ума...

– Все мы здесь скоро сойдем с ума.

И Артур, перешагнув через десяток гильз, вышел в коридор.

– Уйдите же прочь, что вы здесь роетесь! – кричал он там. – Дайте человеку поговорить с сыном!..

Но услышал Макаров сквозь боль борьбу и скорее почувствовал, чем увидел, как в каюту ворвалась Дженни.

– Питер...

Бросившись к мальчику, она обхватила его голову руками и затряслась в рыданиях.

– Папа...

И это Макаров скорее почувствовал, чем услышал. Подняв взгляд, он посмотрел на сына.

– Папа, тот человек, с третьего катера... Он не из тех, кого привел Левша...

Макаров сглотнул шершавый комок.

– И он сейчас рядом с солнцем, – зывал Питер, требуя от отца реакции.

Еще минуту отец сидел неподвижно, заглядывая в глаза сына. А тот совершенно спокойно поднял брови и сказал:

– А этот ни за что не убил бы меня. Я видел его мертвого, когда он стоял на коленях.

– Но он был тогда еще жив... – машинально прошептал ему отец на ухо.

– Нет, папа, он был уже мертв. Нож был ненастоящий.

Часто моргая от перегрузки, Макаров выпустил Питера из рук и поднял лежащий на полу нож. Едва прикоснувшись к нему, можно было порезаться.

– О чем ты говоришь, сынок...

– Человек с третьего катера, папа. Он рядом с солнцем.

Сунув мальчика Дженни, которая вцепилась в него так, что не нашлось бы сил у всех, кто был на авианосце, чтобы отнять его у нее, Макаров бросился в коридор. Проверив на бегу поднятый с пола пистолет, он крикнул Артуру:

– Быстрее за мной!

Не раздумывая, Артур бросился следом.

Макаров стоял на самом краю палубы. Солнце поднялось над джунглями, окрасив равнину в одинаковый серый цвет. И по серебряному полотну этому, падая, поднимаясь и снова падая, убегал в джунгли человек...

Он бежал навстречу солнцу.

Обхватив трос – изготовленный Гошей подъемник, Макаров, рискуя в кровь разодрать руки, соскользнул на землю. Следом, держа в зубах ремень автомата, свалился Артур.

– Что происходит, капитан?!

– Ответ знает тот, кого мы сейчас должны догнать...

Глава семнадцатая

«Бежать, бежать...» – свербило в голове человека.

Весь ужас того, что он совершил полчаса назад, стал обосновываться в его разуме лишь сейчас. Словно на листе белой фотобумаги, опущенной в проявитель, перед его глазами стало проявляться его будущее.

Прав ли он был тогда, вонзая нож в койку?

Какая разница. Он должен был убить ее.

Тот подвернулся некстати. И он узнал его. Проклятье!..

Он был прав. Не убей он, убили бы его. «Кассандра» вернулась бы, и – ему конец. Деньги уплачены, слово дано, и он уже не смешлив, как патологоанатом.

– Господи, воля твоя... – твердил, обливаясь потом, он. – На кой черт я согласился? Деньги можно было заработать иначе... Почему все так? Где справедливость?..

Ее не было. Убийца обращался к небу, уперев взгляд в черный потолок, но ответом ему было лишь презрительное молчание. Он просил о самом малом – о покое и свободе, но даже этого казалось слишком много тому, к кому он обращался.

Выждав несколько минут после последних своих вопросов, мужчина глухо рассмеялся. Когда-то, несколько лет назад, ему пришла в голову мысль о том, что он будет делать, когда окажется в безвыходном положении. Лежа на кровати, в тишине ночи, он придумывал для себя неразрешимые ситуации и всегда находил из них достойный выход. Не было ни разу, когда бы он, в своих мыслях, в чем-то проиграл. Он выходил из окруженного дома, прыгал с крыши в кузов проезжающего грузовика и терялся в городе, уплывал от преследователей на лодке и даже без промаха стрелял. Два года пролетели незаметно, и теперь, словно в отместку за его наивные фантазии, судьба поставила его перед одной из тех проблем, которые казались ему плевыми на диване. Он один на острове, без помощи. У него есть второй нож и пистолет, он знает все об искусстве сыска, но поможет ли ему это?

Он убежал к берегу. Теперь придется скрываться и выживать одному. Но это не могло длиться вечно. Вечно теперь можно было лишь убивать. Весь лимит прощения он выбрал сразу после того, как убил Левшу. Господи, но почему именно его?! Почему не зашел этот наркоман-продюсер?!

Внезапно успокоившись, он сбавил ход и посмотрел на нож.

Взяв его и повертев перед глазами, он стал рассматривать его так, словно видел впервые. По всей видимости, зрительный анализ его не удовлетворил, так как он сунул его за ремень брюк и вытянул из кармана пистолет.

Он был уже глубоко в ослепленных солнцем джунглях. Это не время Тех, кто нападает со спины. И авианосец остался в нескольких милях севернее. Вынув магазин, он сосчитал патроны. Их было восемь. Защелкнув магазин в рукоятку, мужчина опустил пальцем предохранитель. Теперь осталось всего два движения. Оттянуть и отпустить затвор, после чего выбрать под этой пальмой цель и нажать на спуск...

Когда холодный, пахнувший ружейным маслом металл до отказа погрузился в его рот, он зажмурился...

Осталось всего одно движение. Движение, которое здесь не заметит никто! Аккуратно выжать большим пальцем правой руки чувствительный крючок...

Боли не будет. Наоборот, перестанет ныть рука, и эти раздирающие сердце сомнения прекратятся, словно их и не было...

Когда свободный ход спуска закончился и палец уперся в препятствие, преодоление которого – самое простое дело в этой жизни, он не выдержал...

«Вальтер», выскользнув из мокрых ладоней, скатился на колени, сорвался с них и нырнул в траву. То, что казалось самым простым, оказалось невозможным.

И в этот момент он понял, что его ничто больше не пугает. Секунду назад он стоял на пороге вечности, и в то мгновение понял, что нет ничего, что было бы хуже. Ему тридцать один год, и убить себя в тот момент, когда жизнь только что начинается, было бы глупо. Пусть нет покоя, пусть по следу идет враг!.. Но он жив!! Он борется, сражается за каждую секунду своей жизни, и кто сказал, что эта жизнь никому не нужна? И пусть эти ублюдки, что топчут поляну за его спиной, подавятся пониманием того, что он жив и даваться в их руки или руки смерти не собирается.

– Какой же я был дурак...

Когда он поднимал пистолет и ставил на предохранитель, его руки не дрожали.

Через два часа он почувствовал такой голод, что ослабли ноги. Он уже не мог видеть эти бананы и орехи. Он хотел кусок мяса. Этот кусок – огромный, сочащийся и потрескивающий прожаренной корочкой – он стоял у него перед глазами и мешал думать. Вслух проклиная свою долю и нещадно матеря каждую муху в отдельности, он приближался к берегу. Туда, куда должна была прийти «Кассандра». Туда, где должен был подобрать его катер с нее.

Но голод перебил все планы. Когда-то давным-давно, в детстве, читал он одну книгу. Он не помнил ни автора, ни названия ее, ни содержания. Запомнился лишь эпизод, когда какой-то человек шел по какому-то лесу. Шел в каком-то направлении и неизвестно зачем. За ним по пятам шел волк. Они оба хотели есть, но есть было нечего. Волк ждал, пока с голоду издохнет человек, а человек очень хотел, чтобы первым помер волк. Нюансы произведения он вообще не помнил. Самым ярким впечатлением после его прочтения для него стал эпизод, когда человека подбирают какие-то добрые мужики и до отвала кормят. И еще дают добавку, на всякий случай. А потом спасенный несколько месяцев крал сухари на кухне и набивал ими матрас, хотя никакой необходимости в этом не было... И вот, к концу второго дня пути из головы Лиса выветрилось все, за исключением желания увидеть перед собой кусок жареного мяса.

Лес закончился неожиданно.

И когда он увидел на поляне крошечных антилоп – какое-то подобие спроектированных и втрое уменьшенных оленей, сердце его забилось ожесточенно и жадно. Он хотел мяса. И желание это было сильнее желания удалиться от авианосца.

Вернувшись в лес и стараясь не слышать свистящих звуков внутри желудка, он сел на траву и стал проводить рекогносцировку. Глаза его неотрывно следили за двумя антилопами, по очереди жующими траву. Он знал – спасет один-единственный выстрел. Промажь – и эти две антилопы испарятся, как дымка у водопада. Броуновское движение, что царило сейчас внутри него, вызывало в воспаленных глазах человека боль. К чувству голода стало добавляться чувство злости. Именно ненависть, разливающаяся внутри, отличала сейчас его от волка. Волк способен убить. Но не чувствует при этом ненависти...

Встав на одно колено и опершись локтем в другое, он решил не выматывать себя долгим выжиданием. Чем дольше ждешь, тем сильнее трясутся руки. Он просто взял в прицел одну из антилоп и нажал на спуск.

Видя, как ее сбило с ног выстрелом, он засмеялся от радости. Выхватил нож и бросился на поляну. Агония антилопы его не интересовала. Она лежала перед ним, и подергивание ее ног носило уже вялый, ленивый характер. Не желая более терпеть голод, человек стал неумело сдирать шкуру с еще не умершей овцы... Когда под пыльной серой шерстью показались две освежеванные ноги, он не выдержал. Несколькими движениями он отчленил конечности и повесил их на сук. Теперь оставалось лишь разжечь костер...

* * *

Первое, что почувствовал Макаров, когда они спустились с холма в пяти милях от авианосца, был сочный запах дыма. Он тянулся из глубины леса и усиливался с каждым мгновением. Пройдя еще около ста метров, оба преследователя остановились. Под их ногами лежала растерзанная антилопа. Чьи-то жадные лапы неумело расчленили животное до половины, да так и оставили. Зверь так не поступит. Сглотнув слюну, Макаров поднял глаза. На высохшем суке дерева висели две освежеванные задние ноги антилопы. А под ними, тлея ветками и выпуская из-под них дымок, умирал так и не почувствовавший жизнь костер...

Неизвестность пугала, а адреналин сводил этот страх на нет. Странное агрегатное состояние организма, когда ноги сковывает лед, тело бурным водным потоком рвется вперед, а от головы пышет жаром. Макаров испытывал его всегда, когда чувствовал опасность. Тот случай, когда удар может быть нанесен из-за угла. Можно в одно мгновение, даже не почувствовав боли, потерять жизнь.

Или, сходя с ума от мучений, умереть от боли.

Как эта антилопа.

Он не хотел умирать. Первая же из пуль, выпущенная из оружия преследователей, ранила его в бедро. Пустяковое сквозное ранение, которое в стационарных условиях даже не рассматривается как угроза здоровью. Но это только тогда, когда остановлено обильное кровотечение, прозондирована рана и наложена антисептическая повязка. Остается соблудности постельный режим и глотать витамины. Беглец был лишен всего. Даже куска веревки, чтобы перетянуть бедро.

Опираясь на здоровую ногу, он скакал к берегу. Как к спасительному рубежу, где его ждет отдых и еда, покой и защита. Животное чувство голода не смогло прогнать боль. Человек, углубляясь в лес, окончательно потерял человеческий облик. Он икал и рычал, видя перед собой прожаренную до хрустящей корочки антилопию ногу... Скулил, когда картинка сдвигалась и перед его взором вставали могильные стены каюты авианосца. Остатка его сознания хватало лишь на то, чтобы подсчитать остаток жизни, если вдруг эти двое его – а он уже узнавал их – настигнут...

И вот теперь его жизнь не стоит ничего. Эти волки загонят его душу в преисподнюю раньше, чем он доберется вон до того леса...

Глухо матерясь, роняя слюну и кашляя, человек завалился за толстый ствол дерева. Ах, если бы сейчас оказаться в сотне километров от этого места! Даже на плоту – в открытом океане! Он согласен даже на шторм! Пусть – рана! Ее можно вылечить! И жизнь тогда направится в другом направлении... правильном...

Но окрик из леса, упомянувший его имя, заставил убийцу вернуться из мира иллюзий в проклятый лес...

– Лис! Шевельни мозгами, если они у тебя еще остались! Ты ранен, патронов у тебя ровно столько, сколько нужно, чтобы застрелиться! Ты уже никуда не уйдешь. Брось пистолет и выходи! – Артур говорил, прижавшись спиной к дереву. Он сидел лицом в сторону Макарова, поэтому, обращаясь к Лису, кричал куда-то в небо. – Через полчаса ты упадешь от потери крови!

Ответом была тишина.

– Он думает, – объяснил ее Макаров. – Видимо, есть смысл ускорить этот процесс...

Встав на колено, он трижды выстрелил в дерево, за которым лежал Лис.

– Оставьте меня в покое!.. Я не хотел это делать, но я... Но я нуждался в деньгах! Я погряз в долгах! Вы должны меня понять!

Бессмысленный вопль Лиса унесся к верхушкам деревьев.

– О чем он?

– А ты спроси у него, – посоветовал Макаров.

– Лис, ты о чем? – крикнул, высунув голову, Артур.

И тут же едва успел убрать ее. В десяти сантиметрах от его затылка пуля сколола с дерева щепку.

– Я должен был убить ее, мне заплатили, мне хорошо заплатили за это дело! Я не хотел убивать Левшу...

– Он жив, идиот! – прокричал Макаров. – И Катя жива! Тебе осталось только извиниться за нервный срыв! Все мы здесь немного нравственно поиздержались!

Лис недолго думал. Он высунулся из-за дерева и дважды выстрелил в сторону врага. Когда на головы Макарова и Артура упали последние ветки, первый спросил:

– О каком количестве патронов мы можем судить?

– У него «вальтер» со штатным магазином. Восемь патронов. Если предположить, что антилопу он повалил с первого выстрела, то сейчас в его пистолете один патрон.

Макаров посмотрел на Артура.

– Я хочу, чтобы он выжил. Чтобы хоть одна загадка получила ответ на этом чертовом острове!

– Не можешь простить мне, что я убил того типа?

Макаров отвел взгляд и покачал головой.

– Я твой должник, я уже сказал. До конца жизни. Запомни это.

В двадцати метрах от них снова началось движение.

– Убирайтесь на свой эсминец, дайте мне передохнуть! Я ни в чем не виноват! Ты лжешь, Макаров! Я всадил Левше нож в живот по самую рукоятку. Примет ли он мои извинения?!

По очевидной противоречивости речи Макаров понял, что нужно действовать. Иначе, чего доброго, Лису придет в голову выстрелить себе в голову. И появится на этом острове еще один неразговорчивый свидетель.

Артур нервничал. Он это понимал, поэтому, отложив в сторону пистолет, растирал себе лицо. После этого выступления о сдаче Лиса в плен не могло быть и речи.

Но его опередил Макаров. Оставив на траве пистолет, он одним рывком забросил свое тело в чашу.

– Куда?! – яростным шепотом прошипел Артур. – Он через час отключится и без штурма!..

– У меня нет часа, – донеслось из кустарника. – Буду признателен, если ты с этим отморозком заведешь беседу...

По едва заметному шевелению верхушки кустарника, того самого, с огромными белыми цветами, было видно, что Макаров ползком обходит место лежки Лиса. Поняв, что спорить бесполезно, Артур вернулся на прежнее место и гаркнул:

– Лис! Ты только одно ответь, только одно! Зачем тебе понадобилось убивать Катю? Мы хотим знать обстоятельный ответ! Пока ты еще в состоянии соображать, я хотел бы тебе кое-что объяснить...

Он старался говорить, не прерываясь на логичные паузы. Обстоятельства требовали, чтобы он без остановки забивал голову Лиса бестолковой информацией. Его внимание нужно было отвлечь от Макарова, который сейчас был всего в нескольких метрах от своей цели...

Лис прижимался к земле и слушал Артура, пытаясь сообразить, что от него хотят. Умом он прекрасно понимал, что за убийство Левши его вряд ли простят, такое не прощается. Однако сердце умоляло: «Обманись, Лис! А вдруг Левша и вправду жив? Царапнул его по животу, а показалось в запале, что чуть не насквозь проткнул! А за девку эту вообще предьявить нечего – жива, значит, не убил!..»

Но едва Артур закончил говорить, как из кустов на Лиса набросилось что-то страшное. Не издавая ни звука, теперь уже хорошо узнаваемый Макаров одним ударом выбил из его руки пистолет, а вторым...

Какие разрушения произвел второй кулак, Лис уже не помнил. Голова его после страшного по силе удара дернулась в сторону, и он потерял сознание.

Лежа рядом с бесчувственным Лисом, Макаров и Артур жадно сдирали зубами с обструганных веток куски жареного мяса и, почти не жуя, глотали.

– Когда мы уходили, Левша еще дышал... – глядя куда-то в просвет между пальм, проговорил Макаров.

Глава восемнадцатая

Он дышал и сейчас...

Уложенный на стол и хрипящий, он обливался потом, а рядом с ним, держась за подбородки, стояли Нидо и Донован.

– А я говорю, вынимать нож смерти подобно. У него пневмоторакс, повреждение внутренних органов! Изъятие лезвия приведет к обильному внутреннему кровоизлиянию!

– Я живу в предместье Манилы, мистер Донован, – отвечал ему Нидо. – Там втыкают ножи в животы чаще, чем режут ими лук. Я спас троих таких.

– Гм! А скольких вы не спасли?

– Восьмерых.

– Гениально, коллега! – Слово «коллега» Донован постарался произнести как можно язвительнее. – Семьдесят пять процентов смертности. У вас фантастические показатели.

– Но я выполнял операции без инструментов и оборудования, мистер Донован.

– То есть вы – шарлатан?

Скрипнула дверь. Уставшая Дженни вошла и, не скрывая слез, подошла к доктору.

– Этот человек спас Берту. Пусть он спасет и его...

– Это сумасшествие, Дженни! – запротестовал Донован. – Вы хотите, чтобы я, врач, позволил человеку без медицинского образования оперировать голыми руками находящегося в коме больного?

– Док...

В каюте повисла оглушительная тишина.

– Док... Пусть он делает...

Стиснув зубы так, что на лбу и висках, и даже под закрытыми глазами вздулись вены, Левша выдавливал каждое слово.

– Это я... зата... щил его... на этот... проклятый... Пусть... делает... Это мне... там и видно... бу... дет...

Не выдержав, Дженни, чтобы с губ не сорвался крик, закрыла рот ладошкой и выбежала.

Она мчалась по коридору к каюте, где до сих пор на полу лежал труп пленившего Питера мужчины. Дверь в каюту была закрыта, Питер и Дженни давно находились в другой, но Дженни, обезумев и рыдая, бежала к той, куда они входили вчера вместе с Макаровым...

Она еще не знала, что произойдет через минуту...

Левша слышал каждое слово молитвы. Он видел руки Нидо, он чувствовал во рту вкус собственной крови.

Сознание его то улетало куда-то вверх, оставляя его одного на столе, то с силой втискивалось обратно. И тогда он снова видел Нидо.

В ту минуту, когда хилер взялся за рукоять торчащего из него ножа, Левша подумал о том, сполна ли он заплатил за свой грех. Макаров проронил мысль о том, что все здесь отбывают наказание. За что отбывает он?

Мари...

Все эти месяцы без нее он винил в ее смерти только себя.

Нож вышел из его тела, Левша дернулся и открыл глаза.

Руки Нидо по самые запястья были погружены в его тело...

* * *

Его ждали, несмотря на опоздание. Темно-синий «Лексус» с совершенно черными от тонировки стеклами кособоко замер на краю дымящейся ямы и всем своим видом опровергал теорию о том, что есть вещи, которые не могут находиться рядом по определению.

Левша остановил «Мерседес» за полста метров от джипа, заглушил двигатель и вышел. В ноздри моментально ударил отвратительный запах тлеющих тряпок, плавящегося целлофана и гнилой рыбы. Яма, которой не было видно конца, напоминала врата ада. Одна из свалок на окраине Парижа. Все правильно. Такие дела в таких местах и должны решаться. Левше на миг показалось, что где бы грешник ни отдавал богу душу, после приговора Высшего суда его поволокут обязательно сюда.

По всей видимости, в машине сидел некто, кто знал его в лицо, так как из машины вышел невысокий парень в черной рубашке и, переваливаясь с ноги на ногу, направился в его сторону. Крепыш, каких в обойме Дебуа, очевидно, видимо-невидимо. Тем временем траурного вида атлет подошел к «Мерседесу» и взглядом профессионального угонщика оценил его.

– Я должен тебя осмотреть.

– Ты терапевт?

– Побереги свои шуточки для других идиотов.

– Для других идиотов у меня другие шуточки. – Вынув из кармана «беретту», Левша положил ее на капот «Мерседеса». Позволил похлопать себя по бокам.

– Мсье Дебуа велел взять у тебя кое-что, – спокойно бросил атлет.

Да, после того как у Левши даже не спросили имени, можно было смело утверждать, что в машине сидит человек, знающий его лично. Скорее всего один из тех, кто дубасил его в «Бристоле».

– Заодно мсье Дебуа спрашивает, успеешь ли ты к указанному времени на встречу в Булонский лес. Если нет, он согласен переназначить встречу.

Любезно с его стороны.

– Малыш, если мне что-то нужно будет передать ублюдку по имени Дебуа, я обойдусь без тебя.

– Ты можешь опоздать, – упрямо настоял крепыш, выполняя указания хозяина.

– Из-за тебя. А сейчас я хочу видеть кого-нибудь из тех, с кем я познакомился в «Бристоле».

Крепыш пожал плечами, повернулся и лениво направился к джипу.

Дальше произошло то, что Левша ожидал меньше всего. Из левой задней дверцы, в грязь, на самый край ямы, вышел один из хорошо знакомых ему громил Дебуа. Тот самый, что в номере «Бристоля» старался больше всех.

Левша сунул руку во внутренний карман и вынул тубус. Показал его всем и нарочито медленно уложил на щетки своей машины.

А потом скинул пиджак, выправил из брюк рубашку и отправил ее на капот «Мерседеса» вслед за пиджаком. Снимая часы, он быстро скользнул взглядом по циферблату. В его распоряжении тридцать две минуты. По их истечении он обязан быть в Булонском лесу, где Дебуа передаст ему Мари в обмен на тубус. Тубус был с ним, и Левша готов был отдать его, чтобы соблюсти договоренность, но перед тем, как получить Мари, он испытал непреодолимое желание поговорить.

С улыбкой приблизившись, громил сплюнул в яму и потянул свой пиджак за плечи.

– Ты знаешь, кто я?

Конечно, Левша знал. Неоднократный чемпион Парижа по боксу. Имя его, правда, Левша забыл.

И теперь этот мужик стоял перед Левшой, пытаясь понять, что может ему противопоставить этот хотя и крепкий, но все-таки не боец. Час назад произошла неприятная сцена.

– Кто?! – орал Дебуа, и от его крика дрожал хрусталь под высоким потолком. – Кто это сделал?!

– Вы сказали делать с ней все, что захочется.

Дебуа в порыве ярости даже не нашелся, что ответить. Проведя по лицу рукой, словно смахивая паутину, он прошелся по комнате и снова закричал:

– Я сказал – делать все, что угодно, но я не сказал – убить!..

Четверо его людей в расстегнутых рубашках, разгоряченные недавним изнасилованием, а после и убийством, виновато мялись на месте, не решаясь ответить.

– Эту женщина, – шептал Дебуа, соображая, как теперь разговаривать с Левшой, – я просил привезти сюда. Ее можно было трахнуть, но не...

Договорить он не успел. В его кармане запищал телефон. Выдернув его одним движением, Дебуа рявкнул:

– Да!

И услышал голос Левши.

Люди Дебуа стояли вокруг кровати с окровавленной женщиной и следили за тем, как меняется цвет лица их хозяина от бордово-красного до иссиня-белого. Стоял и смотрел вместе со всеми и боксер. И он понятия не имел, что натворил. Странно, но он до сих пор не понимал, почему хозяин так взбешен.

Телефон полетел в угол комнаты.

– Ты!.. – Он тыкал в лицо боксеру пальцем, как жалом отбойного молотка. – Лично ты поедешь на свалку, на встречу к Левше!.. Лично ты привезешь мне тубус! И если ты не сделаешь этого, я переломаю тебе все кости и брошу на ту же свалку, ты понял, кретин?!

В углу опять затрещал телефон, и Дебуа опять отвлекся. Судя по всему, и в первый раз, и во второй он разговаривал с одним и тем же человеком – не было ни приветов, ни прощаний.

– Филипп, как договорились. Ты привозишь на свалку тубус и отдаешь, после чего мои люди сопровождают твою машину до Булонского леса. Там я тебе ее отдам...

Брезгливо поведя рукой в сторону кровати, он пробормотал:

– Заберите эту мразь и отвезите куда-нибудь. Заройте, что ли...

Час прошел, и Левша перед его глазами. Сейчас все закончится. И непонятно лишь одно – чем?

Сплюнув, боксер разместился на импровизированном пяточке. Боксер, если речь идет не об идиоте, никогда не ударит первым в быту. Он хорошо знает, что на первый и последний удар у него всегда хватит времени. И хорошо понимает, какие последствия для противника наступят после этого удара. Но эта идея теряет смысл, когда разговор идет один на один, на краю помойной ямы. И человек Дебуа ударил первым...

Мгновенно отшатнувшись, Левша прослушал свист руки перед своим носом, но не увидел ее. Шагнул назад и снова вернувшись вперед, коротко бросил:

– Чемпион Парижа, значит...

– Убью, мразь... – пробормотал его собеседник, просчитывая расстояние и начиная движение по «рингу». Запах дорогого одеколona от противника его бесил.

Левша улыбнулся. Для них обоих тактика поведения была близка и понятна. На ринге противника нужно прижать к канатам, тут – к краю ямы. Боец, рассчитывая на двойку «правый хук – левый прямой» рванулся, вперед и на первом же движении поймал рукой пустоту, а печени – сокрушительный удар слева.

Вынырнув из-под провисшей руки чемпиона Парижа, Левша отшатнулся в сторону и прямо перед собой увидел его висок. Весь разговор можно было закончить прямо сейчас, и на встречу к Дебуа ехать со скоростью не сто двадцать, а сто километров в час. Но Левша желал не этого.

– Любитель? – поинтересовался он. – На профессиональный ринг ни разу не выходил?

Теперь пришлось не нырять, а отбрасывать тело на несколько шагов в сторону. Перед ним несколько раз мелькнуло позеленевшее после удара в печень лицо соперника, и на третий раз тот все-таки его достал. Костяшки мизинца и безымянного пальца уже на излете чиркнули его по губе, и Левша почувствовал во рту солоноватый привкус. Это был первый удар, который достиг цели, и боксер на секунду замешкался, оценивая урон, нанесенный врагу. Десятая доля секунды, когда его подбородок оказался незащищенным снизу...

Глубокий мощный апперкот с разворотом туловища развернул тело человека Дебуа по такой дуге, что на миг Левше показалось – голова оторвалась.

Удар пришелся гораздо глубже, чем на это рассчитывал Левша, его кулак вонзился не в сам подбородок, а под всю нижнюю челюсть. Пыль, вылетевшая из-под тела рухнувшего боксера, заставила Левшу слегка расслабиться и немного подождать. Но тот пришел в себя очень быстро. На его лице прибавилось немного крови от прокушенного языка, и, помимо воли, из слезоточков выступила влага. Это не плач, это банальная реакция организма. Двадцативосьмилетний громила сдаваться или молить о пощаде даже и не думал. Он хотел убить. А это уже не реакция, это воля...

Стычка продолжалась, и скорость перемещения по городу до места предстоящей встречи увеличивалась километр за километром. Но парень сам снял все вопросы дальнейшего поведения своего противника. Боксер из него вышел. Остался простой мужик, которого жажда жизни пинает под зад и торопит совершать ошибки. Унижаться красивым боксом с уличным драчуном он посчитал ниже своего достоинства. Быстро наклонившись, он схватил валяющийся в пыли метровый обрезок строительной арматуры и, недолго думая, стал совершать движения бейсболиста, выбивающего мяч в поле. Второе, третье, четвертое...

Левше лишь оставалось дожидаться момента, когда тот увлечется...

На очередном взмахе он поймал бойца Дебуа на противоходе и с силой впечатал кулак в переносицу. Это удар не для тех, кто ловит фортуна за фалды на первенстве Франции. Это удар,

разящий неудачников. Металлический прут, описав полукруг, упал на жидкий кустарник и исчез из поля зрения.

Левша не видел прут. Он видел лишь злое, окровавленное лицо негодяя, который отбивал ему почки в номере отеля «Бристоль».

И рассудительный вышел из Левши так же, как вышел из громилы боксер. Последний уже почти потерял сознание от ударов, похожих на заводской молот, и шагал спиной вперед уже в глубоком нокауте. Упасть ему не давали лишь новые удары. Кровь, словно с кропила батюшки при освящении, слетала с его лица и, врезаясь в сухую пыль, превращалась в невидимые комки. Наконец наступил момент, когда все должно было закончиться.

Встав на колени над поверженным врагом, Левша отвел за плечо руку, собираясь обрушить ее в последний раз на его переносицу. Он знал, что за этим последует. Сломанные повдоль кости носа вонзятся в мозг, и грузное тело, зайдя в агонии, через минуту затихнет.

Время шло, а он смотрел на хлюпающие кровью губы бандита. Оставалось нанести единственный удар, но... он не мог его сделать. Не боялся, что на плечах повиснет труп, нет. Ему просто не хотелось убивать. Тот, что пылал в нем ненавистью, уступил место рассудительному.

Отвернув лицо от кровавой маски, Левша сплюнул и, пошатываясь и отряхивая на ходу брюки, направился к машине. Он знал, что люди в джипе караулят каждое его движение. Он знал, что сейчас у него будут забирать тубус. Иначе Дебуа не Дебуа.

Шаги сзади он воспринял как должное. Приехали они втроем. Им показалось, что этого достаточно.

Накинув пиджак, Левша, стоя спиной к приближающемуся к нему с пистолетом на вытянутой руке крепышу в черной рубашке, заглаживал назад волосы.

– Сейчас ты отойдешь от машины и позволишь мне взять тубус...

– Конечно, – ответил Левша, наклоняясь и отряхивая брючины у самых туфель.

Крепыш потянулся за тубусом.

Выхватив из кобуры под штаниной крошечный «браунинг», Левша, не разгибаясь, нажал на спуск. Потом еще раз. Швырнув игрушку в яму, он одной рукой перехватил из руки падающего крепыша «беретту», а второй смахнул со щеток тубус.

– Сидеть не шевелясь! – прокричал он, стремительно приближаясь к машине. Когда до нее оставалось не более пяти метров, приказал громко, резко: – Открыли все двери, быстро!

В стороны откинулась дверца водителя и дверца пассажира. Значит, четверо, а не трое...

Прицелившись в правую половину стекла, Левша нажал на спуск. В стекле тотчас образовалось запыленное по окружности отверстие.

Зайдя со стороны пассажира, Левша, крича водителю: «Руки на руль, козел!», ухватил за шиворот брызжущего кровью из горла его приятеля и одним движением вышвырнул из машины.

– А теперь в Булонский лес, к Дебуа!

Они успели вовремя. Шарль, выйдя из-за руля черного «Мазерати», сел на капот и закурил. Он ждал хороших новостей. Джип приехал один, «Мерседеса» нет. Значит, его люди привезли тубус.

Отверстие в стекле он заметил не сразу. Но когда заметил, было поздно.

Он начал с тревогой вынимать руки из карманов, когда водитель с разбитым пистолетной рукояткой виском уже валился на руль.

– Мы пойдем погуляем с тобой по лесу, дружок...

Прихватив остолбеневшего Дебуа под руку, он повел его туда, где обычно за десять евро можно получить минет с резинкой, а за двадцать – без, – в Булонский лес.

Белые одежды Дебуа контрастировали с черным костюмом от Бриони Левши. На правом мизинце последнего играл бриллиант. Последний из подарков Мари...

– Прости, Филипп... Она говорила с тобой из моего дома...

Левша вскинул пистолет и стрелял до тех пор, пока затвор не откинуло назад.

Через минуту здесь будет полиция, смешные ажаны с фонариками и фуражками-таблетками начнут прочесывать лес. Протерев платком пистолет, Левша швырнул его на Дебуа.

Не успел он пройти и десятка шагов, как кто-то схватил его за плечо. Первым желанием было с разворота пробить в голову. Но он себя пересилил. Полиция ли, люди Дебуа – никто из них не стал бы хлопать его по плечу.

Перед ним стоял высокий мужчина средних лет. С короткой, похожей на военную, стрижкой, с легкой сединой и в таком безобразном виде, что Левша поморщился. Человека этого словно неделю валяли в грязи – мятые, потерявшие цвет светлые брюки, рваная, в пыли, рубашка... И взгляд этот – изумленный, испуганный... Да мало ли русских бродяг гуляют по окрестностям Парижа. И он угостил русского сигаретой...

* * *

Левша почувствовал, как тело его ударило током. Его подбросило, и он пришел в себя. Он чувствовал в себе чужие руки, они ковырялись в нем так, как ковыряются руки вычищающей курицу хозяйки. А потом наступил покой...

– Пусть спит, – сказал Нидо.

Шагнув назад, рассчитывая сесть на койку, он опустился мимо, рухнул на пол и застонал. Донован схватил его за руку, ища пульс, и запрокинул голову хилера, пытаясь посмотреть зрочки.

Но ему в лицо смотрели белки Филиппинца. Огромные, размером с глазные яблоки – белки...

Глава девятнадцатая

Макаров смотрел на небо. Он наблюдал за солнцем уже вторые сутки кряду и никак не мог понять, почему его движение по небосводу столь легкомысленно для западного полушария. Поднявшись в зенит, светило опускалось к океану почти вертикально. Причем длина суток для этой части Атлантического океана была короче, чем положено в это время года. Оставшись в очередной раз со своей загадкой в противоречиях, Макаров повернул голову. Туда, где стал подавать признаки жизни Лис. Сидящий поодаль Артур держал на коленях автомат и ковырялся веточкой в зубах. Немыслимое это удовольствие – после недели фруктовой диеты вдруг наесться до отвала жареного мяса.

– Наш друг подает признаки жизни, – сообщил Артур, отбрасывая зубочистку. – Мне очень хочется задать ему пару вопросов.

Открыв глаза, Лис стал озираться так, словно после недельной пьянки проснулся в зоопарке.

– Доброе утро, приятель, – приветствовал его Макаров. – Как самочувствие?

Лис потрогал распухшую челюсть. Дотянулся до костра и взял палочку с мясом.

– Прибить бы тебя, гада, а не кормить... – процедил Артур.

– Лис, сейчас ты подробно, без истерики, без этих вот своих «идите вы все на эсминец» расскажешь, зачем ты хотел убить Катю. От этого зависит, возьмем мы тебя с собой или нет.

Лис перестал жевать и с набитым ртом посмотрел на Макарова.

– Да-да, – подтвердил тот. – Тратить на тебя патрон нецелесообразно, у нас каждый на счету. Поэтому просто оставим. Если тебя не задерет пантера, сожрут сам знаешь кто.

Стянув с палочки последний кусок. Лис прожевал его и сел, обхватив колени.

– Я частный детектив. В начале августа ко мне обратился один человек и попросил проследить за его женой. В него закралось подозрение, что милая гуляет на стороне. Три дня я следил за этой женщиной и выяснил, что она встречается с одним молодым человеком, довольно интересным, кстати, молодым человеком. Почти каждый раз, когда муж уезжал на службу, она ехала на встречу к любовнику, и, уединившись в гостинице, они проводили по два-три часа. Потом она как ни в чем не бывало возвращалась домой. Но однажды муж почувствовал запах мужского одеколона от ее кофточки. На следующее утро он обещал быть к обеду и уехал, но вместо того, чтобы отправиться на службу, стал следить за женой. Впрочем, слежка ни к чему не привела. Жена покинула дом, погуляла по магазинам и вернулась. Этим он

не успокоился и разыскал по объявлению меня... будь проклят тот день. – Лис поднял обглоданный «шампур», переломил и швырнул в сторону. – Дела у меня тогда шли неважно, август в Калининграде для сыщика – мертвый сезон...

– Где? – перебил Макаров.

– В Калининграде. Кенигсберг – город такой есть, слышал?

– Мельком.

Лис потер шею и продолжил:

– Так вот, дела неважно шли, поэтому я сразу согласился. И стал следить за этой девкой. И за трое суток накопил исчерпывающий компромат. Мужик мне заплатил, но попросил следить дальше. Я уже потом понял, зачем он это сделал... И я следил. И вот, в один прекрасный момент он звонит мне и спрашивает, куда едет его жена. А я еду за этой сладкой парочкой и докладываю: туда-то, туда-то... В конце концов доехали мы до гостиницы «Анна», есть такая в Калининграде, и я звоню мужику, мол, голуби в гнезде. Он поблагодарил и попрощался.

– «Анна»... – пробормотал Макаров, глядя под ноги.

– А через час по всем каналам передают известие: в гостиницу «Анна» врезался истребитель «МиГ-29», и гостиницы «Анна» больше нет. Тот мужик, клиент мой, заказчик... Он истребителем был, майором ВВС...

– И что было дальше? – Макаров поднял глаза.

– Я когда услышал об этой бомбардировке, а это бомбардировка была и ничто другое... Тут же уничтожил все свидетельства причастности к этому делу. Думал, что уничтожил... Но у этого майора, как оказалось, есть родственник... И этот родственник, как бы это вам сказать... В общем, если перед ним встанет задача голову кому оторвать, так это и не задача для него вовсе, а так...

– Дальше! – потребовал Артур.

Макаров снова посмотрел на небо. Очень странное солнце...

– Меня взяли в оборот на границе с Польшей. Я хотел там переждать, но люди этого родственника – брата, в общем, чего таить, меня перехватили. И снова доставили в Калининград. Понятно, что я не виноват был, откуда мне знать, что я диспетчером у этого истребителя был... Но косяк мне все равно вменили и сообщили, что девка-то, оказывается... жива.

– То есть как? – нахмурился Артур.

– За несколько минут до того, как «МиГ» влетел под крышу «Анны», она покинула гостиницу. Я не знаю, почему и как – любовник-то ее там остался, под развалинами...

– И что было дальше? – Макаров, чувствуя, как колотится его сердце, скрывал волнение.

– И вот братец этого майора сказал мне: «Я тебе предоставлю всю информацию о его жене. А ты найдешь ее и прикончишь. За хлопоты я заплачу тебе пятьдесят тысяч долларов. Плюс – вояж по Атлантике, ибо девка как раз на Кубу собралась». Я отказывался, а они сказали, что в Рязани у меня старушка мать, а в Питере – сестра на обучении. И если я не хочу остаться круглым сиротой в этом мире, то пойду им навстречу. Вот и вся история...

– Я ничего не понял, – возмутился Артур.

– Катя – жена того майора? – Макаров осторожно посмотрел на Лиса.

– Катя, – с ударением повторил он, – вдова того майора!

Артур сидел около минуты молча, потом его прорвало:

– Ты этой байкой хочешь шкуру свою спасти? Что ты врешь, приятель?!

– Он не врет, – глухо произнес Макаров. – По крайней мере в той части, что в «Анну» влетел истребитель... – Опершись на землю, он встал. – Ладно, пошли.

– Куда пошли? – встрепнулся Лис.

– На авианосец. Я накладываю на тебя, как говорят в США, гражданский арест. Авианосец – территория США, так что полное право имею.

Артур поднял Лиса за шиворот. Макаров, уже находясь в пути, услышал за своей спиной треск материи.

«Катя... Может ли быть такое?» – пронеслось в голове его.

Вдруг он обернулся.

– Лис, а почему ты решил выполнить заказ именно сегодня? Ведь это, черт возьми, самый неудобный момент!

Некоторое время они шли молча.

– Ты думаешь, я забуду свой вопрос?

– Я увидел чужих на корабле...

– Чужих? – Артур настиг его в два шага, успев переглянуться с Макаровым. – Каких чужих? Расскажи-ка об этом подробнее!

Лис остановился и поднял голову...

* * *

Добравшись до каюты, Дженни не сразу поняла, что зашла в ту, где лежал труп. Рванув на себя дверь, она вбежала и остановилась как вкопанная. Все там было как прежде – раскинувший руки мертвец на полу, заляпанная его кровью стена каюты со стороны иллюминатора, бурая лужа у двери слева и – два ряда двухъярусных коек...

– Что вы здесь делаете? – прошептала она.

Франческо, подняв голову, посмотрел на нее без выражения.

– Разве вы не видите? Отпускаю грехи этому человеку.

Он сидел на койке, сжав пальцы, как пасть крокодила. Меж ног его стоял порядком запачканный за дни переходов кейс.

Ступив вперед, Дженни обошла лужу и подошла к Франческо. И села рядом, стараясь не смотреть на тело. К Франческо она привыкла за последние дни. Ничего, кроме внутренней силы и спокойствия, от него не исходило, женщина это чувствовала, и потому рядом с ним успокаивалась душа ее.

Некоторое время они сидели молча.

– Как скоротечна жизнь, не правда ли, Дженни? – проговорил наконец Франческо. – Человек только родился, а ему уже пора предстать пред судом. Зачем ушел этот человек? А, быть может, это карма? Но ее отрицает наш Бог, не так ли?

Дженни кивнула.

– Сколько лет я посвятил мольбам? Дай вспомнить, девочка... – Дженни вряд ли была младше итальянца, но в обращении таком ни насмешки, ни фривольности не услышала. Он имел право так ее называть. Человек, преданный Богу и смиренно переживающий лишения, имеет право на такое обращение к ближнему. – Сейчас мне сорок четыре... В пять я потерял родителей и был приведен в храм. И с тех пор я дня не помню, чтобы не воздавал Господу нашему почести и не молил о радости для ближнего. А ближние для меня все, Дженни...

Дженни еще раз кивнула. Пороховая гарь выветрилась, и сейчас в каюте пахло кислым – это то, что не смог унести ветер после выстрелов. Да застывшей кровью. Запах размороженного мяса. Не лучшее сопровождение беседы близкого к Богу человека и прихожанки.

– Тридцать девять лет я несу в сердце имя Христа, Дженни. Это больше, чем жил сам Христос.

И Франческо снова замолчал.

А когда повернулся в следующий раз, в глазах его светилось нечто, что заставило женщину напрячься.

– Скажи мне, Дженни, кто создал мир?

– Господи, Франческо... – забормотала она.

– Вот именно, вот именно... Он. А кто управляет миром? Не отвечай, я знаю... Как думаешь, Дженни, насколько сильна вера моя?

– Франческо, я не видела человека, более преданного Богу! Был еще один, но он оттуда, из моего прошлого, из моего несуществующего прошлого, где были и священники, и бандит, и учитель, и дождь, прибывающий к земле чертополох... Оттуда, куда не вернут меня мои воспоминания.

Сунув руку за воротник, Франческо вытянул за серебряную цепочку крест размером с мизинец. Посмотрел, отпустил. И распятие закачалось меж окровавленным полом и шеей его...

– Я представитель ордена «Опус Деи». И вместе с Адриано я выполнял задание понтифика. Когда-то давно, очень давно, так давно, что и не стоит вспоминать когда, явилась Пресвятая Дева Мария девочке и оставила предсказания. Записав их, девочка передала бумагу на хранение церкви. И церковь приняла ее. Читали этот документ всего несколько человек. Но не читал Папа, да и я не знаю, что в нем. И Адриано не знал... Но у понтифика было сомнение, что в лоно церкви попали подлинные записи. И тогда я и Адриано отправились в путь. И везде, в любой стране, в любом городе нас ждала помощь. Орден всесилен, Дженни... Почему я не выпускаю из рук кейс – вот вопрос, который мучит всех, особенно Макарова. Он считает, что в нем есть доказательства гибели Адриано. Но доказательства не в чемодане этом искать нужно. Все, что находится в нем, – это лист бумаги. В кейсе поддерживается определенная температура, чтобы, не дай бог, не испортилась бумага. Чтобы не потекли чернила, чтобы не изменился их цвет. Откровения Девы Марии, записанные рукой маленькой Фатимы, – вот что в кейсе. Так как ты думаешь, Дженни, насколько сильна вера моя в Бога?

– Франческо...

– Тогда посмотри в лицо этого человека!

Ошеломленная громким вскриком того, кто казался ей невозмутимей утеса, Дженни поднялась с койки и сделала несколько боязливых шагов в сторону лежащего на полу тела. С минуту она смотрела в покрытое бледностью лицо, а потом в несколько приемов, словно ей давили на грудь, прошептала:

– Антонио...

– Ты узнала его? Ты узнала человека из своих смутных воспоминаний? Стирается все в памяти людской, но не стираются лишь лица людей, бывших когда-то близкими! Антонио! Бывший настоятель прихода в деревушке возле Луисвилля! Отрекшийся от сана во имя любви плотской и женившийся на красавице Дженни, девочке, которую он когда-то вынес на руках с залитого ливнем пустыря!

Изумленная Дженни смотрела в глаза Франческо, и казалось ей, что взгляд его пронизывает ее насквозь.

– Откуда вы... знаете?

– Откуда я знаю... – На скулах Франческо задвигались желваки. – Откуда я знаю... Ты уверена, что вера моя в Бога непоколебима...

Мгновение он сидел неподвижно, а потом схватился за распятие и сорвал его с шеи. И бросил в начавшую густеть лужу...

Она нехотя приняла крест. Еще несколько мгновений, и распятие полностью погрузилось в нее.

– Франческо?..

Дженни холодела от ужаса.

– Моя вера пошатнулась сразу, едва ступил я на этот остров. Что это? – подумал я. – Ад? Но разве умерли мы и разве судимы, чтобы оказаться здесь все, разом? Разве может в ад попасть письмо Фатимы, написанное после встречи с Девой Марией?!

Итальянец схватился за лицо и покачал головой.

– Бог мой... Не в этой жизни, а когда-то давно, так давно, что и вспоминать не стоит, ибо будет это святотатством – ведь предамся я воспоминаниям о прошлых жизнях... А разве не грех великий помнить жизни свои и жить теперь воспоминаниями о них?.. Так вот когда-то давно я оказался единственным, кто согласился связать узами брака потерявшего честь священника и юную девушку... – Франческо убрал руки от лица, и Дженни, окончательно потерявшая самообладание и теперь вцепившаяся рукой в койку верхнего яруса, увидела, что они красны и беспомощны. – Священник там – и убийца и вор здесь... Как имя его, неужели Антонио? А если нет, тогда чье имя он носит?

Перебирая руками койку, как поручень, Дженни удалилась от трупа и уселась. Теперь, чтобы не упасть, ей пришлось опереться о нижнюю койку.

– Посмотри вокруг, неужели для тебя все естественно? Я не о злобных тварях говорю, не о том, что ушел корабль, нас сюда привезший, и не о смерти Адриано... Посмотри – все ли остальное кажется тебе привычным? На руки свои посмотри, девочка... Тебе не кажется удивительным, что ни разу за все эти шесть дней перед тобой не возникала проблема отросших ногтей? – Франческо выбросил свои руки вперед. – Отчего у меня не растут ногти? Почему на лице моем нет бороды до сих пор?! Кто те двое, что сейчас остывают в гальюне?! Кто они?..

Она машинально провела рукой по ноге. Лодыжка была идеально гладка. словно не шесть дней назад, в ванной комнате каюты, а только что она пользовалась своим депилятором.

– Неужели на земле есть места, где не властвует Господь? Тогда чем крепить мне веру свою, скажи?!

«Где-то здесь, – думала Дженни, – сидел Питер. Они стреляли друг в друга, а он прятался от выстрелов... «Я видел его стоящим на коленях, папа, и он был мертвый, он не причинил бы мне вреда», – это, кажется, он говорил Макарову...»

И, словно услышав это имя, Франческо зашептал:

– Но и не Сатана управляет этим обрывком суши... Обрывком времени, извлеченным из течения бытия – не Сатана управляет... Потому что здесь есть Макаров, есть Левша... Я молился изо всех сил Господу, чтобы выжил последний... И сейчас, отказавшись от веры, которая вела меня всю жизнь, я просто хочу, чтобы он жил. И я верю в силу Макарова, и просто прошу его вернуться...

Заглянув в лицо Дженни, уже снова спокойный, он привалился спиной к переборке.

– Только в этой каюте трое человек, которых связало прошлое. Всего одна каюта, случайное стечение обстоятельств – и в ней, не сговариваясь, оказались трое, которые, если напрячь память, могут что-то рассказать друг о друге...

– Вы читали Библию в синем сафьяновом переплете, когда соединяли нас с Антонио... – проговорила Дженни.

– Да? – Франческо посмотрел на нее. – Может быть... очень может быть... Все может быть, Дженни.

– Где мы находимся, Франческо?..

– Я не знаю... я не знаю...

– Все на этом корабле... связаны прошлым?

– Я думаю, что не только связаны. Но и наказаны им... Давай не будем пока никому говорить о нашем разговоре. Сохраним это в тайне, как разговор хотя и бывшего, но слуги Господа, с благочестивой прихожанкой на исповеди...

– Да, Франческо...

В дверях она остановила его, тронув за руку.

– Вы забыли свой кейс.

– Если в нем действительно то, за чем я был послан, он никуда не денется. Даже из этой каюты. Если же все... не так, милая Дженни, – Франческо покусал губу и дернул головой, словно его укусила муха, – если все не так, тогда чего он стоит и содержимое его?

Они вышли из каюты, и Франческо прикрыл дверь. И тут же из-за угла, ведущего в аркаду кают соседнего отсека, появилась взволнованная девушка в желтом платье. Придерживая выпирающий живот, она сказала, и глаза ее светились радостью:

– Нидо прооперировал Левшу. Он спит!

– Кто спит? – спросил Франческо.

– Оба спят! – И лицо ее тут же изменилось до неузнаваемости. – А у меня маленький перестал стучаться.

– Маленьким тоже нужно спать, милая, – Дженни неумело улыбнулась и положила руку на плечо девушки. Та ушла разносить известие дальше, а Франческо поднял на Дженни тяжелый взгляд.

– Здесь нет времени. Есть скорость. Есть пространство. Но нет времени. Быть может, и нас здесь нет...

Глава двадцатая

– Чужих?

Макаров заметил мимолетный взгляд Артура на своем лице.

– Каких чужих? Расскажи-ка об этом подробнее!

Лис остановился и поднял голову...

– Я увидел их ночью, за час до случившегося...

– За час до того, как ты пошел убивать Катю, а всадил нож в живот Левше – ты хотел сказать? – уточнил Артур.

Лис решил не обращать на это внимания. Вопрос задан, и он ответит на него, черт возьми.

Они возвращались долиной, протянувшейся меж непрерывных стен джунглей справа и слева. Возвращались по солнечной дороге. Только сейчас Лис обнаружил, что пахнет цветами. Все эти дни он не замечал этого. Видимо, чтобы почувствовать красоту, понять ее великолепие, чтобы осознать, что недолго теперь это будет беречь твои чувства, нужно кого-то убить...

– Я вышел в коридор, чтобы добраться до туалета. И едва успел заскочить обратно в каюту. По коридору, бесшумно ступая – мне кажется, они были в каких-то мягких туфлях, шли трое. Один впереди, двое чуть позади. В темных комбинезонах. Я испугался. А потом вдруг понял, что появление их не останется незамеченным. «Они пришли сюда что-то изменить, не так ли?» – подумал я. Так почему не выполнить задание, чтобы потом на общем фоне изменений это не выглядело как дело рук тех троих? А, может, и не троих... Может, их было больше... Я выждал час и, убедившись, что все спят, направился к Катиной каюте. В руке у меня был нож, за поясом пистолет...

– Иногда мне кажется, что я единственный, кто отошел от берега Кубы без оружия! – чертыхнулся Артур.

Макаров промолчал. Он готов был назвать много имен тех, кто покинул Гавану, не заботясь о будущем...

– Дальше вы знаете, – отрезал Лис. – Что вы намерены со мной делать?

– Я уже сказал. Я посажу тебя под замок до прибытия «Кассандры», – объяснил Макаров. – Думаю, как бывший офицер авианесущего крейсера, я быстро отыщу на этом авианосце помещение гауптвахты.

Артур толкнул Лиса в спину, тот сделал два шага и упрямо остановился.

– В чем дело, хитроумный наш? – спросил Артур. – Если отказали ноги, я тебя донесу.

И он снова толкнул Лиса в спину.

Тот сделал два шага и снова остановился.

– Во всех странах мира раскаявшимся преступникам делают скидки... – негромко сказал он, глядя прямо в лицо удивленного Макарова. Глаза Лиса бегали, ища точку опоры. Макарову показалось, что Лису нужна помощь, чтобы остановить этот бегающий взгляд.

– Скидки? Раскаявшимся? – повторил вслед за Лисом он. – О чем ты? Раскаяния я не вижу, а тема скидок для меня вообще непонятна.

– Ты что, не видишь, что тебя водят за нос? – рассердился Артур.

Лис поджал губы и посмотрел на Артура как-то странно, снизу. Так смотрят на порядком поднадоевших проходимцев в очереди за билетами в условиях их нехватки.

– Ты заговорил о гражданском аресте и гауптвахте. Следовательно, ты уже принял решение передать меня в руки правосудия. Но пока правосудия здесь нет и ситуацией управляет человек, объявивший об аресте, я вынужден поступать в соответствии с твоим представлением о законе. Так вот, я хочу помочь следствию. И получить гарантии... Что-то вроде: учитывая, что подсудимый раскаялся и активно помогал следствию... Помощь следствию – это часть раскаяния, Макаров...

Тот слушал его в полном недоумении.

– Ну, и чем ты готов помочь, – подумав, Макаров кашлянул и добавил: – Следствию? Хотя я плохо понимаю, о чем ты...

Он заметил, как по виску Лиса скользнула капля пота. Стремительная, торопящаяся укрыться. Пот был на лицах всех троих, но это была испарина усталости и жары. Солнце пекло, но еще недостаточно для того, чтобы обливаться потом.

– Возможно, мои показания хоть немного прольют свет на происходящее здесь...

– А что, по-твоему, здесь происходит? – заинтересовавшись разговором, спросил Артур. Он уже не гнал Лиса, тот его здорово заинтриговал.

– Происходит неладное...

– Это трудно не заметить, – согласился Макаров.

– Очень неладное...

– И с этим невозможно поспорить. Сообщение будет по делу, или ты на ходу пытаешься сочинить историю, которая вывихнет мозги мне и Артуру?

Ветер подул сильнее, трава зашевелилась, и Макаров почувствовал свежесть в легких. Во всем теле. Странно, но именно на этом острове, впервые после смерти жены, он стал различать нюансы в запахе трав и цветов. «Я просто перестал курить, – совершенно некстати подумал он, – я бросил курить, и голова по утрам болеть перестала...»

– Когда я вышел в коридор, – донеслось до него, – там было не трое человек...

– А сколько же? – машинально спросил Макаров.

– Четверо.

Артур разочарованно вздохнул и встряхнул на плече «узи».

– Хорошо, – согласился Макаров. – Их было четверо. Двоих убил я в гальюне. Третьего застрелил Артур. Есть еще четвертый. На авианосце достаточно мужчин, чтобы свернуть ему шею, если он вздумает злодействовать. Когда вернемся, мы незамедлительно приступим к его поиску. Если он, конечно, не удрал в суматохе, как удрал ты. Это все, что ты хотел сообщить нам в качестве искупления?

– Нет, не все.

– Тогда поторопись, потому что нам нужно успеть вернуться на авианосец к обеду. На остров надвигается туча. Чем закончилось это в прошлый раз, я помню.

– Четвертого не нужно искать на авианосце, Макаров...

– Почему?

– Потому что он среди нас.

– Что? – прошептал Артур, заходя перед Лисом. – Что ты сказал? – Последние слова его едва были слышны в порывах усиливающегося ветра.

– И этот четвертый знаками переговаривался с теми троими, – голос Лиса ломался. С брови его соскочила еще одна капля пота. Упала на ресницу, он моргнул, соленая капля попала в глаз, но Лис даже не делал попыток этот глаз протереть.

Макаров сунул руку за пояс брюк в тот момент, когда прозвучал выстрел.

Лис сделал два шага назад, с изумлением прижал ладонь к груди и потом рассмотрел руку. В лучах солнца она горела алым светом.

– Даже не двигайся, – посоветовал Артур, знаком давая понять Макарову, чтобы тот вынул из-за спины руку без пистолета. – Развернись.

Макаров медленно повиновался. И почувствовал, как из-за ремня словно вылетел пистолет.

– Развернись.

Лицо Артура показалось ему изнеможенным от усталости.

Лис сделал еще шаг назад. Пуля из «узи» мгновение назад прошила его легкое, и он хотел бы, наверное, еще что-то сказать, но не мог. Из губ его вместе с брызгами крови вырывался только свист.

Артур поднял руку и еще дважды нажал на спуск.

Брызги крови и ошметки одежды Лиса взметнулись в воздух и упали вслед за телом.

Некоторое время оба внимательно наблюдали за агонией.

А потом снова подул ветер, и Макаров опять ощутил аромат трав.

Он посмотрел на Артура. Тот задумчиво смотрел перед собой и моргал вразнобой, словно что-то мешало ему сосредоточиться.

Гоша... черепки...

Все проплывало в памяти Макарова, он ждал, что будет дальше. Что-то же должно быть.

– Когда людей слишком много, – проговорил наконец Артур, – всегда найдется хоть один, чей поступок выпадет из-под контроля. Чертов сыщик...

Сунув руку в карман, он вынул пачку сигарет и зажигалку. Сжал ее в кулаке, потрянул. Из нее показались два фильтра. Один он зацепил зубами. Второй в пачке протянул Макарову на вытянутой руке.

– Не хочу.

– Решил бросить после недельного воздержания?

– После трехдневного. Они закончились три дня назад.

– Как знаешь.

Щелкнув, Артур закурил.

– Теперь скажи – что с тобой делать?

– Наверное, застрелить. Из моего пистолета. Вложить его в руку Лиса. Мне сунуть «узи». Потом вернуться на авианосец и доложить, что Макаров погиб в героической перестрелке с Лисом. Возможно, ты другой ответ ждешь. Но в голову пришел этот. Просто я сейчас немного растерян.

– Вижу... Пошли.

– Куда?

– Какая тебе разница, куда, если тебя устроил бы и вариант с «узи»?

– Куда идти-то, Артур?

Тот поднял руку и пальцами с зажатой в них сигаретой указал на холм в километре к западу от авианосца.

Третью часть пути они шли молча. Потом Макаров усмехнулся.

– Что тебя так развеселило?

– «Кассандра» не придет, верно?

– Придет.

– Смерть Адриано – твоих рук дело?

– Франческо Понти и Адриано Гальери – два одинаковых органа одного организма. Если тебе отрезать левую руку и вовремя оказать помощь, ты продолжишь жизнь с правой. Понти и Гальери вместе – это слишком сложный механизм, это уже сила, которая будет влиять на коллектив векторно. Достаточно одного. Поэтому Адриано оказался лишним.

– Почему Адриано, а не Франческо?

– Если бы ликвидация Франческо показалась мне более простой и удобной, то с кейсом как с писаной торбой таскался бы сейчас по острову Адриано.

– Замечательный ответ, – похвалил Макаров. – То есть, вы даже не пытаетесь отрицать, что – убийца? – Он спохватился: – Хотя, о чем это я...

– Ты перешел на «вы»?

– На «ты» я только с друзьями.

– Будь по-вашему, Макаров. Я только об одном вас прошу: не осложняйте жизнь ни мне, ни себе. Развлекайте меня упреками, проклятьями, усмехайтесь, но только не делайте попыток выхватить у меня оружие или что-то в этом роде, ладно?

– Туча надвигается. Как и в тот раз, будет ночь?

– Да, и если вы будете благоразумны, мы успеем вовремя.

Взойдя на холм, Макаров увидел камень. Здесь Левша стрелял в ненавистного ему человека...

– Одна просьба.

– Давайте, – разрешил Артур.

– Можно я подойду к этому камню?

– Просьба более чем странная, и она, конечно, вызывает у меня массу подозрений и переполох чувств. Но я разрешаю, помня о том, что говорил вам о скорой стрельбе, если почувствую неладное.

Макаров, направляясь к валуну, обернулся.

– Вы не говорили.

– Не может быть, – огорчился Артур. – Значит, я упустил.

– С моей стороны было бы глупо ждать каких-то объяснений по поводу происходящего? – подойдя к камню, Макаров вытер лоб предплечьем. Жалкая потуга. Предплечье было настолько же мокрым, насколько мокрым был лоб.

– Вы задаете вопрос и тут же на него отвечаете. Вы замечательный собеседник.

Прокашлявшись, Макаров присел рядом с камнем. Кровь на нем высохла, но она была. И белесые ямки на серой тверди – это следы от пуль, которые насквозь прошивали тело жертвы Левши. Макаров огляделся. Метрах в двадцати от камня белела тщательно обглоданная кость. Макаров видел несколько раз скелет. Кажется, это часть ступни человеческой. Он повернул голову направо.

– Что вы здесь ищете, черт возьми? Я пошел вам навстречу, думая, что хотите облегчиться или минуту отдохнуть. Но я не рассчитывал, что вы займетесь научными изысканиями!

– Ничего не ишу, – пробормотал Макаров, почти под ногами своими заметив пряжку от ремня. Она была втоптана в землю, но он все-таки сумел различить на ней буквы – «CD»...

Поднявшись, он вопросительно посмотрел на Артура.

– Туда, – и короткий, как окурок сигары, ствол «узи» указал Макарову дорогу на запад – дальше. Дальше были джунгли.

– Послушайте, – сгибаясь и прихрамывая, пробормотал он, – я уже не могу идти... За эти дни я прошагал не меньше сотни морских миль. Давайте же отдохнем?

– Через двадцать минут остров накроет туча, и вы снова встретитесь с веселыми, жизнерадостными ребятами из ваших страшных снов!

«Двадцать минут... Он выделил двадцать минут... То место, куда мы направляемся, менее чем в двадцати минутах ходьбы отсюда в направлении на запад...»

– Тогда пойдем, – согласился Макаров нетвердо.

Когда они вошли в джунгли, он согнулся пополам и начал кашлять. А потом его стало выворачивать наизнанку. Кожура от яблока, съеденного ночью за компанию с Дженни и детьми, валилась на траву и тревожила Артура.

– Эй! Что случилось? Двигайте ногами, черт бы вас побрал.

Макаров послушно качнул головой, повернул к Артуру лицо с полными слез глазами, кивнул и вдруг без размаха и очень точно пробил ему в челюсть.

Не ожидавший такой прыти, тот повалился на землю и несколько секунд боролся с головокружением.

– Дрянь!.. Дрянь, дрянь!.. – прорычал он, вставая враскорячку, чтобы не упасть. Точно в подбородок пришедшийся удар мешал сосредоточиться. Перед глазами серые круги из точек превращались в пятна. После чего пятна расплывались кругами, как от брошенного в воду камня... Выставив перед собой «узи», Артур водил руками, выбирая направление наугад.

Но на него никто не нападал.

Опустив автомат, он прижался плечом к дереву и осмотрелся. Макаров исчез.

– Глупец... – прошептали губы Артура.

Он посмотрел на небо.

Через несколько минут джунгли скует мрак. Но он успеет.

Задыхаясь от досады, Артур перешел на бег...

* * *

Париж. Булонский лес...

Русский оборванец...

Нужно было дать ему сотню евро. Он русский, как и Левша.

Обойдя стайку проституток, Левша быстрым шагом приближался к оставленному на въезде джипу.

«Главное, чтобы не было полицейских... Сам джип на парковке подозрения не вызовет, но дырка в стекле... Надо было дать ему сотню евро... Жену он потерял с ребенком... Я ему почти не поверил. Но он и правда стал кричать ее имя... Что может делать русский оборванец с женой

и ребенком в Булонском лесу в это время? А может, жена проститутка? Тогда понятно... Многие из нас, уезжая от этого, прирастают к этому здесь...»

Джип стоял там, где он его оставил. Главное, чтобы был жив водитель.

Левша нашел его там, где оставил: на переднем сиденье, с разбитой головой.

Он посмотрел в ветровое стекло. «Мазерати» Дебуа стоял напротив, фары его были включены.

«Ажаны проезжали мимо этих машин несколько раз, но потому и не заметили отверстия в стекле, что свет фар размывает стекло...»

– Очнись, негодяй. – Взяв водителя за шиворот, Левша встряхнул его, как мешок.

Тот застонал.

– Куда вы ее отвезли?

Водитель открыл глаза и рыбьим, бессмысленным взглядом посмотрел на Левшу.

– Куда вы отвезли жену Дебуа?

Через несколько секунд, не дождавшись ответа, Левша повернул ключ в замке зажигания и утопил прикуриватель в гнезде.

– Скажи, куда вы отвезли Мари?

Собеседник по-бычьему сопел, и было непонятно, в прострации он или пытается хранить верность хозяину. Выяснить можно было только одним способом.

В панели щелкнуло, и прикуриватель выскочил из гнезда.

Вынув его, Левша убедился в том, что торец ядовито-малинового цвета, и прижал этот торец к шее водителя. Тот, радуя Левшу, зарычал, стиснув зубы, и брызнул слюной.

– Соображаешь, сука.

В машине завоняло сгоревшим мясом.

Левша ухватил шею водителя пальцами, как куренка, и снова вставил прикуриватель в гнездо.

– Где она?..

Человек Дебуа пришел в себя – это можно было понять и без доктора. И сейчас соображает – Левша готов был поклясться в этом, – как испортить жизнь своему палачу.

– Не выйдет, приятель, не выйдет... – со зловещей улыбкой прошептал Левша.

Щелчок.

Прикуриватель горел у лица водителя, как глазок в ад.

– Я, без сомнения, выжгу тебе сейчас глаз, если не скажешь, где жена Дебуа.

– Монтрей...

– Что – Монтрей, козел?

– Монтрей... там свалка... слева от разрисованной граффити стены....

– Ну?!

– Она там, под стеной...

Свет померк в глазах Левши. Схватив бойца Дебуа за волосы, он изо всех сил ударил его головой по дверной стойке так, что осыпалось стекло.

Он дошел до «Мазерати», шатаясь от усталости. А потом рухнул на капот и зарыдал.

Нужно было уезжать. Сейчас. Без промедления. Но он никак не мог себя заставить сделать это.

Уже потом, мчась в Монтрей, он со страхом вспоминал те мгновения. Случайность – полицейский патруль, которые проезжают мимо парковки с этой стороны каждые пять минут, – и он пропал.

Он вогнал машину в окраинный район Парижа, как поезд в тоннель. Свалку он нашел сразу. И стену, искусно раскрашенную местными наркоманами в психоделические расцветки, тоже увидел, не тратя сил на поиски...

Выйдя из машины, он подошел к стене. Свет фар бил прямо ему в спину.

– Эй, дружок, ты чего здесь делаешь? – развязный голосок, принадлежащий явно негру, и явно не одинокому.

Разглядывая землю под ногами, участок ее, тот, что посвежее, он вынул из-за пояса «беретту», направил в сторону прозвучавшего вопроса и трижды нажал на спуск. Грохот пуль по кирпичной кладке едва не заглушил вопль: «Псих, хорош стрелять, псих, мы уходим!..»

Опустившись на колени, он стал рыть землю руками...

Потом, вонзая пистолет стволом, разрывал, уже в отчаянии...

Когда руки его коснулись тела, лицо Левши перекосила судорога.

Он рыл, ранив руки осколками бутылок, рыл как собака, как отчаявшийся найти золото Флинта и теперь сошедший с ума кладоискатель...

Она была завернута в какую-то холстину. Подняв Мари на руки, Левша понес ее к машине.

Через два часа, держа сдавленный окурочный палец грязными пальцами со сломанными ногтями, он говорил дорого одетому человеку, который ежеминутно оглядывался, переживая, что их увидят вместе:

– Она должна лежать на этом кладбище. Священник не нужен, я устрою это до момента похорон.

– Имя? Как написать ее имя?

– Мари... Мари. Напишите просто: Мари. Но пусть мрамор памятника будет белым.

Человек молчал.

Левша понял. Сунул руку в карман, вынул пачку евро. В кармане оставались еще два билета до Гаваны на его имя и имя Мари. Один был лишним.

– Здесь сорок тысяч. Этого хватит?

– Вполне.

Три дня Левша ждал, когда раздастся звонок. Три дня он заходил в кафе на Монмартре, пил виски и оглушительно молчал. И вот звонок прозвучал.

Он в последний раз вошел в кафе, ему нужно было оказаться там, чтобы расстаться с воспоминаниями. Заказал виски трижды и не торопясь выпил. Теперь спешить некуда.

Через полчаса он пересек Шестнадцатый округ и подъехал к дворцу Шайо. Огляделся, прежде чем выйти из машины. Темные очки, аккуратно уложенные назад волосы, сжатые губы – портрет человека, приехавшего скорбять. Он удачно вписался в пейзаж кладбища для аристократов – высокий, в дорогом костюме мужчина, при появлении которого женщины занимают выгодные позы, он вошел в ворота кладбища Пасси и направился по асфальтированной дорожке. Пройдя через ряд и миновав могилу графа Брюсова, племянника Николая Второго, мужчина нашел то, что искал – белоснежный камень, окруженный крошечной, похожей на ограждение детской кроватки, оградкой. Он присел у могилы и положил у каменного надгробия белую лилию. А потом Левша поднялся и покинул кладбище. Чтобы уже никогда здесь не бывать...

* * *

Артур шел по металлическому полу над водой уверенной походкой. Он сделал дело. Люди Его сумели оказаться на авианосце незамеченными и сделать свое дело. То, что произошло потом, – не его, Артура, вина. Получи такое задание он, а не эти трое, оно было бы выполнено в точном соответствии с указаниями. И он ушел бы незамеченным.

Много шума было, да, думал Артур. Но он решил все вопросы. Ушел Макаров, но это ничего не значит. Просто теперь они будут знать, что Артур – чужак.

С этими мыслями он добрался до двери, ведущей в огромный бассейн.

Возвращаться приказа не было, но если бы он не вернулся, это не было бы глупостью? Сразу после того, как стало ясно, что Макарова не догнать, а ночь надвигается, Артур побежал и уже на бегу вынул из кармана телефон. И Он спокойным голосом велел ему возвращаться.

Он сидел у кромки бассейна, перебирал в руке четки, и вид его, в дорогом костюме и лакированных туфлях, напоминал бахрейнского принца.

– Садись, дорогой, – сказал Он, широким жестом указав Артуру на стул перед собой. – Хочу угостить тебя красным вином из погребка бордосских виноделов и мясом. Почему ты не отвечал на звонки, дружище?

– Я потерял сим-карту. В первые же часы я собирался сообщить вам о Адриано и вообще...

– Что – вообще?

– Вообще, как дела идут, – объяснил Артур.

– А-а. – Он качнул головой. – Значит, потерял сим-карту. Интересно, как она могла выпасть из телефона....

– При входе в зону действия Сети я понял, что батарея разряжена. Я стал менять ее, и карта вылетела из гнезда. Я искал, но без результата...

– Ну, да бог с ней, с сим-картой... Все равно тот, кто найдет ее, не сможет позвонить в полицию, верно?

Артур-Джуди рассмеялся.

Вино было разлито, и, когда фужеры опустели во второй раз, Он спросил:

– А скажи мне, спрашивал ли тебя о чем Макаров?

Артур, пережевывая мясо, отмахнулся.

– Конечно, он попытался понять, что происходит. Но это нормальная реакция. Главное, что он ничего не понял. Лис мертв, те трое, что были отправлены вами ко мне, тоже.

– Как умирал Антонио?

– Он все сделал правильно, – на лице Артура появилась подчеркнутая строгость. – Вышла маленькая промашка по ходу, но мы ее исправили. Он был предан вам до конца.

Мужчина покачал головой.

– Значит, его дочь получит все необходимое... Так я не понял, Джуди, спрашивал или нет Макаров, что происходит?

– Да нет же! – Вино продолжало веселить, и Артур, уже не скрываясь, рассмеялся еще громче. Одновременное употребление «да» и «нет» в русском языке может означать и «да», и «нет» – хозяин на знатока русского языка похож не был, и это Артура позабавило. – Он не спрашивал. Он был в шоке. Он и сейчас, я уверен, не понимает, что произошло.

– А это мы сейчас посмотрим, Джуди, – сказал Он и выразительно взглянул куда-то над его головой.

В стеклянной стене прямоугольной щелью обозначилась дверь, из нее вышли двое и, внушая Артуру тревогу, подошли к бассейну. Выслушав из уст хозяина еще несколько фраз, они спокойно подошли к нему, и тот, что приблизился первым, одним ударом ноги выбил стул из-под Артура.

Страшным ему показалось не то, что с ним потом делали, а осознание ошибки, которую он совершил, вернувшись. В том, что нынешние события не тянут даже на будущее бессмысленное, он убедился уже через несколько минут.

Его несколько раз опускали под воду в наручниках, и всякий раз, когда напряжение в голове достигало критической точки, давали глотнуть свежего воздуха. За те секунды, пока он успевал набрать в легкие свежего воздуха, Он успевал задать прежний вопрос.

– Нет!.. – кричал Артур, выпуская спасительный воздух, и его снова опускали под воду. Вино, так благодушно предложенное хозяином, сводило на нет все его усилия. Оно давило на мозг изнутри, вытесняло остатки кислорода и создавало в голове такое давление, что почти разрывало капилляры.

Он уже плохо соображал, когда его уложили на живот под ногами хозяина. Зачем-то стерли с лица воду полотенцем. И через секунду он понял, зачем. Широкая полоса скотча, треснув над его головой, вдруг оказалась под его носом, перехватив рот до самого подбородка.

Когда раздался хруст и Артур увидел свой отчлененный мизинец, он закричал так, что, казалось, внутри перемешались все внутренности. Но это был крик внутри себя, не для чужих ушей. Хозяин не любил громких звуков в этом высоком, закованном в сталь помещении. Свет неоновых фонарей над прозрачной водой, полумрак, запах бассейна и тишина – вот что любил Он.

Артур снова и снова качал головой, пытаясь убедить Его в том, что Макаров не знает ничего.

Подаренное и отнятое будущее за совершенную ошибку. Столько стоит билет на экскурсию в ад.

«Убейте его».

Он не ослышался? Он правильно понял?! Он сказал: «Убейте его?!»

Артура подняли за плечи и поволокли куда-то в угол бассейна. Туда, куда не достигал свет фонарей. Когда-то он смотрел документальные съемки момента казни чеченскими боевиками пленных солдат и своих соотечественников и всякий раз удивлялся: почему они не молят о пощаде? Почему не кричат, не бьются в истерике и переносят причинение им смерти спокойно и даже равнодушно? Сейчас понял. Просто нет сил этим заниматься.

Его подтащили к стоку у самой стены, он увидел нож и почувствовал боль под кадыком. А потом захотелось спать. Удивительно, но чем глубже становился сон, тем слабее чувствовалась боль. «Хоть бы она была, захребная жизнь...» – это были последние мысли Джуди.

* * *

Он крался, как зверь. Прислушиваясь к собственным шагам и не упуская ничего, Макаров шел по тропе, которой уходил за Питером к водопаду. Раздайся где-то в ста метрах треск тонкого сучка или сядь на ветку птица-полуночник, он остановился бы сразу, слившись со стволом пальмы. Он шел, ориентируясь в темноте, как если бы ходил этой дорогой много раз. Через двадцать минут он нашел то место.

Вот здесь, распластав руки и тяжело дыша, он прощался с жизнью. Это было в первые часы пребывания на острове. Здесь, в двух метрах от тропы, он открыл глаза и увидел небо.

Наклонившись, Макаров сгреб пересохшую листву и чиркнул колесиком зажигалки. Пламя мгновенно впилось в сушняк жадными зубами, и он стал хватать ветки и бросать сверху. Ему нужен был свет.

Скинув с себя рубашку Левши, намотал ее на кривую, словно водопроводное колено, и толстую, как рука, палку. Искать другую не было времени. Затянул узлом рукава на ней, соорудив на одном из концов тюрбан, и положил рядом с костром.

И когда по крошечной, лишенной высокой травы поляне разлился, проникая во все уголки рельефа, свет, он опустил на колени. Он был похож на решившего обратиться при полной луне в волка человека. Он двигался на четвереньках, держа лицо в нескольких сантиметрах от земли.

Это можно было сделать завтра, но он не мог ждать завтра. Завтра наступает как-то неожиданно. Еще два часа назад был день. Точнее сказать – полдень. И вот снова – ночь. При такой скороспелости луны можно состариться и умереть, не заметив этого.

Он хотел убить живший в нем страх. Одиннадцать лет назад страх пришел в него, когда стало ясно, что подлодке не подняться наверх. Сработала атомная защита, но для сорока подводников во главе с ним это было малым утешением. Радоваться тому, что тебя убьет не радиация, а отсутствие кислорода, было глупо. И тогда в нем поселился страх. Он знал, что подлодка недвижима. И что сигналы SOS в прибрежных водах Аляски подавать нельзя – тоже знал. Никто не придет. И страх сковал. Макаров ушел в свою каюту и вынул из сейфа пистолет. Загнал патрон в ствол и вынул магазин – семь оставшихся патронов были лишними. Спрятал оружие под робой и вышел, дав слово убить себя, когда на судне перестанет дышать последний из моряков. В те минуты в голову не приходило, отчего это он будет последним, кто перестанет дышать. Двенадцать часов тянулись долго, тянулись, как тянется ночь перед свиданием. Наступил рассвет, но Макаров его не видел. Полная темнота, дыхание рядом, мертвое молчание готовящихся к смерти людей... В обед стало ясно, что жить осталось недолго. Все были раздеты, лишь он один, желая умереть не от удушья, а от пули, сразу, ходил в насквозь пропитанной потом робе. За пять минут до случившегося он зашел к себе в каюту, чтобы попрощаться с женой и Питером. Снимок висел на переборке каюты уже год. Годовалый Питер на руках матери – он улыбается, она – смеется... И он очнулся. Страх покинул его. Нехотя, цепляясь когтями за внутренности, все еще шевеля их, но – отступая. Страх все-таки ушел...

А через пять минут заработал двигатель. Еще четверть часа, добираясь до нейтральных вод, он вел субмарину и уже ничего не боялся. Он знал, что не умрет. И лишь только приборы

дали ему «добро», он пустил подлодку вверх, на «прыжок дельфина»... Двадцать минут сорок раздетых мужчин, дыша со свистом и кашляя, теряя сознание от переизбытка кислорода в легких, лежали на покрытой инеем наружной палубе и смотрели, как рядом со спасшей им жизнь субмариной разбитыми зеркалами качаются пластины разломанного льда.

Он тогда переборол страх. Не Питер спас его команду тогда, но Питер помог ему задавить страх. А сегодня страх снова заполз в него, и в тот момент, когда он имитировал рвоту и готовил один-единственный удар, Макаров решил от него избавиться. Был Питер. Его Питер. И Питер его ждал...

Он всматривался в каждый сантиметр земли, он представления не имел, что ищет, но если был здесь не один, значит... хотя не значит, конечно, а – может... осталось здесь что-то, что принадлежало бы не ему...

Челюсть же нашли. Смешно сказал. И сим-карта найдена. Значит, оставляют...

Через четверть часа поисков он увидел в траве предмет, который не должен был находиться на этом острове. Осторожно расправив стебли, он взял его двумя пальцами и повернул так, чтобы свет костра осветил его. Амбула. Обычная стеклянная ампула с нечитаемой при таком освещении надписью, со сломанной головкой и уже сухая изнутри. Не поднимаясь, он сунул ее в карман брюк и только после этого, опершись на руку, встал.

И в тот же момент пронзительный луч света ударил ему в лицо.

Скорее почувствовав, чем увидев, Макаров дернулся в сторону и тем спас себе ребра. Тяжелый ботинок пролетел мимо, скользнув по бедру. Но и этого хватило, чтобы он почувствовал острую боль. Припав на ногу, он сделал шаг назад и схватил свой факел. Кривая палка с тлеющей на ней рубашкой света давала мало, но все-таки могла превратить мрак в полумрак. И тем хуже было видно, чем удачнее кто-то невидимый направлял ему в лицо луч фонаря.

Но лишь луч отъехал в сторону – что-то заставило хозяина фонаря оступиться, – Макаров тут же принял решение. И дело было не в сверхъестественном чутье, а в географическом положении объектов. Слева от капитана светлела одна фигура, справа – другая. Был еще третий, он и держал фонарь.

Шагнув в сторону, Макаров услышал слева от себя характерный щелчок. Так звучит взводимый курок пистолета.

Стремительно свалившись вниз, он услышал тупой звук – так палка ударяет о подушку. Потом – стук пораженного позади себя дерева, и Макаров, рискуя свернуть себе шею, сделал кувырок вперед и впечатал пятку в грудь стрелявшему.

Из-за спины врезавшегося в дерево стрелка вывалился сначала второй, потом третий, и Макаров уже с полным отчаянием принял мысль о том, что вот на этой поляне, на потерянном острове, после года одиночества и борьбы за сына, так и не успев поцеловать его в последний раз, он и закончит эту бессмысленную жизнь...

Но эта ночь, как и предполагалось с самого вечера, обещала быть бесконечно длинной.

Фонарь лежал в траве и светил в джунгли, пронзая их на тридцать метров.

Не обращая никакого внимания на хрипящую жертву свою, которую уже рвало кровью, Макаров услышал, как вокруг него застучали палки о подушки...

Боль пронзила его руку, бедро, он вскрикнул и перекатился в сторону.

Он не помнил, как оказался на ногах.

Первым его движением было метнуться в джунгли, но вдруг почувствовал, как нога его, обожженная попаданием, онемела, почти отнялась. Боль ушла из нее, ушла и из руки, но вместе с болью ушла и чувствительность. Сделав шаг от бедра, он изумился сам себе. Нога пошла вперед и ступила так, как он не поставил бы ее даже в нетрезвом состоянии – в сторону, изогнув стопу.

Но он все равно качнулся в сторону леса, и в этот момент в него вцепились, словно клещи, две руки.

Вырвавшись из захвата, он развернулся и тут же почувствовал прикосновение холодного ствола к своему лбу.

– Оставьте эту затею, если хотите жить, – произнес кто-то голосом хотя и неровным, но спокойным. – И поберегите силы, они вам еще понадобятся.

Не обращая никакого внимания на призывы, Макаров рванулся вперед, но был тотчас сбит поставленным ударом ноги. Чувствуя, как на него наваливаются сразу несколько человек, он ревел. Он думал только о том, что на авианосце, голодный и беззащитный, сидит на койке Питер...

– Следите за джунглями!.. – услышал он вместе с болью в руке – ему заламывали ее за спину. О второй руке капитан не думал, потому что не чувствовал. – Успокойтесь, иначе придется вас покалечить!.. – это адресовалось уже ему.

Он перестал что-либо понимать. Кто где, кто на ком – все перепуталось в голове его, он схватил через голову одного из крикунов за губу и, недолго думая, рванул на себя. Ноша на спине на треть ослабла, а поляну оглушил сумасшедший крик, который тут же прервался. Кто-то закрыл обезумевшему от боли рот.

– Губа! – орал через чью-то ладонь пострадавший. – Он порвал мне губу!..

Так же, не особо целясь, Макаров выбросил через другое плечо ту же блестящую от чужой крови руку с расставленными в стороны пальцами. Но тот, чьи глаза неминуемо должны были пострадать, оказался проворнее. Чуть отстранившись назад, он схватил зубами пальцы капитана так, что у того потемнело в глазах.

– Боже мой! – бешено заорал кто-то на английском. Макаров слышал этот крик и чувствовал, что засыпает: – Он разорвал мне губу!..

«Могли бы убить меня, да не убили», – подумал, сидя на стуле, Макаров. Десять минут назад он пришел в себя, но глаза не открывал. Безвольно опущенная на грудь голова даже не шевельнулась в момент пробуждения.

Он сидел на стуле в темном помещении. В какой-то момент он на секунду приоткрыл веки и тут же их закрыл. Темно. Вокруг – ни звука. Руки и ноги намертво приоткаты к стулу. Чем именно – понять было сложно.

Эта ночь, конечно, закончится. Так же неожиданно, как началась. Но страшная жизнь между адом и раем, начавшаяся для Макарова в лесу, обещала быть по-настоящему долгой. Весь его период существования на этой планете разделился на два периода. Первый длился большую часть жизни и заканчивался часом, когда он ступил, держа за руку Питера, на этот остров. Второй тянется шестеро суток и не обещает ничего, кроме непонимания.

Приехали. Остров...

Яркий свет ударил ему в лицо, и Макаров непроизвольно дернулся. Этот свет проник сквозь веки и обжег глаза, это был не луч карманного фонарика. Он поморщился, но, куда бы ни прятал лицо, свет жег глаза, и тому, кто его направлял, был виден, как показалось Макарову, даже его мозг.

Через минуту свет ослаб в несколько раз, и Макарову удалось приоткрыть глаза. Пять лет назад он ложился под нож хирурга, и сейчас мощные лампы напоминали ему операционный софит. Глаза теперь могли быть открытыми, но смотреть перед собой было все равно невозможно.

– Вы пришли в себя? – раздался спокойный голос.

Макаров не отвечал, и вопрос прозвучал во второй раз.

– Разве это не очевидно?

– Транквилизаторы, которыми вас обстреляли, позволяют человеку шевелиться, но при этом держать ваш мозг на замке. Поэтому я и спрашиваю вас в третий раз – вы пришли в себя?

– Это все, что вас беспокоит? – спросил, не поднимая глаз, Макаров.

– Пока да.

Пауза затянулась. По мнению Макарова, начать этот разговор должен не он. Тот, кого он не видел, придерживался, видимо, той же точки зрения.

– Господин Макаров, любой другой из находящихся на острове мне безразличен, и я позволил бы его убить не раздумывая. Причем сделать это можно было, просто не обращая на вас внимания. Если бы полчаса назад не вмешались мои люди, вы были бы мертвы.

– На самом деле? – Макаров улыбнулся в пол. – И кто бы меня убил?

Скрипнул стул. Кто-то встал с него. Раздались шаги. Потом – щелчок зажигалки. Через минуту запахло табачным дымом.

– Давайте поговорим. Я знаю, что вы прекрасно владеете английским. Поэтому в состоянии проникнуться и сделать правильные выводы.

– Зато я не очень хорошо владею местными традициями. Потому до сих пор не могу понять, как меня, человека, другой человек может держать во время разговора привязанным к стулу.

– Пожалуй, начну я издалека, – словно не замечая этих слов, сообщил невидимый. Судя по голосу, он вписывался в категорию мужчин, перешагнувших границу, разделяющую экватор жизни. – Год назад в автомобильной катастрофе погибла ваша жена. Все это время вы находитесь с сыном в состоянии душевной протрации. Вам трудно найти с ним общий язык, ведь та, что была посредником между вами, ушла...

Напрягшись, Макаров перестал шевелиться.

– Прошел год, но вы с мальчиком по-прежнему чужие. И не было бы в этом ничего предосудительного, такое бывает, – невидимый помолчал, затягиваясь сигаретой, – и отношения меж отцом и сыном выправились и стали бы они еще ближе, чем были бы, останься в живых мать. Но есть проблема. И эта проблема неустранима. Она заключается в том, что мальчик видит будущее.

Макаров поднял глаза и стал превозмогать боль от света.

– Откуда вы это знаете?

Снова скрипнул стул. Человек вернулся на свое место.

– Думаю, он догадывается, как погибла его мать. Ребенок слишком мал, чтобы принимать решения, тем более ему часто кажется, что он не прав. Но увидеть вас не с матерью он в состоянии, правда?

– Развяжите меня, – приказал Макаров.

– Чтобы вы свернули мне шею? Нет, увольте.

Где-то между полом и потолком дрогнула жестяная пепельница.

– Мне спокойнее, когда вы прикованы к стулу, который прикован к полу. Вы уже сломали ребро одному из моих людей и разорвали губу второму.

– Должен же я был как-то отблагодарить людей, стреляющих в меня из пистолетов?

Когда человек заговорил, Макаров почувствовал на губах его улыбку.

– Если бы вас хотели убить, вас бы убили. Но вас просто обстреляли химреактивами, чтобы обездвигить. Совершенно безобидная процедура, если не считать синяков. Но мы немного отвлеклись...

– Сказать, что я хотел бы закурить, не значит погрешить против гостеприимства этого дома?

Через несколько мгновений Макаров увидел силуэт приближающегося к нему человека. Силуэт, черный на фоне ослепительного фонаря. В какой-то момент Макарову показалось, что это фонарь с корабля.

Он губами почувствовал фильтр и жадно вцепился в него зубами. Знакомый щелчок. Знакомый аромат табака во рту... Макаров несколько раз подряд затянулся и закрыл глаза.

– Что все это значит?

– О, это слишком общий вопрос. Давайте-ка лучше поговорим сначала о вашей жене, матери Питера.

– Почему вы решили, что я с вами буду говорить об этом? Кто вы?

– Последний вопрос по логике вещей и событий нужно было задать первым, но я отнесу это за счет шока. Итак, не могли бы вы рассказать, как ушла из жизни ваша жена?

– Пошел ты... – Отлепив языком фильтр от губ, Макаров выплюнул сигарету перед собой.

– Ну, что-то подобное я и ожидал, – раздалось после недолгого молчания.

Макаров смотрел на огонек сигареты до тех пор, пока его не накрыло черное пятно подошвы.

– Вы все здесь не случайно, господин Макаров. Вы все оказались на острове благодаря своим уникальным способностям. Кто-то в душе конфликтолог, кто-то – организатор. Эгоист и бессребреник, доктор и больной, убийца и вот-вот готовое родиться дитя. Точная, уменьшенная в миллиарды раз копия человечества. Чтобы создать программу, вычисляющую форму человечества, и подобрать комбинацию нужных людей, потребовались годы. Сейчас на острове двадцать два человека из числа пассажиров «Кассандры». Эти двадцать два человека – безусловно точная копия разумного мира на Земле. В эту копию не входил только один человек...

– Адриано, разумеется...

Человек по ту сторону света кашлянул.

– Вы ошибаетесь. Лишний среди вас другой. Именно он должен был остаться на корабле, а Адриано продолжить путешествие с вами здесь. Но вмешался случай, господин Макаров.

– Вы думаете, что я поверю в этот бред?! – Макаров взбеленился, выдирая руки из оков. – Где букет? Где толпа операторов, поздравляющих меня с розыгрышем?! Учтите, недоумок, на авианосце остался мой сын, и если это не шутка, то лучше бы вам прикончить меня! – Он помолчал, задыхаясь от напряжения. – Потому что, если вы этого не сделаете, я вас прикончу!..

– Своим поведением вы только причиняете ущерб своим отношениям с ребенком, господин Макаров. Я сейчас велю обстрелять вас транквилизаторами и буду обстреливать до тех пор, пока вы не поумнеете. Поэтому помолчите лучше и слушайте. И отвечайте на вопросы, когда вам их задают... Это – не розыгрыш. Да вы знаете это.

Кусая губу, Макаров тяжело дышал. Он бегал глазами по мрачному настилу пола и пытался сообразить, что происходит.

– Вы готовы слушать?

– Да, – подумав, ответил Макаров, он сейчас был согласен на все, лишь бы не шла речь о Ней.

– Калининград, Россия. Лето прошлого года. Автомобиль «Ауди» на сумасшедшей скорости врезается в грузовой автомобиль. Погибает женщина, которая мчалась по известному ей адресу, чтобы застать мужа в постели с другой женщиной.

– Известному ей?..

– Совершенно верно. Она ехала к той женщине.

В холодном поту, ошеломленный и затравленный, Макаров поднял глаза.

Человек, различить черты которого невозможно было даже при всем желании, стоял перед ним.

– Женщина до последнего не верила в измены мужа. Когда же ей стало невыносимо, она призвала на помощь частного детектива. Есть такой в Калининграде, специалист по таким делам... Он-то и выследил и мужа, и адрес установил, и заказнице сообщил... Но случилось несчастье. Женщина не доехала до дома той, с которой играл в любовь ее муж...

– Частный детектив...

– Вы удивительно сообразительный человек, мистер Макаров... Просто удивительно, какой вы сообразительный.

– А вы – урод.

– Я знаю, – последовал незамедлительный ответ. – Ван Гог тоже был уродом. И Курчатов урод, и Оппенгеймер. И Сахаров урод. И я урод, утверждая это. Давайте закончим этот разговор. Вы узнали все, что вам знать нужно. Я предполагал, что именно вам мне и придется это рассказать. Уберечь вас от смерти я больше не стану. Хватит и двух раз...

– Интересно, что грозило мне сейчас в лесу? – саркастически оскалился Макаров. – Кроме вас, разумеется?

– Те, кто шел за вами по пятам.

– Ваши люди?

– Нет. Они не мои. И они не люди.

– И кто это такие? И кто те люди, что ночью побывали на авианосце? Кто такой Артур?..

– Слишком много вопросов, мистер Макаров. Я и так сказал вам больше, чем нужно.

– Больше, чем нужно? – в гневе прорычал Макаров. – Да кто ты такой?! Развяжи-ка мне руки...

– Ага, сейчас. Посмотрите перед собой, Макаров... Я попробую прочесть ваши мысли... Вернуть бы время назад – думаете вы, верно?... В тот день, когда жена спросила вас, вернули ли вы ее автомобиль с ремонта. Остановить бы сейчас время и вернуть – вы думаете... Я прав?

– Развяжи меня...

– Просто ответьте на вопрос. Вы ведь хотите остановить время и вернуть его назад? Отвечайте же, – потребовал неизвестный, выждав такую паузу, какую может выдержать только очень терпеливый человек.

– Да, я хотел бы остановить время и вернуть его назад...

Он услышал звук удаляющихся от него шагов и слова, заставляющие его почувствовать себя плохо, как тогда, в лесу:

– Тогда можете считать себя счастливым человеком. Редко кому из тех, кто произносит пустые слова о возврате времени, удается стать свидетелем этого.

– Я схожу с ума...

– Вы не сходите с ума. Вы просто устали. Так вы по-прежнему хотите повернуть время вспять?

– На этом острове много свидетельств того, что это уже случилось.

– Но мало свидетелей, насколько это ужасно. Так вы готовы обречь себя на ужас ради того только, чтобы начать жизнь с того дня, на котором, как вам показалось, она остановилась?

– Ужас?.. Разве то, что здесь происходит, не ужас?

Макаров услышал смех.

– Так вы готовы?

Звон в голове заставил Макарова поморщиться. Он опустил голову.

– Время, Макаров... Что стоит время, верно? Время – это все. Им можно измерить даже совесть, которая мучит часами, сутками, месяцами... Время – это жизнь. А если времени нет, Макаров? Что это?

– Это смерть...

– Добро пожаловать в незнакомый вам мир, мистер Макаров. Это был ваш выбор.

Макаров сначала услышал знакомый звук – удар палки по подушке. В запертом помещении он звучал как более сильный удар. А потом сразу почувствовал боль в груди. И свет наконец-то померк.

* * *

Он снова лежал на траве, тело вновь разламывала боль, и он по-прежнему живой. Без рубашки, в одних только брюках и сандалиях. Высоко в небе стояло солнце.

Макаров сунул руку в карман брюк. Амбула. Он вынул ее и еще раз рассмотрел. Надпись читалась хорошо, но без Донована все равно было не разобраться.

Нужно было идти к авианосцу, но жажда была так велика, что он уже знакомой дорогой направился к водопаду. Там долго плавал в воде, пил, нырял...

Там же, в воде, он снял брюки и, как мог, отстирал. А потом вышел, отряхнул короткие волосы, сбросив с них серебро озера, и пошел к авианосцу.

Сначала это был уверенный, ровный шаг, потом трусца, и вот, наконец, Макаров побежал.

С большого нагретого камня у впадины, куда сливалась с высоты вода, за человеком наблюдал огромный черный скорпион. Когда человек исчез в зарослях, он опустил клешни и замер.

Глава двадцать первая

Левша открыл глаза и посмотрел не в потолок, а почему-то повернул голову и – вправо. Так сделал бы любой, чья правая рука находится в чьей-то ладони. Он увидел ее и улыбнулся.

– Ты можешь называть меня Мари. Как хочешь называй. Только не уходи больше...

Он смотрел в ее лицо, не отрывая взгляда.

– Что – нет? – прошептала она, увидев, что он качает головой.

– Катя...

Она заплакала.

– Тебя зовут Катя. Я помню.

– А что же Мари?

Левша закрыл глаза. Он был слишком слаб, чтобы вести оживленную беседу. Но все-таки заговорил:

– Страшно сожалеть я буду когда-нибудь о том, что впустую растрчивал минуты, которые до краев мог бы наполнить смыслом. Так всегда: кажется, что день бесконечно долгов, но вот уже и сумерки растенили двор бесконечной серостью – и приходит полное глубокого разочарования понимание: ничего не сделано... Когда-нибудь я крепко пожалею об этом. Но не сейчас, видимо... – Он улыбнулся там, в себе. – Недоласканный ребенок, забытое в черновиках письмо, недодуманная мысль... недопоцелуй, недозгляд – когда-нибудь все это соберется воедино, сблизится, сроднится и в конце концов обретет полную от меня независимость. Так не появляются на свет лучшие романы писателей...

– Левша?

Он спал, улыбаясь.

* * *

Прохладный воздух палубы второго этажа. В пахнущем машинным маслом и металлом помещении сидят двое. Один – свесив ноги из кабины «Эвенджера» с бортовым номером «28», второй – на придвинутой к этому самолету лестнице.

Макаров запрокинул назад голову и посмотрел на Гошу.

– Донован сказал, что в ампуле был адреналин. В первый день на острове меня откачивали. А потом вливали в вену физраствор. Так сказал Донован.

Молчание.

Они два часа говорили перед этим, и все уже сказано было, кажется. Кроме главного.

– Больше ты ничего не помнишь? Только драку в лесу и разговор где-то в помещении?

– Ничего больше. Но я видел пряжку, видел следы на камне от пуля. Если мне померещилось, тогда что все это значит?

Молчание. Они оба хотели, чтобы ответ, который имелся и который выглядел чудовищно, озвучил другой.

– Гоша, я каждый день по несколько раз в день смотрю на солнце. И каждый день почти схожу с ума. Или я уже сошел. Второе вернее, потому что к лучшему ничего не меняется.

– К лучшему изменилось только то, что мы на авианосце, а не на берегу.

– Я не знаю, к лучшему ли это. Прошедшая ночь заставила меня усомниться в том, что нам здесь лучше... Но каждый день я смотрю на солнце.

– И что тебе рассказывает оно?

– О, – оживился Макаров, – оно откровенно, как одноклассница-девственница... Вчера, к примеру, в обед, оно разболтало, что я нахожусь где-то в районе пятнадцатой параллели между Гавайями и островами Лайна. Вечером солнце заблудилось в собственных рассказах и соврало, что я в море Лабрадора. Сегодня утром она, шлюха, – я о солнце – встала с чужой постели, видимо, поскольку появилось с северо-запада, а не на востоке... А перед тем как спуститься сюда, я сверил координаты и прикинул, где мы можем находиться третьего сентября две тысячи девятого года в семнадцать часов тридцать минут.

– И что тебе шепнуло солнце?

Макаров закрыл глаза и прижал затылок к одной из приваренных к лестнице ступенек.

– Ничего особенного. Мы сейчас в Корее.

– Северной или Южной?

– Есть разница?

– Я не хочу быть в Северной. Там меня казнят за тунеядство.

– Ну, значит, мы в Южной Корее, – успокоил его Макаров. – Солнце... Не мне, моряку, объяснять тебе, и не тебе, геологу, меня слушать, но будь я проклят, Гоша, если я ошибаюсь... Ты заметил, что у нас не растут бороды, я разговаривал с солнцем... В убитом Артуром человеке Дженни признала своего мужа, бывшего священника Антонио... Хотя является вдовой Грегори Ричардсона, известного музыканта... И я утратил навыки навигации, верно, если тычу пальцем в небо как юнга и не могу понять, где стою. Ты знаешь, Гоша, а ведь это впервые происходит со мной – я стою на палубе военного корабля и не могу понять, где нахожусь...

– Макаров?

– Я здесь, здесь... Я еще не на Мадагаскаре.

– Тот человек в военной форме...

– С медальонами Стива МакНамана?

– Я думаю...

– Говори быстрее. Борода у меня здесь не растет, но в туалет я хочу, как в Калининграде.

– Я думаю, что это и есть МакНаман, Макаров... Один из пилотов самолетов, которые мы видим. Возможно, я сейчас сижу в кабине того, который он вел в Бермудском треугольнике. Время стоит, оно не движется... Ничего не движется, кроме сошедшего с ума солнца.

Молчание.

– Макаров...

– Да?

– Мы... далеко от...

– Мира?

Молчание.

– Мы далеко от мира, к которому привыкли. Мы в глубокой временной яме, Макаров...

По крайней мере еще пять минут прошло, пока Макаров снова не запрокинул голову.

– А ведь Артур мог не убивать того человека, в каюте.

– Потустороннего мужа Дженни?

– Смешно сказал. Да, он мог его не убивать. Но убил. И тот человек не был против. Когда мы ворвались в каюту, он был ранен. И я ни за что не стал бы в него стрелять. Но ему нужно было умереть, это знали они оба. Он и Артур. И тогда у него в руках оказался нож. То есть у Артура появился резон нажать на спуск.

– Я слушаю тебя, и кажется мне, что вместе с солнцем по небу летает твое воспаленное воображение, – признался Гоша. – Солнце – согласен, я принимаю даже капризы Дженни, решившей выбрать вдовство по своему усмотрению. Но зачем Артуру убивать своего?

– Тот «свой» не выполнил задания и рисковал оказаться в наших руках. Его могли разговорить. И вот я думаю – какая же причина или великая цель могла заставить того человека без труда принять предложенную смерть вместо возможности остаться в живых.

В ангаре снова повисла тишина.

– Гоша?

– Я услышал тебя, услышал... Но ты меня спрашиваешь, думая, что я отвечу?

– Нет, я просто так спрашиваю... Нам пора наверх.

– Да, конечно, – засуетился Гоша. – Я вот только хотел бы знать, как пропавшие в сорок пятом году пять «Эвенджеров» сороковых годов постройки сели на палубу авианосца, который построен в середине семидесятых.

– Я думал, ты спросишь, как авианосец мог оказаться в семи морских милях от берега на острове, которого...

Молчание.

– Которого нет, Макаров?

– На острове, которого нет...

Некоторое время Гоша безучастно смотрел мимо Макарова, а потом поманил его пальцем в дверь, ведущую на нижнюю палубу.

– Здесь мы сможем поговорить, чтобы никто не услышал и не посчитал помешавшимися на почве отсутствия курева. – Усевшись на колесо «Эвенджера» так, чтобы Макаров, сев на

другое, оказался к нему лицом, он потерял ладони. – Я покажусь тебе идиотом, конечно, но... Но лучше уж показаться, чем стать. А я им становлюсь. От того, что вижу.

– И что ты видишь?

– До Эйнштейна о странствиях во времени говорили только беллетристы. В науке о возможности подобных перемещений стало модно размышлять чуть позже. Феномен перемещения во времени с того самого момента стал объясняться с точки зрения действия пространственно-временного континуума. Но легкий еврейский акцент Эйнштейна до сих пор звучит в каждом размышлении на эту тему.

– Пока не понимаю, – признался Макаров.

– А я еще ничего и не сказал... По теории относительности выходит, что при скорости, близкой скорости света, время должно замедляться. Однако скорость света практически недостижима в отличие, скажем, от скорости звука, барьер которой был преодолен в конце двадцатого столетия. Далее теория Эйнштейна ведет нас к тому, что, когда тело развивает скорость, близкую к скорости света, его вес начинает увеличиваться. И в точке достижения этой скорости он становится практически бесконечен... Еще одна аксиома, которая также сопровождает теории о времени, гласит: первое путешествие, если ему суждено будет произойти, будет связано не с появлением сверхбыстрого аппарата, а с выявлением еще не известной никому среды, в которой любой сверхбыстрый аппарат может развить бесконечно быструю скорость...

– Особая среда?

– Да, – кивнул Гоша. – Но коридоры, в которых можно перемещаться во времени, существуют на самом деле. Я так думаю, во всяком случае... «Черные дыры», они же – «тоннели времени»... Считается, что, когда звезда, масса которой превышает массу Солнца как минимум в четыре раза, гибнет...

– Гибнет звезда?

– Не иронизируй. Первый раз на сарказм я внимания не обратил, зачем давить меня дальше? – Гоша растер лицо. – Ты лучше послушай, а потом считай, что я идиот не кажущийся, а настоящий. Когда энергия звезды сгорает, они взрываются из-за давления, вызванного их собственным весом. Без уравновешивающих энергией сил они давят сами себя, понимаешь?.. Происходит взрыв, в результате которого образуются «черные дыры». И гравитационные поля их настолько мощные, что место взрыва не может оставить даже свет. И любой объект, что оказывается рядом, затягивается в дыру, как монета в пылесос «Кирби»!

– Я пока не могу понять, как это к нам относится...

– Черная дыра окружена гравитационным полем, в котором тела достигают скорости света. Предполагается, что в глубине черной дыры – предположительно, в центре, в так называемой точке сингуляра – законы физики прекращают действовать. Эйнштейн и Ньютон отдыхают. А пространственная и временная координаты меняются местами. Так перемещение в пространстве превращается в перемещение во времени.

– Ты хочешь сказать, что...

– Посмотри вокруг... – угрожающе прошептал Гоша.

Невольно, после чего смущенно хмыкнул, Макаров обернулся.

– Черепки ита, золотая монета восемнадцатого века... Медный наконечник стрелы! Когда железо заменило медь, ты знаешь?!

Эхо прокатилось под потолком ангара.

– К чему ты ведешь?!

Гоша схватил Макарова за плечи и тряхнул.

– Как на одном острове могут одновременно находиться эти предметы? Ладно, пусть монету потерял кто-то из путешественников. Но как сюда могло попасть письмо ита? А наконечник стрелы?!

– Наконечник мог здесь и лежать три тысячи лет! А письмо ита...

– Ну-ну, – разрешил Гоша. Не дождавшись ответа, он оперся на крыло. – Ты упустил одну деталь, мой друг. И черепки, и монета, и наконечник найдены на земле. На! А не – в земле! И

черепок Левша не вырыл из двухметрового слоя почвогрунта, а наклонился и поднял, когда Артур наступил на него ногой!

При упоминании имени Артура Макаров поднялся и ударил кулаком по фюзеляжу.

– Что, не понимаешь? – проговорил Гоша. – А американский летчик, который должен был давно сгнить в Атлантике, а не драться с Левшой?

– Я не понимаю... – прохрипел Макаров.

И Гоша воочию убедился, как велика разница между «я не понимаю» и – «я понимаю, но не могу в это верить».

– Макаров... если в черной дыре не работают законы физики, то работают другие. Но они прямо указывают на то, что если есть черные дыры, затягивающие все, оказавшееся рядом, значит, внутри них должна существовать сила, выталкивающая объекты с той же мощностью... Физики утверждают, что в центре черной дыры находится коридор, где пространство и время меняют свои свойства. Но прежде чем объект достигнет точки, где законы «нашей» физики перестают действовать, оно будет разрушено.

– Это значит, что все, что ты говоришь и во что я должен поверить...

– Ты уже поверил... – едва слышно сказал Гоша. – Потому что это так... Ты упрям как осел, потому что не хочешь принимать бесспорного... До нашего появления на этом острове... совсем незадолго, Макаров... быть может, за неделю... был тот, кто потерял монету... А за месяц до этого кто-то пытался подстрелить антилопу из лука... А вчера по лесу бродил пилот «Эвенджера»... Самолета, который исчез с радаров американских военно-морских сил пятого декабря сорок пятого года....

– Бред!..

Глядя на шагающего по ангару Макарова, Гоша почесал мочку.

– Но перемещения возможны без разрушений, если...

– Ну?..

– Если поверхность тоннелей будет покрыта веществом с отрицательной плотностью энергии. Гравитационные силы будут стремиться закрыть тоннель, а покрытие будет расталкивать стенки и удерживать от разрушения...

– Еще не лучше... Значит, черные дыры – дело рук Господа, а их модернизация – дело рук людей?

Гоша не ответил. Ступив на лестницу, он забрался на крыло, уселся и свесил ноги.

– На этом острове ночь наступает, когда захочет... У нас не растут волосы и ногти... Солнце садится, словно падает, и встает, словно взлетает... Мы появляемся и исчезаем во времени, Макаров... И если бы рядом с этим островом был большой мир, в котором мы жили до острова... ты увидел бы или груженный золотом галион, проплывающий мимо... или...

– Или посадку на борт авианосца пятерки «Эвенджеров»?..

– Я рад, что в голове твоей наступает рассвет...

– Да, я осветился разумом относительно Промысла Божьего, и я даже готов поверить в тоннели... Но расскажи мне, кто покрывает эти тоннели смазкой?.. или... чем там?.. ты сказал?..

– Хороший вопрос. – Оттолкнувшись, Гоша спрыгнул. Самолет качнуло. – Это очень хороший вопрос...

Спустившись, Гоша догнал медленно бредущего к выходу Макарова и положил ему руку на плечо.

– Давай попробуем быть к себе милостивыми еще хотя бы некоторое время.

– Я не могу быть к себе милостив. Здесь мой сын. И я не хочу, чтобы он сошел с ума так же, как двое взрослых мужиков, на трезвую голову разговаривающие о том, что остров то исчезает, то появляется...

– Некуда торопиться, – нетвердо возразил Гоша. – У нас есть время, чтобы понять, что мы немного устали или...

– Или немного сошли с ума?

– Да. Пусть лучше будет так. В этом случае есть шанс дожидаться «Кассандру» и вернуться.

Макаров посмотрел на него и усмехнулся.

– Да ты, видимо, забыл, парень, что на «Кассандре» был убит Адриано и на «Кассандре» же пришел с нами Артур? – Опершись плечом о косяк и чувствуя, как сквозняк холодит его шею, Макаров опустил голову и долго думал.

– Нам нужно найти того человека. Того, кто напал на Берту.

– Стива МакНамана?

– Если это на самом деле он, то он должен располагать большей информацией, чем мы. По крайней мере, пятьдесят четыре года – достаточный срок для того, чтобы прийти к каким-то выводам.

– Или безвозвратно спятить. До такой степени, чтобы напасть на ребенка и глумиться над ним. Но он, черт меня побери, все это время жив! И я хочу знать, как ему это удастся! А лучше я спрошу об этом у Энштейна, когда он здесь появится.

– Макаров, мы уходим и приходим, поэтому ночь или рассвет постоянно застают нас врасплах... Вокруг океан... Но за ним, где-то там, далеко, то «испанка» косит Европу... то Леонардо рисует «Джоконду», то Джон Бутс стреляет в Линкольна... Только мы не видим этого и не слышим об этом, потому что мы... Потому что мы далеко, мы далеко... мы в чертовом океане! Черт знает где! А в это время Медведев, возможно, передает власть Путину!..

– Замолчи, – процедил Макаров. – Или я тебя убью.

Свет бил им в глаза, когда они выходили на верхнюю палубу.

– Макаров! – раздался голос откуда-то сверху.

Он поднял голову и увидел Дженни, которая стояла на самой верхней части палубной пристройки.

– Макаров, если бы тебе сейчас позволено было загадать три желания, которые были бы исполнены, что бы ты выбрал?

Двадцать человек на палубе ждали ответа. Им было на самом деле интересно.

– Дженни, блок сигарет «Мальборо», котлету по-киевски и твой поцелуй! Это, значит, – раз!..

Под общий хохот Дженни сбегала вниз, обняла Макарова за шею и впиалась в его губы долгим, пронзительным поцелуем...

Вместе со всеми на палубе стоял и смеялся Он.

«Смеются, – улыбаясь, думал Он. – Они смеются. Счастливые люди. Но будете ли вы так же счастливы завтра?..»

И в этот момент волосы всех тронуло ветром. В совершенно тихую погоду женские пряди и мужские вихры встрепенились, словно они были на борту «Кассандры». Никто этого не заметил в пылу веселья. Но если бы нашелся таковой, то показалось бы ему, что он резко тронул с места открытую спортивную машину...

Прошло еще мгновение, и волосы людей уже ничто не беспокоило.